

ЗАРЯ

СОЦІАЛЬ-ДЕМОКРАТИЧЕСКІЙ НАУЧНО-ПОЛИТИЧЕСКІЙ ЖУРНАЛЪ

Издается при ближайшемъ участіи

Г. В. ПЛЕХАНОВА, В. И. ЗАСУЛИЧЪ и П. В. АКСЕЛЬРОДА.

—•••—
Цѣна 2 руб.

Адресъ для присылки рукописей и денегъ (только изъ заграницы):

J. H. W. Dietz Nachf. (G. m. b. H.) in Stuttgart.

Оглавленіе.

	Стран.
Отъ редакціи	V
Еще разъ социализмъ и политическая борьба. Г. Плеханова	1
Воспоминанія. Переводъ съ рукописи Карла Каутскаго	33
Что случилось? Старовѣра	47
Критика нашихъ критиковъ. Г. Плеханова	75
Замѣчанія на программу „Рабочаго Дѣла“. Н. Рязанова	118
О старомъ и новомъ. Бывалаго	137
Чему учить харьковская маевка? А. Б.	143
Гимнъ новѣйшаго русскаго социалиста. Нарциса Тупорылова	152
Четырнадцатое декабря 1825 года. Г. Плеханова	154
Борьба въ тюрьмѣ. В. Засуличъ	175
Европейскіе рабочіе и ихъ русскій историкъ. П. Молотова	187
Нѣсколько словъ о послѣднемъ парижскомъ международномъ социалистическомъ конгрессѣ. Г. Плеханова	231
Случайныя замѣтки. Т. X.	247
Библиографія:	
Философскія и социологическія основанія марксизма. Этюды по социальному вопросу — Масарика, профессора чешскаго университета въ Прагѣ. Переводъ съ нѣмецкаго П. Николаева	271
La propriété foncière en Belgique, par Emile Vandervelde	280
Bibliothèque socialiste, Paris 1900. № 1: Manuel du coopérateur socialiste, par Maurice Lauzel. — № 2—4: Le collectivisme et l'évolution industrielle, par Emile Vandervelde. — № 5: Proudhon, par Hubert Bourgin	284
Штундистъ Павелъ Руденко. Романъ С. Степняка (С. М. Кравчинскаго) В. З.	286

У насъ давно уже нѣтъ свободнаго печатнаго станка, на которомъ марксистская интеллигенція могла бы получить свое политическое воспитаніе. Съ тѣхъ поръ какъ пересталъ выходить женевскій Соціалъ-демократъ, у насъ есть — не многія исключенія не въ счетъ — печатныя хроники революціонной борьбы, да популярныя брошюры для рабочихъ.

Ищущая общественнаго знанія молодежь начинается трактатами о цѣнности, о рынкахъ, о лимитаціи, мотиваціи и прочихъ высокоумныхъ матеріяхъ, но у нея нѣтъ въ рукахъ даже азбуки политическаго знанія, она всецѣло предоставлена своему общественному инстинкту. Не зная, какъ подступиться къ сложному рисунку нашей общественной жизни, она бредетъ въ потьмахъ и спотыкается, и готова въ минуту жизни трудную — а такихъ минутъ много бываетъ въ жизни русскаго революціонера — продать за чечевичную похлебку преходящихъ интересовъ права первородства своихъ идеаловъ — задачи движенія въ его цѣломъ

Но.. современная разночинная интеллигенція и ея блужданія — слишкомъ обширная тема, чтобы касаться ея мимоходомъ. Я посвящу ей особую статью, а пока въ заключеніе замѣчу: я желалъ бы моему поколѣнію хоть сотую долю того революціоннаго размаха, которымъ когда то обезсмертилъ себя семидесятникъ; я сказалъ бы моимъ единомышленникамъ: *выходите и выводите рабочее движеніе на широкій путь политической борьбы, никогда и ни при какихъ условіяхъ не поступайте своей общественной личностью, не отрекайтесь отъ славнаго прошлаго разночинной интеллигенціи.*

Старовѣръ.

Критика нашихъ критиковъ.

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ.

Г. П. Струве въ роли критика Марксовой теоріи соціального развитія.

СТАТЬЯ ПЕРВАЯ.

I.

Nachdem eine Sache zur Klarheit gediehen ist, finden sich immer gewisse Gegner, die sogleich beflissen sind, unter dem Scheine der Neuheit die Sache wieder zu verdunkeln und unklar zu machen. Ich bin dieser Art von Gegnern und Gegenreden häufig begegnet.
Kuno Fischer.

Ces messieurs font tous du Marxisme, mais de la sorte que vous avez connu en France, il y a dix ans, et dont Marx disait: tout ce que je sais, c'est que je ne suis pas marxiste, moi! Et probablement, il dirait de ces messieurs ce que Heine disait de ses imitateurs: „J'ai semé des dragons et j'ai récolté des puces“.

Изъ письма Энгельса къ П. Лафаргу отъ 27 окт. 1890 г.

Г. П. Струве давно уже упражняется въ „критикѣ“ Маркса. Но до недавняго времени его „критическія“ упражненія не отличались систематичностью: онъ ограничивался, по большей части, или краткими, горделивыми заявленіями о томъ, что онъ, г. П. Струве, не зараженъ „ортодоксіей“ и состоитъ „подъ знакомъ критики“, или лаконическими замѣчаніями на ту тему, что вотъ въ такомъ-то и такомъ-то вопросѣ „ортодоксальные“ послѣдователи Маркса ошибаются, а правду говорить „критическіе“ марксисты. Но краткія замѣчанія и лаконическія заявленія почти ровно ничего не разъясняли относительно того, въ чемъ именно коренятся заблужденія „ортодоксальныхъ“ марксистовъ, и чѣмъ именно доказывается правда г. г. „критиковъ“. По этому поводу можно было лишь строить догадки. Самою вѣроятною изъ нихъ представлялась та, что Марксъ и его „ортодоксальные“ послѣдователи заблуждались потому, что не были осѣнены благодатью такъ называемой критической философіи, вносящей яркій свѣтъ въ міросозерцаніе г. П. Струве и его „критическихъ“ единомышленниковъ. Но хотя эта догадка и была очень вѣроятна, читатель все-таки имѣлъ слишкомъ мало данныхъ для ея провѣрки. Теперь въ нашемъ распоряженіи находятся эти

необходимыя данныя, и мы можемъ, поэтому, въ свою очередь подвергнуть критикѣ нашего „критика“.

Въ предлагаемыхъ статьяхъ мы хотимъ разобрать „критическій опытъ“, опубликованный г. П. Струве въ Archiv'ѣ Брауна подъ заглавіемъ „Die Marx'sche Theorie der sozialen Entwicklung“*) и напечатанную въ той же книгѣ Archiv'a рецензію его на извѣстную книгу Э. Бернштейна: „Die Voraussetzungen des Sozialismus und die Aufgaben der Sozialdemokratie“ и на не менѣе извѣстный отвѣтъ Бернштейну Каутскаго: „Bernstein und das sozialdemokratische Programm“. Этотъ критическій опытъ и эта не менѣе критическая рецензія очень хорошо характеризуютъ какъ приемы, такъ и образъ мысли нашего автора.

Г. П. Струве замѣчаетъ, что онъ въ своемъ опытѣ имѣетъ въ виду не материалистическое пониманіе исторіи во всей его полнотѣ, а „только его спеціальное примѣненіе къ развитію отъ капитализма къ социализму“. Но если его „критика“ непосредственно направляется только на одну часть Марксовой теоріи социальнаго развитія, то попутно она затрогиваетъ всю эту теорію вообще и даже нѣкоторыя ея философскія послылки. Такимъ образомъ она даетъ вполне достаточный матеріалъ для нашей критики критика. Послушаемъ же г. Струве.

По его словамъ, разбираемая имъ часть теоріи Маркса имѣетъ троякое основаніе: 1) ученіе о развитіи производительныхъ силъ въ капиталистическомъ обществѣ или, другими словами, „теорію обобществленія и концентраціи производства и теорію производительной анархіи въ капиталистическомъ обществѣ“, 2) ученіе объ ухудшеніи положенія низшихъ классовъ общества или „теорію обнищанія и теорію экспроприаціи мелкихъ капиталистовъ крупными“; наконецъ, 3) ученіе о революціонной роли пролетаріата, т. е. „теорію социалистической миссіи пролетаріата, создаваемого развитіемъ капитализма и растущаго въ ходѣ этого развитія“.

Поясняя эту послѣднюю теорію, г. П. Струве прибавляетъ: „пролетаріатъ подвергается обнищанію, но достигаетъ въ то же время такой социальной и политической зрѣлости, которая дѣлаетъ его способнымъ свергнуть капиталистическую систему путемъ активной борьбы классовъ и замѣнить ее социалистической системой“.

Что же думаетъ нашъ критикъ объ этомъ троякомъ основаніи Марксовой теоріи?

*) Brauns Archiv, XIV. Band, 5. und 6. Heft.

Не вдаваясь въ разсмотрѣніе вопроса о томъ, вѣрно ли опредѣлили Марксъ *относительное* значеніе каждой изъ указываемыхъ имъ тенденцій, г. П. Струве признаетъ, что эти тенденции дѣйствительно существовали въ капиталистическомъ обществѣ первой половины девятнадцатаго вѣка: теорія обнищанія являлась простымъ констатированіемъ дѣйствительности; развитіе производительныхъ силъ было въ глаза; революціонные порывы пролетаріата, — начиная стихійными вспышками и кончая коммунистическимъ движеніемъ, — были вопросами дня. Но по мнѣнію нашего критика, Марксъ сильно ошибался, утверждая, что указанные имъ тенденции вели къ *социализму*. Это его утверженіе не имѣло никакой реальной основы и было простой *утопией*.*) Торжество социализма оставалось совершенно невозможнымъ до тѣхъ поръ, пока обнищаніе народныхъ массъ было неоспоримымъ фактомъ. Обнищаніе рабочихъ несовмѣстимо съ такою зрѣлостью этого класса, которая сдѣлала бы его способнымъ совершить социалистическій переворотъ. Поэтому фактическое положеніе дѣлъ не оставляло въ сороковыхъ годахъ никакого мѣста для чуждаго утопій социальнаго оптимизма: если бы капитализму дѣйствительно предстояло потерпѣть крушеніе, то некому было бы взяться за возведеніе на его развалинахъ зданія социализма. И если Марксъ былъ, тѣмъ не менѣе, совершенно чуждъ всякаго пессимизма, то это объясняется именно неосновательностью его социально-политическаго міросозерцанія. „*Настоятельная психологическая потребность доказать историческую необходимость экономического порядка, основаннаго на коллективизмѣ*“, — говоритъ г. П. Струве, — *вынуждена въ сороковыхъ годахъ социалиста Маркса вывести (deduzieren) социализмъ изъ болѣе чѣмъ недостаточныхъ посылокъ*“.**)

Впослѣдствіи Марксъ существенно измѣнилъ, — по мнѣнію г. П. Струве, — свой пессимистическій взглядъ на положеніе рабочаго класса въ капиталистическомъ обществѣ, но все-таки не отказался отъ него цѣлкомъ и вполне сознательно. Вопіющее противорѣчіе между обнищаніемъ рабочаго класса съ одной стороны и развитіемъ общества въ направленіи къ социализму — съ другой осталось для него незамѣтнымъ. „Это реальное противорѣчіе даже приобрѣтало въ его глазахъ законный видъ, представляясь ему діалектическимъ противорѣчіемъ, стремящимся къ своему разрѣшенію“***) Въ виду этой странной психологической aberrации неудивительно, что

*) Курсивъ нашъ.

***) Archiv, XIV. Band, 5. und 6. Heft. S. 662. Курсивъ нашъ.

***) Тамъ же, стр. 663—64.

г. П. Струве увидѣлъ себя вынужденнымъ обратить свое вниманіе на „ученіе о развитіи посредствомъ роста противорѣчій“ (durch Steigerung der Widersprüche) и подвергнуть это ученіе внимательному разбору.

II.

Нашъ критикъ „беретъ“ два, находящіяся во взаимномъ антагонизмѣ явленія: А и В, и разсуждаетъ слѣдующимъ образомъ.

Если ростъ противорѣчія дѣйствительно имѣетъ здѣсь мѣсто, то развитіе противорѣчащихъ одинъ другому моментовъ выразится такою формулой:

Формула I, которую г-нь П. Струве называетъ формулой противорѣчія.

A	B
2 A	2 B
3 A	3 B
4 A	4 B
5 A	5 B
6 A	6 B
...	...
n A	n B

Каждое изъ двухъ явленій А и В растетъ путемъ накопленія однородныхъ элементовъ (Häufung des Gleichartigen); одновременно съ этимъ и благодаря этому растетъ также и существующее между ними противорѣчіе, которое и устраняется, наконецъ, побѣдой сильнѣйшаго явленія надъ слабѣйшимъ: n А уничтожаетъ n В.

Но, — по замѣчанію г. П. Струве, — мы можемъ представить себѣ, что въ социальной дѣйствительности существуютъ противорѣчія совсѣмъ другого рода, выражаемая совсѣмъ иною формулой.

Формула II, которую мы предлагаемъ назвать формулой притупленнаго противорѣчія.

A	B
2 A	2 B
3 A	3 B
4 A	2 B
5 A	B
6 A	0 B*)

Въ каждомъ изъ случаевъ, выражаемыхъ этими двумя формулами, между А и В есть *взаимодѣйствіе*. Но между тѣмъ какъ въ первомъ случаѣ ростъ А неизмѣнно обусло-

*) У г. П. Струве въ подлинникѣ стоитъ не нуль В, а „kein B“. Читатель понимаетъ, что это — одно и тоже.

вливаетъ собою также ростъ В, т. е. слѣдовательно и *обостреніе противорѣчія* между этими двумя явленіями, во второмъ — дѣйствіе постоянно растущаго А только сначала вызываетъ увеличеніе коэффициента В, а затѣмъ, *перейдя извѣстный предѣлъ*, ведетъ уже къ его уменьшенію, а значитъ и къ *ослабленію* указанного *противорѣчія*. Такимъ образомъ противорѣчіе постепенно разрѣшается здѣсь посредствомъ *притупленія* (durch Abstumpfung*).

Г. П. Струве объявляетъ „баснословной“ ту мысль, что „соціальное развитіе въ своихъ рѣшительныхъ поворотахъ совершается исключительно по первой формулѣ“. Но къмъ и когда была высказана эта „догма“? У г. П. Струве выходитъ, будто за нее держатся всѣ „ортодоксальные“ марксисты. Это совсѣмъ не вѣрно. Мы думаемъ, что врядъ-ли кто изъ серьезныхъ послѣдователей Маркса согласится признать правильной „первую формулу“ г. П. Струве. А не признавая правильности той или другой формулы, нельзя, конечно, и утверждать, что именно („исключительно“) по этой формулѣ совершается историческое движеніе. Г. П. Струве слишкомъ поторопился наградить „баснословной догмой“ своихъ „ортодоксальныхъ“ противниковъ.

Ниже, въ предпоследней главѣ этой статьи, мы подробно разберемъ первую формулу г. П. Струве и покажемъ ея ошибочность. Теперь же мы приглашаемъ читателя обратить вниманіе на вторую его формулу.

Она должна выражать *взаимодѣйствіе* между А и В. Но *взаимодѣйствіе* предполагаетъ какъ дѣйствіе А на В, такъ и обратное дѣйствіе В на А. Г. П. Струве не говоритъ, въ чемъ заключается это послѣднее; онъ ограничивается тѣмъ, что опредѣляетъ дѣйствіе А на В. Мы узнали изъ самой формулы и изъ сопровождающихъ ее объясненій, что вплоть до извѣстнаго предѣла возрастаніе А обуславливаетъ собою также и *ростъ В*, а потомъ, *за этимъ предѣломъ*, ведетъ *напротивъ*, къ *уменьшенію В*. Что же это означаетъ? Это означаетъ то, что указанный предѣлъ является пунктомъ, *перейдя который, дѣйствіе А на В превращается въ прямую свою противоположность*. Вторая формула г. П. Струве можетъ, поэтому, служить недурнымъ, такъ сказать, алгебраическимъ примѣромъ того *перехода количественныхъ измѣненій въ качественные*, который на каждомъ шагу встрѣчается и въ природѣ, и въ общественной жизни, и который тѣмъ не менѣе относится нашими „критиками“ (изъ лагеря „теорети-

*) Слово — Abstumpfung поставлено во вносные знаки самимъ г. П. Струве.

ковъ познанія“) къ числу „баснословныхъ догмъ“, выдуманныхъ Гегелемъ и взятыхъ на вѣру Марксомъ и его „ортодоксальными“ учениками.

Пригласивъ читателя запомнить этотъ примѣръ, который очень пригодится намъ впоследствии, мы идемъ далѣе.

Нашъ критикъ замѣчаетъ, что разсмотрѣніе „формулы противорѣчія“ пріобрѣтаетъ особенный интересъ при сопоставленіи ея съ основной идеей матеріалистическаго объясненія исторіи. Это справедливо по многимъ причинамъ и между прочимъ потому, что, будучи сдѣлано г. П. Струве, указанное сопоставленіе показываетъ намъ, правильно-ли понимаетъ онъ критикуемаго имъ писателя.

Сопоставленіе это начинается у г. П. Струве цитатой изъ такъ часто цитируемаго и, вѣроятно, всѣмъ уже извѣстнаго теперь предисловія къ „Zur Kritik der politischen Oekonomie“ Маркса. „Способъ производства матеріальной жизни вообще обуславливаетъ собою процессы соціальной, политической и духовной жизни. . . На извѣстной ступени своего развитія матеріальныя производительныя силы общества приходятъ въ столкновеніе съ существующими отношеніями производства или, — говоря юридическимъ языкомъ, — съ имущественными отношеніями, внутри которыхъ до тѣхъ поръ совершалось ихъ развитіе. Изъ формъ, способствующихъ развитію производительныхъ силъ, эти отношенія превращаются въ тормазы этого развитія. Тогда наступаетъ эпоха соціальной революціи. Съ измѣненіемъ экономическаго основанія измѣняется болѣе или менѣе быстро вся возвышающаяся на немъ огромная надстройка.*) . . . Ни одна общественная формація не погибаетъ раньше, чѣмъ разовьются всѣ тѣ производительныя силы, которымъ она предоставляетъ достаточный просторъ, и новыя, высшія отношенія производства никогда не занимаютъ мѣста старыхъ раньше, чѣмъ выработаются въ нѣдрахъ стараго общества матеріальныя условія ихъ существованія.“

Сдѣлавъ эту цитату, г. П. Струве принимается ее комментировать. „Здѣсь ясно выражена, — говоритъ онъ, — идея постоянной приспособленности (Angepasstsein**) права и политическихъ учрежденій къ хозяйству, какъ нормальной формы ихъ сосуществованія.***) Несоотвѣтствіе правовыхъ отношеній

*) Здѣсь г. П. Струве поясняетъ въ скобкахъ, что надстройку составляютъ правовыя и политическія учрежденія, которымъ соотвѣтствуютъ опредѣленныя формы общественнаго сознанія.

**) Курсивъ г. П. Струве.

***) Курсивъ г. П. Струве.

заявленнымъ есть противорѣчіе. Имъ вынуждается приспособленіе права къ хозяйству. У Маркса кореннымъ противорѣчіемъ выставляется противорѣчіе производительныхъ силъ отношеніямъ производства (имущественнымъ отношеніямъ). Приспособленіе отношеній производства къ производительнымъ силамъ составляетъ содержаніе соціальной революціи. Во всемъ этомъ изложеніи есть у Маркса та неясность, что съ одной стороны матеріальныя производительныя силы, а съ другой отношенія производства, — которыя представляютъ собою не что иное, какъ абстрактную совокупность конкретныхъ хозяйственныхъ или, выражаясь юридически, правовыхъ отношеній, — являются своего рода самостоятельными сущностями или „вещами“. Только благодаря этой неясности можно говорить о противорѣчии или о приспособленіи всѣхъ, цѣликомъ (en bloc) взятыхъ производительныхъ силъ всѣмъ цѣликомъ взятымъ правовымъ отношеніямъ и представлять себѣ соціальную революцію, какъ коллизію, (все равно: длящуюся одинъ моментъ, или болѣе или менѣе продолжительное время) между этими двумя сущностями. Ясно, что общественное развитіе можетъ быть разсматриваемо, какъ длящаяся процессъ разнообразныхъ коллизій и приспособленій. Марксъ, повидимому, признавалъ правильнымъ оба способа пониманія соціальной революціи, не замѣчая ихъ несомѣстности. Что касается въ частности социалистической революціи, то Марксъ представлялъ ее себѣ, какъ могучее столкновеніе хозяйства съ правомъ, неизбѣжно завершающееся рѣшительнымъ событіемъ или соціальной революціей, собственно такъ называемой. Такимъ образомъ въ Марксовой теоріи соціальнаго развитія все вращается вокругъ отношенія или, если угодно, противорѣчія между хозяйствомъ и правомъ. Марксъ разсматривалъ хозяйство какъ причину, а право, какъ слѣдствіе“.*)

Этотъ комментарий отличается, какъ мы увидимъ, чрезвычайнымъ богатствомъ теоретическаго содержанія. Мы отмѣтимъ въ немъ на первый разъ слѣдующіе два пункта. По мнѣнію г. П. Струве, Марксъ

1. Считалъ кореннымъ то противорѣчіе, которое неизбѣжно возникаетъ въ прогрессирующемъ обществѣ между производительными силами съ одной стороны, имущественными отношеніями — съ другой;

2. Представлялъ себѣ соціальную революцію какъ могучее столкновеніе хозяйства съ правомъ, вслѣдствіе чего все вра-

*) Ibid. S. 666—667.

Заря.

щается въ его теоріи вокругъ отношенія между правомъ и хозяйствомъ.

Справедливо ли это мнѣніе г. П. Струве? Другими словами, вѣрно ли понялъ и правильно ли изложилъ онъ теорію Маркса?

Что касается перваго пункта, то онъ безусловно правъ: противорѣчію между производительными силами общества и его имущественными отношеніями дѣйствительно всегда принадлежало центральное мѣсто въ Марксовой теоріи соціального развитія. Въ подтвержденіе этого, а вѣрнѣе сказать — для лучшаго уясненія читателю мысли Маркса, — мы кроме цитированнаго г. П. Струве предисловія къ „Zug Kritik der politischen Oekonomie“, укажемъ на слѣдующее мѣсто изъ „Манифеста коммунистической партіи“.

„Мы видѣли, стало быть, что средства производства и сообщенія, которыя послужили основаніемъ для могущества буржуазіи, получили начало еще въ феодальномъ обществѣ. На извѣстной ступени развитія этихъ средствъ производства и сообщенія, среди которыхъ совершались производство и обмѣнъ въ феодальномъ обществѣ, феодальная организація земледѣлія и промышленности, словомъ феодальныя имущественныя отношенія оказались не соответствующими вызванному къ жизни производительнымъ силамъ. Эти отношенія стѣсняли производство, а не облегчали его. Они сдѣлались его цѣпями. Ихъ нужно было ниспровергнуть, и они были ниспровернуты. Мѣсто ихъ заняла свободная конкуренція съ соответствующимъ ей общественнымъ и политическимъ строемъ, съ экономическимъ и политическимъ господствомъ буржуазіи.“

Дѣло, какъ видите, совершенно ясно: соціальная революція, означавшая паденіе феодальнаго и торжество буржуазнаго хозяйственнаго порядка,^{*} представлялась Марксу и изображалась имъ какъ *столкновеніе* (или противорѣчіе) *между производительными силами, выросшими въ недрахъ феодальнаго общества, и свойственными этому обществу имущественными отношеніями или — что тоже — феодальной организаціей земледѣлія и промышленности.* А если вы захотите хорошо уяснить себѣ, какъ представлялась Марксу и какъ изображалось имъ та соціальная революція, которой онъ самъ служилъ всѣмъ своимъ сердцемъ и всѣмъ своимъ помышленіемъ и которая приведетъ къ замѣнѣ буржуазнаго хозяйственнаго порядка *соціалистическимъ*, то прочтите вотъ эту страницу.

„Современное буржуазное общество съ его имущественными отношеніями, съ его организаціей производства и об-

мѣна, какъ бы волшебствомъ создавшее такія могущественныя средства производства и сообщенія, это общество находится въ положеніи волшебника, который не въ состояніи справиться съ подземными силами, вызванными его заклинаніями. Въ продолженіе послѣднихъ десятилѣтій исторія промышленности и торговли представляетъ собой исторію возмущенія производительныхъ силъ противъ современной организаціи производства, противъ тѣхъ имущественныхъ отношеній, которыя являются условіями жизни для буржуазіи и для ея господства...“

„Находящаяся въ то (буржуазнаго общества Г. П.) распоряженіи производительныя силы не способствуютъ уже сохраненію буржуазныхъ имущественныхъ отношеній, напротивъ, онѣ стали слишкомъ велики для этихъ отношеній, онѣ встрѣчаютъ въ нихъ препятствіе. Буржуазныя отношенія оказываются слишкомъ узкими для того, чтобы вмѣстить созданное ими богатство.“^{*} Устраненіе буржуазныхъ имущественныхъ отношеній и составляетъ историческую революціонную миссію пролетаріата. Пролетаріатъ ведетъ съ буржуазіей непрестанную гражданскую войну, которая, — все болѣе и болѣе расширяясь по своему объему и по своему содержанію, — превращается наконецъ, „въ открытую революцію и кладетъ основаніе господству пролетаріата насильственнымъ низверженіемъ буржуазіи“.

Если бы кто нибудь захотѣлъ прослѣдить эту основную мысль Марксовой теоріи соціального развитія въ другихъ его сочиненіяхъ, то мы указали бы ему на 146 страницу въ жевевскомъ изданіи русскаго перевода „Нищеты Философій“ и на 420—421 страницы второй части третьяго тома „Капитала“.^{**})

И такъ, никакое сомнѣніе невозможно: въ Марксовой теоріи соціального развитія все вращается вокругъ *противорѣчія между производительными силами общества и его имущественными отношеніями.* Но если это вполне ясно и совершенно несомнѣнно, то спрашивается, на какомъ же основаніи г. П. Струве утверждаетъ (см. выше, пунктъ второй), что Марксъ представлялъ себѣ соціальную революцію какъ *могучее столкновеніе между лѣвизмомъ и правомъ?* Развѣ это второе столкновеніе тождественно по своему смыслу съ первымъ? Развѣ противорѣчіе *производительныхъ силъ об-*

^{*}) Тамъ же, стр. 8—9.

^{**}) Мы потому указываемъ на нѣмецкій подлинникъ, что русскій переводъ его сдѣланъ неудовлетворительно. Указываемое нами мѣсто занимаетъ 733 страницу русскаго изданія третьяго тома.

щества его *имущественнымъ отношеніямъ* имѣть совершенно такое же значеніе, какъ и противорѣчіе между *хозяйствомъ и правомъ*?

Чтобы отвѣтить на этотъ вопросъ, имѣющій для насъ „коренную“ важность, необходимо прежде всего выяснитъ себѣ, какое *понятіе* связывается у нашего критика со *словомъ: хозяйство*. А это можно сдѣлать, разумѣется, не иначе, какъ на основаніи его же, разбираемаго здѣсь „критическаго опыта“.

Анализируя взглядъ Штамлера на отношеніе права къ хозяйству, г. П. Струве говоритъ, между прочимъ, слѣдующее. „Къ сожалѣнію, понятіе хозяйства (хозяйственнаго порядка, отношеній производства) совсѣмъ не покрывается тѣмъ, что мы отмѣчаемъ какъ „хозяйственный“ элементъ въ отдѣльныхъ социальныхъ явленіяхъ. *Хозяйство есть, напримѣръ, капиталистическій хозяйственный порядокъ.*“*)

Нѣсколькими строками ниже мы встрѣчаемся съ афоризмомъ, гласящимъ, что „*въ хозяйствѣ уже заключается право и vice versa (in der Wirthschaft ist das Recht und vice versa enthalten)*“.***) Наконецъ, еще черезъ нѣсколько строкъ мы наталкиваемся на такое разсужденіе: „то обстоятельство, что у меня нѣтъ хлѣба . . . не составляетъ никакого правового отношенія между мною и моими согражданами . . . и пусть не возражаютъ мнѣ, что при другомъ общественномъ устройствѣ цѣлесообразное правовое регулированіе устранило бы феноменъ безработицы. Это показываетъ только, что этотъ экономическій феноменъ зависитъ отъ даннаго *хозяйственнаго или, иначе, правового порядка*, взятаго во всей его совокупности“ и т. д.***)

Изъ этихъ объясненій видно, что слово: *хозяйство* имѣть у нашего критика тотъ же самый смыслъ, что и терминъ: *хозяйственный* (напримѣръ, капиталистическій) *порядокъ* или терминъ: *производственные отношенія*. Но мы уже знаемъ, что производственные отношенія — или хозяйственный порядокъ или экономическая структура, — на юридическомъ языкѣ называются *имущественными отношеніями*. На это указываетъ и самъ Марксъ, о теоріи котораго идетъ рѣчь въ настоящее время, и г. П. Струве, подвергающій эту теорію своему разбору.†) Очень хорошо. Замѣтимъ это и спросимъ

*) Ibid. S. 668, курсивъ нашъ.

**) Ibid. S. 669, курсивъ опять нашъ.

***) Ibid. S. 669—670, курсивъ нашъ.

†) Для большей точности выразимся такъ: по Марксу, *известная часть* производственныхъ отношеній составляетъ то, что юристъ назвалъ бы

себя: какой же видъ принимаетъ Марксова теорія социального развитія въ изложеніи его критика? А на этотъ вопросъ возможенъ только одинъ отвѣтъ: *въ изложеніи г. П. Струве выходитъ, что въ этой теоріи все вращается вокругъ противорѣчій между имущественными отношеніями даннаго общества и его правомъ*. А это, будучи выражено другими словами, означаетъ, что, по Марксу, сущность современнаго, такъ называемаго социального вопроса заключается въ противорѣчій между имущественными отношеніями, напримѣръ, нынѣшней буржуазной Франціи и ея Code Civil. А если вы захотите выразить эту мысль еще иначе, то вы можете сказать такъ: противорѣчіе между имущественными отношеніями нынѣшней буржуазной Франціи и ея Code Civil составляетъ „das Fortleitende“, т. е. то противорѣчіе, которое ведетъ эту страну впередъ и приближаетъ ее къ социалистическому перевороту. Это совершенно логично и неизбежно выходитъ изъ словъ г. П. Струве и вмѣстѣ съ тѣмъ это представляетъ собою такую удивительную, такую неудобосказуемую, короче — такую „*баснословную*“ догму, что если бы „критическій опытъ“ г. П. Струве засталъ Маркса въ живыхъ, и если бы авторъ „Капитала“ далъ себѣ трудъ ознакомиться съ содержаниемъ этого опыта, то ему оставалось бы только развести въ недоумѣніи руками и воскликнуть, нѣсколько измѣняя слова героя въ Некрасовской поэмѣ „Судь“:

Я въ дѣлѣ собственномъ моемъ,
Конечно, не судья: но въ томъ,
Что критикъ мой сказалъ,
Своей я мысли не узналъ.
Такъ пахарь былъ бы удивленъ,
Когда бы рожь посѣялъ онъ,
А уродилась бы зерно
Ни рожь, ни греча, ни пшено,
Ячмень колючій — и притомъ
На половину съ дурманомъ.

III.

И пусть снисходительный читатель не думаетъ, что мы ловимъ г. критика на случайныхъ опискахъ. Нѣтъ, совсѣмъ нѣтъ! Указанный нами чудовищный промахъ повторяется чуть не на каждой страницѣ „опыта“ и составляетъ тотъ логическій центръ, вокругъ котораго „*вращается*“ почти все содержаніе придуманной г. П. Струве „критики“ революціоннаго марк-

имущественными отношеніями. Ниже мы увидимъ, почему это названіе непримѣнимо ко всей совокупности производственныхъ отношеній.

сизма.*) Вотъ, напримѣръ, черезъ нѣсколько страницъ послѣ цитированнаго нами комментарія, г. П. Струве категорически заявляетъ: „революція, устраняющая противорѣчіе, во всякомъ случаѣ логически необходима для Марксовой теоріи постоянно усиливающагося противорѣчія между хозяйствомъ и правомъ“.***) Эти слова показываютъ, что г. П. Струве не только „упорствуетъ“ въ своемъ непостижимомъ заблужденіи, но и кладетъ его въ основу своей „критики“: онъ собирается оспаривать необходимость революціи, устраняющей противорѣчіе, указаніемъ на то, что между правомъ и хозяйствомъ (т. е. имущественными отношеніями, экономической структурой) существеннаго противорѣчія быть не можетъ. Не меньшее „упорство“ въ заблужденіи обнаруживается и ниже слѣдующей аргументаціей, которую нашъ „критикъ“ считаетъ неотразимой и побѣдоносной.

„То, что, по примѣру Маркса, называется отношеніями производства, логически и исторически уже заключаетъ въ себѣ правовое регулированіе имущественныхъ отношеній. Уже по одному этому логически невозможно, оставаясь на Марксовой точкѣ зрѣнія, говорить о противорѣчивомъ развитіи производственныхъ отношеній и правового порядка (да кто же говоритъ объ этомъ, кромѣ Васъ, о строгій критикъ! Въдъ у Маркса то рѣчь идетъ о противорѣчій между *производительными силами* и имущественными отношеніями. Вы сами, въ началѣ Вашего комментарія, „отмѣтили“, — правда, безъ „особенной силы“ — это, дѣйствительно достойное замѣчанія „обстоятельство“. Какъ же Вы вдругъ позабыли о немъ, когда Вамъ понадобилось „критиковать“ теорію Маркса?). Но еще много важнѣе то, что признаніе подобнаго развитія фактически и безусловно исключаетъ всякое реалистически понимаемое воздѣйствіе хозяйственныхъ явленій на правовой порядокъ (откуда взялись у Васъ хозяйственныя явленія, г. П. Струве? Въдъ у Васъ шла рѣчь о *производительныхъ* отношеніяхъ или, иначе, о *хозяйствѣ*, и Вы сами справедливо говорите, что понятіе: *хозяйство* совсѣмъ не покрывается тѣмъ, что мы называемъ *хозяйственными* элементомъ въ *общественныхъ явленіяхъ*). Ибо подумайте: производственныя отношенія (г. „критикъ“ опять, *sans criere*, возвращается къ производственнымъ отношеніямъ, понятіе о которыхъ, по его собственному замѣчанію, совсѣмъ

*) Ниже будетъ объяснено, въ какомъ смыслѣ мы употребляемъ здѣсь *эпитетъ: революціонный*.

**) Ibid. S. 673.

не покрывается понятіемъ: хозяйственныя явленія) производственныя отношенія, становящіяся все болѣе и болѣе социалистическими, порождаютъ классовую борьбу; классовая борьба — социальныя реформы, а эти послѣднія будто бы обостряютъ капиталистическій характеръ общества. И такъ — производственныя отношенія, становящіяся все болѣе социалистическими, порождаютъ правовой порядокъ, становящійся все болѣе капиталистическимъ. Воздѣйствіе экономіи на право не только не порождаетъ никакого взаимнаго приспособленія между ними, но все болѣе усиливаетъ существующее между ними противорѣчіе“.*)

Часть этой тирады, слѣдующая за словами: „*ибо подумайте*“, написана очевидно для того, чтобы „съ особенной силой отмѣтить“ нелогичность „ортодоксальныхъ“ послѣдователей Маркса, признающихъ діалектическій законъ развитія. Но здѣсь нашъ критикъ опять навязываетъ „ортодоксальнымъ“ марксистамъ „совершенно баснословную догму“, и опять его изложеніе превращаетъ въ „ячмень на половину съ дурманомъ“ цѣнное теоретическое зерно Марксовой теоріи социального развитія. „*Ибо подумайте!*“ Когда Марксъ и его „ортодоксальные“ послѣдователи говорятъ о постоянно растущемъ теперь противорѣчій между производительными силами капиталистическаго общества и его производственными отношеніями, — они подъ этими послѣдними понимаютъ буржуазныя *имущественныя отношенія*, какъ это особенно ясно показываютъ слѣданныя нами выше цитаты изъ „*Манифеста Коммунистической Партіи*“, и какъ это признаетъ самъ г. П. Струве. Вотъ почему ни Марксу, ни его „ортодоксальнымъ“ послѣдователямъ никогда не приходило и никогда не могло придти въ голову утверждать — какъ это приписываетъ имъ г. П. Струве — что производственныя отношенія буржуазнаго общества все болѣе и болѣе становятся социалистическими. Кто сказалъ бы это, тотъ тѣмъ самымъ высказалъ бы ту мысль. — достойную развѣ лишь какого нибудь повѣйшаго Бастиа, — что *имущественныя отношенія*, свойственныя капиталистическому обществу и горячо отстаиваемыя буржуазіей, все болѣе и болѣе приближаются къ социалистическому идеалу.**)

*) Ibid. S. 676—677.

**) Этой неудобосказанной путаницѣ полезно противопоставить собственные слова Маркса: „ни одна общественная формація не исчезаетъ раньше, чѣмъ разовьются всѣ производительныя силы, которымъ она предоставляетъ достаточно пространства, и новыя, высшія отношенія производства никогда не занимаютъ мѣста старыхъ раньше, чѣмъ выработаются

Г. П. Струве называетъ книгу Н. Бельтова „*Къ вопросу о развитіи монистическаго взгляда на исторію*“ самымъ лучшимъ изложеніемъ философско-историческихъ основъ ортодоксальнаго марксизма. По его же словамъ, наши „*Beiträge zur Geschichte des Materialismus*“ написаны совершенно въ духѣ Н. Бельтова. Пусть же читатель потрудится пересмотрить эти книги и пусть онъ самъ рѣшитъ, есть ли въ нихъ хоть что-либо похожее на то, что приписываетъ „ортодоксальнымъ“ ученикамъ Маркса нашъ странный „критикъ“!

Изъ всего этого слѣдуетъ тотъ неизбежный выводъ, что въ критическомъ походѣ г. П. Струве ему служить операционнымъ базисомъ колоссальное, по истинѣ невѣроятное непониманіе Маркса. Славный походъ! Глубокая критика!

Литературная извѣстность г. П. Струве начинается съ осени 1894 года, когда вышла въ свѣтъ его, надѣлавшая много шуму книга: „*Критическія замѣтки по вопросу объ экономическомъ развитіи Россіи*“. Въ этой тяжеловѣсно написанной и мѣстами панвной, но въ общемъ все таки дѣльной книгѣ одновременно выступали,

Объявшись, будто двѣ сестры

и причудливо переплетаясь одна съ другою, двѣ теоріи: во-первыхъ, теорія Маркса и „ортодоксальныхъ“ марксистовъ, а во-вторыхъ — теорія Brentano и его школы. И это смѣшанное, эклектическое содержаніе книги въ значительной степени оправдывало какъ упреки, сыпавшіяся на ея автора со стороны нѣкоторыхъ „ортодоксальныхъ“ марксистовъ, такъ и ожиданія, возлагавшіяся на него другими, не менѣе „ортодоксальными“ послѣдователями Маркса: упрекавшихъ раздражать *бrentанизмъ*; а люди, возлагавшіе ожиданія на г. П. Струве, надѣялись, что эта буржуазная теорія будетъ мало по малу побѣждена въ его взглядахъ присутствовавшимъ въ нихъ элементомъ марксизма. Пишущій эти строки принадлежалъ къ числу ожидавшихъ. Его ожиданія не были, правда, очень велики: онъ никогда не считалъ г. П. Струве человекомъ, способнымъ обогатить теорію Маркса значительнымъ теоретическомъ вкладомъ; но онъ все таки былъ убѣжденъ, во-первыхъ, въ томъ, что *бrentанизмъ* г. П. Струве скоро будетъ побѣжденъ его марксизмомъ, а во-вторыхъ въ томъ, что авторъ „*Критическихъ замѣтокъ*“ способенъ правильно понимать автора „*Капитала*“. Теперь оказывается, что мы ошиблись въ обоихъ случаяхъ: марксизмъ уже те-

въ подражъ стараго общества матерьяльная условія ихъ существованія (Zur Kritik etc., Vorwort, курсивъ нашъ).

перь уступаетъ, во взглядахъ г. П. Струве, свое мѣсто своему старому сосѣду — *бrentанизму*; а кромѣ того, нашъ „критикъ“ обнаружилъ совершенное непониманіе самыхъ коренныхъ, самыхъ важныхъ подожений историческаго матеріализма. Въ этомъ послѣднемъ отношеніи онъ очень далеко ушелъ назадъ, что объясняется, конечно, влияніемъ того же *бrentанизма*. Въ виду всего этого намъ остается лишь открыто признаться въ своей ошибкѣ и сказать въ свое оправданіе, какъ говаривалъ Еврипидъ: „многое дѣлаютъ боги противъ ожиданія; не исполняется ими то, чего мы ждали, а съ другой стороны они находятъ средство осуществить неожиданное.“

IV.

Мы видѣли: намъ невозможно было ошибиться насчетъ смысла, въ которомъ г. П. Струве употребляетъ слово: *хозяйство*, такъ какъ онъ самъ постарался точно опредѣлить этотъ смыслъ. Но предположимъ, тѣмъ не менѣе, что мы неправильно его поняли, и что указаннымъ словомъ нашъ критикъ обозначаетъ не тотъ или другой („*напримѣръ, капиталистическій*“) хозяйственный порядокъ, не производственные (имущественныя) отношенія, свойственныя данному обществу, а именно тотъ *хозяйственный элементъ въ социальныхъ явленіяхъ*, понятіе о которомъ, по его собственному правильному замѣчанію, совсѣмъ не покрывается понятіемъ: *хозяйство*. Куда приведетъ насъ такое предположеніе?*)

Разъ принявъ его, мы естественно должны принять также иное толкованіе тѣхъ словъ г. П. Струве, что въ Марксовой теоріи социальнаго развитія все вращается вокругъ противорѣчія между хозяйствомъ и правомъ. Мы обязаны теперь допустить, что основой этой теоріи онъ считаетъ ученіе о противорѣчій (отношеній) между *хозяйственными явлениями*, имѣющими мѣсто въ данномъ обществѣ, и свойственнымъ этому обществу *правомъ*. Это противорѣчіе и должно быть признано теперь тѣмъ центромъ, вокругъ котораго „*все вращается*“ въ Марксовой теоріи.

Возьмемъ же *капиталистическое общество* и посмотримъ, въ какой мѣрѣ и при какихъ условіяхъ противорѣчіе ме-

*) Мы дѣлаемъ это предположеніе на основаніи слѣдующихъ словъ г. П. Струве: „Jedenfalls aber ist für die Marxsche Theorie die Annahme einer Steigerung der Widersprüche zwischen den ökonomischen Phänomenen und Rechtsnormen charakteristisch!“ (Ibid. S. 671). Здѣсь центральнымъ пунктомъ Марксовой теоріи является, стало быть, противорѣчіе между „*правовыми нормами*“ и „*хозяйственными явлениями*“, понятіе о которыхъ не покрывается понятіемъ: *хозяйство*.

жду совершающимися въ немъ хозяйственными явленіями и его правомъ можетъ явиться причиной, толкающей впередъ его развитіе.

Предположимъ, что въ нашемъ капиталистическомъ обществѣ существуетъ такъ называемая *разрѣшительная* система учрежденія акціонерныхъ обществъ. Извѣстно, что эта система отличается многими неудобствами, стѣсняющими развитіе акціонерныхъ компаній, а слѣдовательно и крупнаго производства, которое такъ нуждается теперь въ ассоціаціи капиталовъ, принадлежащихъ отдѣльнымъ лицамъ. Поэтому въ нашемъ обществѣ рано или поздно возникаетъ *противорѣчіе* между *хозяйственными явленіями*: ростомъ крупнаго производства, нуждающагося въ развитіи акціонерныхъ компаній, и *правомъ*: неудобнымъ законодательствомъ, регулирующимъ учрежденіе этихъ компаній. Такое противорѣчіе можетъ быть устранено только однимъ путемъ: путемъ уничтоженія *разрѣшительной* системы и замѣны ея такъ называемой *явочной* системой, несравненно болѣе удобной. И, конечно, явочная система, — именно какъ несравненно болѣе удобная, — рано или поздно будетъ принята законодателемъ. Приспособленіе правовой нормы къ хозяйственному явленію произойдетъ здѣсь, можно сказать, само собою, и нужно быть, по французскому выраженію, *bon à l'êre*, чтобы заводить рѣчь о *соціальной революціи* тамъ, гдѣ развитіе общественной жизни выдвигаетъ *только* противорѣчія этого рода.

Но чѣмъ же отличается этотъ родъ противорѣчій? Тѣмъ, что хозяйственныя явленія, противорѣчающія *буржуазному праву*, нисколько не противорѣчатъ, однако, *экономической основѣ этого права, т. е. имущественнымъ отношеніямъ капиталистическаго общества*.

Теперь спрашивается: говорилъ ли когда-нибудь самъ Марксъ или кто-нибудь изъ его „ортодоксальныхъ“ послѣдователей, что *соціальныя революціи* вызываются противорѣчіями этого рода? Нѣтъ, этого не говорили ни Марксъ, ни его ученики. По Марксу (мы указывали на это уже много разъ, но вынуждены опять повторить это) *соціальныя революціи* подготовляются и дѣлаются неизбѣжными благодаря противорѣчію между *производительными силами общества* и *тѣми его имущественными отношеніями*, на основѣ которыхъ *держится* свойственное этому обществу *право*. Это противорѣчіе принадлежитъ къ совершенно другому (несравненно болѣе опасному) роду; съ появленіемъ *этого* противорѣчія начинается революціонная эпоха. Толкать его въ неопредѣленныхъ и потому безсодержательныхъ разглаголь-

ствованіяхъ о противорѣчій между хозяйственными явленіями и правовыми учрежденіями и о приспособленіи права къ хозяйству — значитъ, не выяснять вопросъ, а запутывать и затемнять его до послѣдней степени. И по истинѣ нуженъ весь „дѣликомъ взятый“, „kritischer Geist“ господина П. Струве, чтобы хоть на минуту вообразить, будто подобное запутываніе и затемненіе вопроса равносильно дальнѣйшему поступательному движенію „реалистической“ мысли, лежащей въ основѣ марксизма, какъ исторической теоріи. Это не только не *поступательное движеніе*, но даже и не *моціонъ мысли* (какъ говаривалъ покойный А. С. Хомяковъ), а просто на просто беспорядочная и безсодержательная, а потому совершенно бесплодная и бесполезная *теоретическая суета вокругъ пустого мѣста*. Подобная суета можетъ доставить величайшее наслажденіе людямъ, о которыхъ говорить Куно Фишеръ словами, поставленными нами въ эпиграфъ, но *для науки она хуже, чѣмъ ничего*, для нея она — *огромный шагъ назадъ, отрицательное явленіе*.

Что право, свойственное данному обществу, вырастаетъ на основѣ его экономической структуры (имущественныхъ отношеній), это категорически говоритъ самъ Марксъ.*) И это можно подтвердить дѣльмъ рядомъ самыхъ *неоспоримыхъ примѣровъ*. Кто не знаетъ теперь, что имущественныя отношенія дикихъ охотничьихъ племенъ насквозь пропитаны коммунизмомъ и что *на основѣ этихъ коммунистическихъ отношеній* вырастаетъ *соотвѣтствующее имъ обычное право*? Кому неизвѣстно, что на почвѣ феодальныхъ имущественныхъ отношеній (на основѣ „феодальной организаціи земледѣлія и промышленности“) *выросла цѣлая система правовыхъ учрежденій, получившихъ свои питательные соки изъ этой почвы и исчезнувшихъ вмѣстѣ съ нею*? Кто не слыхалъ о томъ, что современное *буржуазное право*, на примѣръ, уже упомянутый выше Code Civil; *выросъ на почвѣ буржуазныхъ имущественныхъ отношеній*? Самъ г. П. Струве, комментируя Маркса, (см. выше, примѣчаніе на стр. 80), называетъ *надстройкой* правовыя и политическія отношенія, возникающія на основѣ данной экономической структуры или данныхъ имущественныхъ отношеній. И самъ же г. П. Струве призналъ, что *кореннымъ противорѣчіемъ*, указываемымъ Марксовой теоріей *соціального развитія*, является противорѣчіе между произво-

*) „Совокупность этихъ отношеній производства составляетъ экономическую структуру общества, *реальный базисъ, на которомъ возвышается юридическая и политическая надстройка*“ (Zur Kritik etc., Vorwort, курсивъ нашъ).

дательными силами общества и его имущественными отношениями. Почему же онъ немедленно забываетъ объ этомъ *коренномъ противорѣчii* и подмѣняетъ его второстепеннымъ противорѣчіемъ между тѣми хозяйственными явлениями, которыя совершаются внутри данной экономической структуры, и правомъ, которому эта структура служить, по выраженію Маркса, реальнымъ базисомъ? Чѣмъ можетъ оправдать онъ такую подмѣну?

Возьмите *кризисы*, на которые „Манифестъ Коммунистической Партіи“ указываетъ какъ на явленіе, служащее наиболѣе яркимъ подтвержденіемъ той мысли, что производительныя силы буржуазнаго общества переросли свойственныя ему *имущественныя отношенія* или его *экономическую структуру*, и скажите, читатель, противорѣчитъ ли это хозяйственное явленіе *праву*, выросшему на почвѣ буржуазныхъ имущественныхъ отношеній, на примѣръ, хоть *французскому кодексу 1804-го года*? Наивный и смѣшной вопросъ! *Кризисы* такъ же мало противорѣчатъ *гражданскому праву* буржуазнаго общества, какъ *вексельный курсъ* — его *уголовному праву*. Не кризисы противорѣчатъ Code Civil, а производительныя силы противорѣчатъ экономической структурѣ („имущественнымъ отношеніямъ“), *лежащей въ основѣ этого кодекса*. Но что же означаютъ эти слова: производительныя силы буржуазнаго общества противорѣчатъ его экономической структурѣ, его имущественнымъ отношеніямъ? Они означаютъ, что эти отношенія препятствуютъ примѣненію этихъ силъ во всемъ ихъ объемѣ, и что когда эти силы получаютъ широкое примѣненіе, онѣ нарушаютъ правильный ходъ народнаго хозяйства. Выходить, стало быть, что чѣмъ болѣе развиты производительныя силы общества, тѣмъ опаснѣе становится для него ихъ полное примѣненіе. И это противорѣчіе не можетъ быть устранено до тѣхъ поръ, пока продолжаютъ существовать буржуазныя имущественныя отношенія.*) Для его устранения

*) Здѣсь полезно оговориться. Въ последнее время многіе г. г. „критики“ (въ ихъ числѣ г. Туганъ-Барановскій) указывали на то, что кризисы утратили теперь ту острую форму, какую они имѣли прежде, и что, поэтому, они уже не играютъ теперь той роли въ развитіи общественной жизни, которая не безъ основанія приписывалась имъ Марксомъ. На это мы отвѣтимъ вотъ что. Какова бы ни была теперь *форма* указаннаго Марксомъ явленія, *сущность* его осталась неизмѣнной. Это явленіе вызывается противорѣчіемъ между производительными силами общества и его имущественными отношеніями. Такъ называемыя англичанами *trade depressions по формѣ* очень не похожи на *кризисы* въ собственномъ смыслѣ этого слова, но *по существу* онѣ имѣютъ совершенно то же значеніе. Чтобы убѣдиться въ этомъ, достаточно познакомиться хотя бы, напри-

необходима *соціальная революція*, которая разрушитъ *буржуазныя* имущественныя отношенія и замѣнитъ ихъ — *соціалистическими*. Такой смыслъ имѣетъ указаніе Маркса и Энгельса. Приведенное ими въ примѣръ хозяйственное явленіе указываетъ на узкость тѣхъ рамокъ (тѣхъ имущественныхъ отношеній), въ которыхъ заключена хозяйственная жизнь буржуазнаго общества и которыя легли въ основу буржуазнаго права. А ихъ критикъ обходитъ молчаніемъ (точнѣе: совершенно забываетъ, разъ упомянувъ о немъ) какъ разъ то самое противорѣчіе, которое они считаютъ коренной причиной соціальныхъ революцій, и наивно замѣчаетъ потомъ, что ихъ собственная теорія, — будучи правильно понята, — не оста-

мѣръ, съ выводами, къ которымъ пришла англійская королевская коммиссія назначенная для изслѣдованія причинъ застоя въ торговлѣ и промышленности. „During the past 40 years, — читаемъ мы въ запискѣ, составленной нѣкоторыми членами этой коммиссіи, разошедшимися во мнѣніяхъ съ ея большинствомъ — during the past 40 years a great change has been wrought in the circumstances of all civilized communities by the application of mechanical and scientific aids to the production and transport of commodities, the world over. . . The great difficulty consists no longer as of old, in the scarcity and dearness of the necessaries and conveniences of life, but in the struggle for an adequate share of that employment which affords to the great bulk of the population their only means of obtaining a title to a sufficiency of those necessaries and conveniences, however plentiful and cheap they may be. . . The growing difficulty (the struggle for an adequate share of employment in presence of the abundance and cheapness of commodities) finds its expression in the system of tariffs, export bounties, and other commercial restrictions, adopted and maintained by all civilized nations except our own.“ (Final Report of the Royal commission etc., p. LV; ср. также стр. LXVII). Производительныя силы цивилизованныхъ обществъ такъ развиты теперь, что людямъ, не имѣющимъ другого товара, кромѣ своей рабочей силы, становится очень трудно найти себѣ *занятіе*, т. е. *продать эту силу*, и тѣмъ приобрести средства для *покупки* приготавливаемыхъ теперь въ изобиліи дешевыхъ *продуктовъ*. *Затрудненіе* порождается *избыткомъ*; *бѣдность* — *богатствомъ*. Это какъ разъ то противорѣчіе, на которое указывали Марксъ и Энгельсъ, говоря о кризисахъ. Разница лишь въ томъ, что по мнѣнію составителей цитированной нами записки это противорѣчіе возникло въ послѣдніе 40 лѣтъ, а по мнѣнію авторовъ „Манифеста“ ранѣе. И не подумайте, что большинство королевской коммиссіи отрицаетъ существованіе этого противорѣчія. Нѣтъ, большинство выражаетъ тотъ же взглядъ на этотъ предметъ, какъ и меньшинство; только оно выражается иначе: „The world's capacity of production, — говоритъ оно, — will naturally be in excess of its ordinary requirements“ (L. c. p. XVII). Это совершенно равносильно той мысли, что *trade depressions* вызываются, какъ вызывались кризисы, несоответствіемъ между потребительной способностью рынка и современными производительными силами. Но потребительная способность рынка ограничивается именно имущественными отношеніями современнаго общества. Значитъ, мы опять сталкиваемся съ кореннымъ противорѣчіемъ этого общества: противорѣчіемъ между его имущественными отношеніями съ одной стороны, и его производительными силами — съ другой.

вляеть мѣста для соціальной революціи, а предполагаетъ „постоянную приспособленность права къ хозяйству, какъ нормальную форму ихъ сосуществованія“. Въ виду такой критики невольно вспоминаешь слова Крылова: *слона-то ты и не примѣтилъ*.

V.

Выходитъ, что въ какомъ бы изъ двухъ возможныхъ смысловъ мы ни понимали слова г. П. Струве о томъ противрѣчii между *правомъ и хозяйствомъ*, которое, по его словамъ, составляетъ теоретическій центръ Марксовой теоріи соціального развитія, мы все таки должны признать, что онъ совершенно ошибочно *понимаетъ* или *совсѣмъ не вѣрно излагаетъ* эту теорію. Но его ошибка такъ груба и такъ неожиданна, что мы еще и еще разъ спрашиваемъ себя: нѣтъ ли тутъ какого-нибудь недоразумѣнія? И не былъ ли г. П. Струве введенъ въ ошибку какимъ-нибудь выраженіемъ Маркса или Энгельса, неправильно имъ *понятымъ* или неправильно примененнымъ самими основателями научнаго соціализма?

Давайте вмѣстѣ искать, читатель. Вы помните, вѣроятно, то мѣсто въ знаменитой брошюрѣ Энгельса „*Развитіе научнаго соціализма*“, гдѣ говорится объ основномъ противрѣчii нынѣшняго способа производства. Прежде, въ средніе вѣка, *производитель* былъ также и *собственникомъ* орудій труда и *присваивалъ* себѣ, за ничтожными исключеніями, *лишь продукты своего собственнаго труда*; въ настоящее время собственникъ орудій труда, *капиталистъ*, продолжаетъ присваивать въ свою *частную собственность* продукты, производимые на фабрикѣ соединеннымъ, *общественнымъ трудомъ* его рабочихъ. „Средства производства и продукты по существу своему стали общественными; но они были подчинены формѣ присвоенія, основанной на частномъ, единичномъ производствѣ, свойственномъ тому времени, когда каждый владѣлъ своимъ собственнымъ продуктомъ и самъ выносилъ его на рынокъ“. Отсюда — противрѣчiе между способомъ производства и способомъ присвоенія: „Новая форма производства подчинилась старой формѣ присвоенія, не смотря на то, что совершенно разрушила ее основаніе.“ И это коренное противрѣчiе заключаетъ въ себѣ зародышъ всѣхъ противрѣчій нынѣшняго общества.

На первый разъ, „критическому“ уму, цѣпляющемуся за слова и не проникающему до обозначаемого ими содержанія, можетъ показаться, пожалуй, что противрѣчiе, указываемое здѣсь Энгельсомъ, и есть то противрѣчiе между хозяйствомъ

и правомъ, о которомъ толкуеть г. П. Струве. Но достаточно самого небольшого усилія, чтобы понять, до какой степени это не вѣрно.

Говоря объ общественномъ производствѣ, противрѣчащемъ индивидуальному присвоенію, Энгельсъ имѣетъ въ виду современную механическую мастерскую, въ которой трудъ рабочихъ объединяется въ одно стройное цѣлое и продукты которой являются, поэтому, плодами *общественнаго* труда. Но организація труда въ современной механической мастерской опредѣляется нынѣшнимъ состояніемъ *техники* и характеризуетъ собою *состояніе производительныхъ силъ*, а *вовсе не хозяйственный порядокъ нынѣшняго* (капиталистическаго) *общества*, который характеризуетъ прежде всего и главнымъ образомъ сродственными ему *имущественными отношеніями*, т. е. слѣдовательно и принадлежностью механической мастерской не объединеннымъ въ ней рабочимъ, а эксплуататору этихъ рабочихъ. Такимъ образомъ, и противрѣчiе между *общественнымъ* трудомъ на фабрикѣ и *индивидуальнымъ* присвоеніемъ этой фабрики есть уже хорошо знакомое намъ противрѣчiе между производительными силами капиталистическаго общества и его *имущественными отношеніями*. Это очень хорошо разъяснено у самого Энгельса: „Точно такъ же, какъ мануфактура и усовершенствованныя подъ ея вліяніемъ ремесла пришли нѣкогда въ столкновеніе съ феодальными путями цеховъ, крупная промышленность, на болѣе высокой ступени своего развитія, приходитъ въ столкновеніе съ узкими предѣлами, которыми ограничиваетъ ее капиталистическій способъ производства. Новыя производительныя силы переросли буржуазныя формы ихъ эксплуатаціи.“*

Ясно, что и Энгельсъ имѣетъ въ виду вовсе не противрѣчiе между „*правомъ*“ и „*хозяйствомъ*“. А кромѣ цитированной нами брошюры „*Развитіе научнаго соціализма*“ мы не знаемъ рѣшительно ни одного такого сочиненія Маркса или Энгельса, которое давало бы *хотя бы чисто внѣшній, словесный поводъ* истолковать Марксову теорію соціального развитія въ томъ смыслѣ, въ какомъ истолковалъ ее г. П. Струве.

Это мы говоримъ, имѣя въ виду навязанное этимъ „критикомъ“ Марксу „противрѣчiе между правомъ и хозяйствомъ“ („напримѣръ, капиталистическимъ хозяйственнымъ порядкомъ“). А что скажемъ мы, если навязанное Марксу противрѣчiе“ надо понимать въ другомъ смыслѣ, — именно въ смыслѣ противрѣчiя между хозяйственными явленіями (по-

*) Развитие научнаго соціализма, Женева 1892, стр. 26.

нятіе которыхъ не покрывается понятіемъ „хозяйство“) и правовыми учрежденіями данного общества? Не выйдетъ-ли тогда, что г. П. Струве говоритъ то же, что и Фридрихъ Энгельсъ?

На первый взглядъ и здѣсь можетъ показаться, что — да; но и здѣсь при ближайшемъ разсмотрѣніи дѣло принимаетъ другую видъ.

Организація труда въ мастерской несомнѣнно есть хозяйственное явленіе. Но это *хозяйственное явленіе* противорѣчить не праву, а другимъ *хозяйственнымъ же явленіямъ*, именно — тѣмъ имущественнымъ отношеніямъ буржуазнаго общества, которыя составляютъ „реальный базисъ“ буржуазнаго права. Отождествлять этотъ реальный базисъ съ возвышающейся надъ нимъ „юридической надстройкой“ значитъ излагать теорію кого-то другого, а не Карла Маркса, который самъ же и установилъ различіе между надстройкой и базисомъ. Мы хорошо понимаемъ, что Маркса гораздо легче было бы „критиковать“, если бы онъ его не устанавливалъ.*) Но что же прикажете? Вѣдь Марксъ не обязанъ былъ искажать истину ради удобства „критиковъ“!

Какъ ни поворачивай дѣло, а все таки надо признать, что г. П. Струве *страшно напуталъ*, и что чрезвычайно трудно, вѣрнѣе — *совсѣмъ невозможно* найти какія-нибудь правдоподобныя обстоятельства, хоть немного смягчающія вину надѣланной имъ путаницы, которая падаетъ всецѣло на него самого, да развѣ еще на Штаммера.

Г. П. Струве по своему обыкновению „критикуетъ“ этого писателя (безъ „критики“ онъ обойтись не можетъ); но онъ совсѣмъ не способенъ освободиться отъ его вліянія.

О самомъ Штаммерѣ распространяться здѣсь было бы неумѣстно. Но нельзя не замѣтить мимоходомъ, что онъ ввелъ у насъ въ соблазнъ не малое число „марксистовъ“ изъ разряда тѣхъ, которые были предварительно софистицированы и „притуплены“ такъ называемой критической философіей, столь любезной теперь сердцу всѣхъ, стремящихся къ „притупленію“ общественныхъ противорѣчій.

*) У г. П. Струве сознание этого удобства наивно выражается словами: „Die von mir vorgetragene Ansicht schliesst sowohl den Marxschen als auch den Stammlerschen Begriff der „sozialen Revolution“ aus. Die Anpassung des Rechtes an die Sozialwirthschaft hört keinen Augenblick auf und die Entwicklung der jeweiligen Gesellschaftsordnung ist es eben, welche diesen Rahmen umformt und ausweitet“. (Ibid. S. 672). Вы правы, о „критикъ“! Гораздо лучше было бы, если бы Ваша „Ansicht“ совпала съ Марксовой, а еще лучше и глаже было бы, если бы Ваша Ansicht не совпадающая съ Марксовой, соответствовала исторической дѣйствительности. Но увы! Она не соответствуетъ ей, а „противорѣчитъ“.

VI.

Мы уже выше замѣтили, что если бы сущность такъ называемаго социальнаго вопроса заключалась въ несоотвѣтствіи буржуазнаго права буржуазному хозяйству, то объ исторической необходимости социальной революціи могли бы говорить только люди, страдающіе буйнымъ умопомѣшательствомъ. При такомъ отрадномъ положеніи дѣлъ теоретики-юристы и толковые практики изъ міра дѣловой буржуазіи безъ труда открывали бы, въ какомъ именно мѣстѣ башмакъ жметъ, — по нѣмецкому выраженію, — ногу, и господамъ буржуа стоило бы только сердито поворчать и угрожающе нахмуриться, чтобы ихъ парламентскіе представители немедленно придали башмаку новую форму. Но, страшивается, пошло-ли бы въ этомъ случаѣ естественное развитіе по второй формулѣ г. П. Струве, которую мы назвали *формулой притупленнаго противорѣчія*?

Выше мы взяли для примѣра законодательство объ акціонерныхъ обществахъ. Теперь мы возьмемъ ради удобства тотъ же примѣръ. Скажите, читатель, какое отношеніе установится между общественной жизнью, требующей размноженія акціонерныхъ обществъ, и разрѣшительной системой, стѣсняющей такое размноженіе? Намъ кажется, что между ними установится *противорѣчіе*, которое будетъ *постоянно увеличиваться* вплоть до той поры, когда разрѣшительная система исчезнетъ, уступивъ мѣсто *явочной* системѣ. Такъ-ли это? Несомнѣнно такъ. А если это такъ, то стало быть мы и здѣсь имѣемъ дѣло съ явленіемъ, подтверждающимъ справедливость Гегелевскаго афоризма: *противорѣчіе ведетъ впередъ*. А это новое умозаключеніе въ свою очередь даетъ почувствовать весь комизмъ положенія тѣхъ г. г. „критиковъ“, которые любятъ порицать Гегеля и толковать о „притупленіи противорѣчій“.

Г. П. Струве возразить намъ, можетъ быть, что *обостреніе противорѣчія* между отжившей правовой нормой и новой общественной потребностью еще не ручается за *обостреніе борьбы* между защитниками старой нормы и ея противниками. Это будетъ справедливо. И мы охотно допускаемъ, что въ незначительныхъ случаяхъ, подобныхъ вышеприведенному, обостреніе указаннаго противорѣчія можетъ сопровождаться въ иныхъ случаяхъ даже *ослабленіемъ* общественной борьбы, т. е. *притупленіемъ* противорѣчія между борющимися. Но можетъ-ли это быть тамъ, гдѣ рѣчь идетъ не о мелочахъ, подобныхъ законодательству объ акціонерныхъ обществахъ, а о великихъ общественныхъ переворотахъ, затрогивающихъ

коренную основу права: *экономическую структуру, имущественныя отношенія*? На этотъ вопросъ неподкрашенная историческая дѣйствительность отвѣчаетъ рѣшительнымъ *отрицаніемъ*. Мы не знаемъ хорошенько, какъ совершалось развитіе въ Китаѣ въ теченіе длиннаго, до сихъ поръ еще не законченнаго періода его упадка, но мы твердо знаемъ, что въ прогрессирующихъ обществахъ ростъ противорѣчій между новыми общественными потребностями и старымъ общественнымъ строемъ сопровождается обыкновенно обостреніемъ борьбы между новаторами и консерваторами. Именно къ такимъ (идущимъ „*впередъ*“) обществамъ цѣлкомъ примѣнимо то, что говоритъ о *борьбѣ за право* Герингъ въ своей знаменитой брошюрѣ: „*Всякое право пріобрѣтено путемъ борьбы; каждое важное правовое положеніе должно быть вырвано у тѣхъ, которые ему противились*“... „*Съ существующимъ правомъ сростаются мало по малу интересы тысячъ людей и цѣлыхъ сословій, такъ что его нельзя устранить, не нанося имъ чувствительнаго ущерба. Поднять вопросъ объ устраненіи даннаго узаконенія или даннаго учрежденія значитъ объявить войну всѣмъ этимъ интересамъ. Каждая подобная попытка естественно вызываетъ, поэтому, дѣйствіемъ инстинкта самосохраненія, сильное сопротивление со стороны затронутыхъ интересовъ, а тѣмъ самымъ и борьбу*“... „*Высочайшей степени интенсивности достигаетъ эта борьба тогда, когда интересы складываются въ видѣ пріобрѣтенныхъ правъ*“... „*Всѣ великія завоеванія, на какія можетъ только указать исторія права: уничтоженіе рабства, крѣпостничества, свобода поземельной собственности, свобода ремесла, свобода совѣсти и т. д., — всѣ они сдѣланы были посредствомъ жесточайшей борьбы, длившейся часто цѣлыя столѣтія, и путь, которымъ шло право въ своемъ развитіи, нерѣдко обозначается потоками крови и вездѣ усѣянъ обломками разбитыхъ правовыхъ учреждений*“**)

Если такой ходъ общественнаго развитія называется развитіемъ посредствомъ *притупленія противорѣчій*, то мы право уже не знаемъ, что назвать ихъ *обостреніемъ*.

Въ поясненіе и защиту своей второй формулы г. П. Струве приводитъ два примѣра, которыя оба имѣютъ, однако, то едва ли удобное для него свойство, что „*противорѣчатъ*“ ему самымъ рѣшительнымъ образомъ.

Первый примѣръ: „*Положимъ, что вслѣдствіе развитія промышленности возникаетъ практически экономическое*

(*praktisch-wirtschaftliche*) рабочее движеніе. Издается или дѣлается болѣе строгимъ законъ, запрещающій стачки и коалиціи. Растетъ репрессія, а съ нею и противоположность: Но въ дальнѣйшемъ своемъ развитіи рабочее движеніе перерастаетъ репрессію, оружіе которой притупляется, и въ заключеніе законы, направленные противъ рабочаго движенія, отмѣняются. Здѣсь мы имѣемъ случай, въ которомъ противорѣчіе сначала растетъ, а потомъ ослабляется, и въ заключеніе одна изъ партій побѣждаетъ“*.)

Когда одна изъ партій „*побѣждаетъ*“, тогда противорѣчіе не только не растетъ, но совсѣмъ уничтожается. Это понятно само собою. Весі вопросъ въ томъ, *ослабляется или, напротивъ, растетъ* противорѣчіе въ періодъ, непосредственно предшествующій побѣдѣ одной изъ борющихся сторонъ. А на этотъ вопросъ самъ г. П. Струве отвѣчаетъ отрицательно: въ его собственномъ примѣрѣ „*противоположность или сопротивление увеличивается*, до тѣхъ поръ, пока репрессія не оказывается безсильной, т. е. пока рабочіе не побѣдятъ. Но въ его примѣрѣ отмѣнѣ закона предшествуетъ тотъ періодъ, когда „*оружіе репрессіи притупляется*“. Но существованіе этого періода есть *простое предположеніе*. Скажетъ ли г. П. Струве, что это предположеніе вполне соотвѣтствуетъ исторической дѣйствительности? Если онъ скажетъ это, то мы отвѣтимъ ему, что именно исторія законовъ, направленныхъ противъ рабочихъ коалицій, говоритъ *противъ* его предположенія. Въ самомъ дѣлѣ, развѣ, на примѣръ, въ Англіи, — этой классической странѣ компромисса, — отмѣнѣ законовъ противъ коалицій предшествовало менѣе строгое ихъ примѣненіе? *Вовсе нѣтъ!* Никанунѣ ихъ отмѣны дѣло обстоило совсѣмъ иначе. По словамъ Гоуэлля, недовольство этими законами постоянно росло, вызывая новыя репрессивныя мѣры, и когда законодательство, направленное противъ коалицій въ собственномъ смыслѣ, оказалось слишкомъ слабой преградой для растущаго потока рабочаго движенія, правительство постаралось *отточить свое оружіе*, обратившись къ другимъ законамъ, въ родѣ Sedition Acts, законовъ, карающихъ государственную измѣну и т. п. Съ своей стороны, рабочіе раздражались все болѣе и болѣе, пока, наконецъ, ихъ волненія и исходившіе изъ ихъ среды аттентаты не вынудили правительство отмѣнить ненавистные законы.**)

*) Ibid. S. 675.

***) Le passé et l'avenir des Trade-Unions par Georges Howell, traduction par Ch. Le Cour Grandmaison, Paris 1892, pp. 40 et 45.

*) Der Kampf um's Recht, 13 Auflage, Wien 1897, S. 6, 7, 8.

Совершенно тоже узнаемъ мы отъ супруговъ Уэббовъ и отъ Кулемана, который, впрочемъ, лишь повторяетъ въ этомъ случаѣ то, что говорятъ супруги Уэббы.)*

Второй примѣръ, приводимый нашимъ „критикомъ“, не доказательнѣе перваго. Въ этомъ примѣрѣ мы имѣемъ дѣло съ нѣмецкимъ *закономъ противъ социалистовъ*. Г. П. Струве указываетъ на то, что этотъ законъ, по мѣрѣ роста рабочаго движенія, примѣнялся все слабѣе, а наконецъ былъ и совсѣмъ отмѣненъ. „Что это: увеличеніе, или скорѣе ослабленіе сопротивленій?“ — спрашиваетъ нашъ „критикъ“.

На этотъ вопросъ мы отвѣтимъ вопросомъ: *о какихъ сопротивленіяхъ (Widerstände) онъ говоритъ?* Если о сопротивленіи имперскаго правительства стремленіямъ социаль-демократовъ съ одной стороны и о сопротивленіи социаль-демократовъ стремленіямъ имперскаго правительства — съ другой, то менѣе суровое примѣненіе, а затѣмъ и отмѣна названнаго закона вовсе не означала ослабленія *этихъ* „сопротивленій“, какъ это прекрасно понимаютъ и социаль-демократы, и имперское правительство. Менѣе суровое примѣненіе закона противъ социалистовъ означало только то, что правительство убѣдилось въ его *нецѣлесообразности*, а его нецѣлесообразность обуславливалась тѣмъ, что социалисты приобрѣли *конспиративную сноровку* и научились избѣгать съѣтъ полицейскаго преслѣдованія. Ставшій нецѣлесообразнымъ законъ противъ социалистовъ не только не ослаблялъ вліянія этихъ послѣднихъ на рабочую массу, но *увеличивалъ* его, раздражая эту массу нестерпимой *полицейской „волокистой“*. Видя, что результаты получаются какъ разъ обратные тѣмъ, которыхъ оно ожидало, германское имперское правительство сочло невыгоднымъ и неудобнымъ дальнѣйшее строгое примѣненіе и даже существованіе *этого* закона. Онъ былъ отмѣненъ. И если мы возстановимъ теперь въ памяти его исторію, то

*) Уэббы: „The common law and ancient statutes were ruthlessly used to supplement the Combination Acts, often by strained constructions. The scotch judges in particular . . . applied the criminal procedure of Scotland to cases of simple combination . . . The whole system of repression which had characterised the statesmanship of the Regency culminated in this period in a tyranny not exceeded by any of the monarchs of the „Holy Alliance“. (History of Trade Unionism, London 1894, pp. 84—85. *Кулеманъ*: „Erschwert wurde die Lage für die Arbeiter noch durch die nach dem Frieden von 1815 in Verbindung mit dem niedrigen Stande der Preise einsetzende ausserordentliche Herabdrückung der Löhne. Es ist deshalb begreiflich, dass sich überall Geheimbunde bildeten und Verschwörungen stattfanden, die mit blutigen Verfolgungen endeten.“ (Die Gewerkschaftsbewegung, Jena 1900, B. 3—3.) Нечего сказать, замѣчательное притупленіе.“

она покажетъ намъ, какъ *отмѣняются законы, ставшіе нецѣлесообразными, а вовсе не какъ „притупляются“ общественныя противорѣчія*.

Нѣтъ, что ни говорите, а неподрешенная исторія служить плохимъ свидѣтельствомъ въ пользу второй формулы г. П. Струве. И если, тѣмъ не менѣе, онъ все таки „критикуетъ“ людей, признающихъ правильность Гегелева замѣчанія на счетъ ведущаго впередъ противорѣчія, то онъ очевидно имѣетъ на это серьезную причину. Какая же эта причина?

Онъ самъ отвѣчаетъ на этотъ вопросъ съ откровенностью заслуживающею величайшей похвалы.

„Я уже отвѣнилъ, — говоритъ онъ, — то обстоятельство, что если социальное развитіе развитіе совершается по формулѣ возрастанія противоположностей, то „социальная революція“ необходимо должна представляться въ видѣ политической революціи. Но это представленіе, лежащее въ основѣ знаменитаго ученія о диктатурѣ пролетаріата, падаетъ вмѣстѣ съ діалектическимъ ходомъ развитія.“*)

Вотъ оно что! Все дѣло тутъ, какъ видите, въ *политической революціи и въ диктатурѣ пролетаріата*. Такъ и запишемъ!

Настоятельная психологическая потребность подорвать теоретическую основу знаменитаго ученія о диктатурѣ пролетаріата и о политической революціи, необходимой для социальнаго освобожденія этого класса, вынудила критика П. Струве, на зарѣ двадцатаго столѣтія, обосновать свои возраженія противъ „ортодоксальнаго“ марксизма на болѣе чѣмъ недостаточныхъ послыжкахъ.

Подъ вліяніемъ этой настоящей психологической потребности г. П. Струве приписалъ Марксовой теоріи социальнаго развитія совсѣмъ не то содержаніе, какое она имѣетъ въ дѣйствительности, и эта его „коренная“ погрѣшность естественно повела за собою рядъ другихъ, болѣе или менѣе важныхъ. Въ головѣ нашего „критика“ неправильное пониманіе имъ Марксовой теоріи отразилось въ видѣ „*неясности*“ самой теоріи. Такъ, онъ замѣтилъ, какъ мы уже знаемъ, неясность, заключающуюся будто бы въ томъ, что, въ этой теоріи, производительныя силы общества и его отношенія производства являются какъ своего рода сущности или „вещи“. Г. „критикъ“ думаетъ, что только благодаря такой неясности можно говорить о противорѣчьи всѣхъ, вмѣстѣ взятыхъ производительныхъ силъ всѣмъ, цѣликомъ взятымъ отношеніямъ

*) Ibid. S. 674.

производства и представлять себѣ социальную революцію какъ коллизію между этими силами и этими отношеніями. Мы узнали также отъ г. П. Струве, что социальное-политическое міросозерцаніе Маркса страдало еще другою неясностью: онъ съ одной стороны придерживался того взгляда на развитіе общества путемъ усиленія противорѣчій, который защищаютъ теперь его „ортодоксальные“ ученики, а съ другой — склонялся и къ тому взгляду на это развитіе, вокругъ котораго „вращается“ теперь „социальная“ политика г. П. Струве и который выражается формулой притупленнаго противорѣчія; и при этомъ авторъ „Капитала“ не замѣчалъ несовмѣстности такихъ взглядовъ.

Разберемъ первую „неясность“.

Въ современной механической мастерской, — т. е. на фабрикѣ, — трудъ работающихъ тамъ *пролетаріевъ* принимаетъ характеръ *общественнаго труда*, между тѣмъ какъ сама фабрика принадлежитъ *отдѣльному лицу* или *отдѣльнымъ лицамъ*. Организация труда на фабрикѣ противорѣчитъ общественнымъ отношеніямъ производства и именно — *имущественнымъ отношеніямъ* современнаго общества. Но что же такое сама фабрика? Поскольку она представляетъ собою совокупность усовершенствованныхъ орудій труда, она является составнымъ элементомъ того, что мы называемъ *общественными производительными силами*. А по скольку совокупность усовершенствованныхъ орудій труда обуславливаетъ собою известную его *организацию*, то есть — известныя *отношенія между производителями*, фабрика есть *общественное отношеніе производства*.*) И если это отношеніе начинаетъ противорѣчить имущественнымъ отношеніямъ капиталистическаго общества; если *фабрика перестаетъ уживаться съ капиталомъ*, то это значитъ, что *нѣкоторая часть общественныхъ отношеній производства перестаетъ соотвѣтствовать* другой ихъ части, и что фраза: производительныя силы общества противорѣчаютъ его имущественнымъ отношеніямъ должна быть понимаема именно въ этомъ эволюціонномъ смыслѣ, устраняющемъ всякую возможность представленія названныхъ силъ и указанныхъ отношеній въ видѣ какихъ-то самостоятельныхъ сущностей. Въ виду этого дѣйствительно становится невозможнымъ говорить о проти-

*) „Машины такъ же мало составляютъ экономическую категорію, какъ и быки, которые тащатъ плугъ. Это производительная сила, не больше. Современная же фабрика, основанная на употребленіи машинъ, есть общественное отношеніе производства, экономическая категорія.“ „*Нищета философія*“, стр. 107.

ворѣчій производительныхъ силъ „*всѣмъ, чѣмъ, какимъ взятымъ*“ *отношеніямъ производства*. Но кто же говоритъ объ этомъ, кромѣ нашего „критика“? Во всякомъ случаѣ не Карлъ Марксъ и не Фридрихъ Энгельсъ.*)

Замѣтите, что г. П. Струве, все время толковавшій о противорѣчій между правомъ и хозяйствомъ, вдругъ самъ вспомнилъ, однако, что не это противорѣчіе составляетъ, по Марксовой теоріи, главную пружину общественнаго развитія, и заговорилъ о противорѣчій производительныхъ силъ общественнымъ отношеніямъ производства. *Mieux vaut tard que jamais!* Съ другой стороны возвращеніе къ истинному теоретическому центру Марксовой теоріи было бы дѣйствительно хорошо только въ томъ случаѣ, если бы г. П. Струве потрудился *понять* слова Маркса, прежде, чѣмъ приступать къ ихъ „критикѣ“. Но *понять*-то онъ и не счелъ нужнымъ.

Г. П. Струве не замѣтно для себя переходитъ отъ одного неправильнаго пониманія теоріи Маркса къ другому, столь же не правильному ея пониманію, при чемъ онъ не замѣчаетъ „*несовмѣстности*“ этихъ двухъ неправильныхъ способовъ пониманія. Но въ головѣ его все таки шевелится подчасъ смутное сознаніе того, что дѣло обстоитъ какъ-то не совсѣмъ ладно. Тогда онъ, для успокоенія своей собственной теоретической совѣсти, и чтобы предупредить возраженія со стороны читателей, валитъ съ большой головы на здоровую и обвиняетъ Маркса въ той самой „неясности“ и въ томъ самомъ совмѣщеніи несовмѣстимыхъ понятій, которыя составляютъ главную отличительную черту его собственной „критики“. Такой „критическій“ приѣмъ удовлетворить, конечно, далеко не всякаго читателя; но онъ, какъ видно, исполнѣ удовлетворяетъ самого г. П. Струве.

Замѣтите еще вотъ какое обстоятельство.

*) Здѣсь нужно, однако, обратить вниманіе читателя на слѣдующую особенность терминологіи основателей научнаго социализма. Когда рѣчь идетъ у нихъ объ основномъ противорѣчій, толкающемъ впередъ общественное развитіе, тогда слова: *отношенія производства* употребляются ими въ болѣе узкомъ смыслѣ *имущественныхъ отношеній*. Примѣръ: приведенная нами въ одномъ изъ предыдущихъ замѣчаній цитата изъ предисловія къ „*Zur Kritik*“, гдѣ говорится, что новыя отношенія производства не занимаютъ мѣста старыхъ раньше, чѣмъ выработаются матерьяльныя условія ихъ существованія. Подъ матерьяльными условіями существованія новыхъ отношеній производства (имущественныхъ отношеній) здѣсь понимаются также и тѣ непосредственныя отношенія производителей въ процессѣ производства (напримѣръ организція труда на фабрикѣ и мауфактурѣ), которая въ болѣе широкомъ смыслѣ тоже должны быть названы *отношеніями производства*. Это обстоятельство могло, пожалуй, сбить съ толку поверхностнаго „критика“.

Г. П. Струве только что упрекалъ Маркса въ томъ, что по его теоріи всѣ, *вмѣстѣ взятые*, производительныя силы вступаютъ въ противорѣчіе со всѣми, *цѣликомъ взятыми* общественными отношеніями производства. А что слышали мы отъ него нѣсколько выше? Мы слышали: „Ибо подумайте . . . производственныя отношенія, становящіяся все болѣе и болѣе социалистическими, порождаютъ правовой порядокъ, становящійся все болѣе и болѣе капиталистическимъ. Воздѣйствіе экономіи на право не только не порождаетъ никакого взаимнаго приспособленія между ними, но все болѣе усиливаетъ существующее между ними противорѣчіе“. Такъ долженъ былъ представляться, — по тогдашнимъ словамъ г. П. Струве, — ходъ общественнаго развитія тѣмъ марксистамъ, которые признають діалектическій законъ развитія. Но Марксъ самъ признавалъ этотъ законъ. Стало быть, и онъ долженъ былъ имѣть такое же представленіе о ходѣ общественнаго развитія. Но *это* представленіе совсѣмъ не похоже на только что разсмотрѣнное: *тамъ* (въ представленіи только что разсмотрѣнномъ нами) производительныя силы все болѣе противорѣчатъ производственнымъ отношеніямъ, которыя, очевидно, играютъ роль *консервативнаго элемента*: здѣсь этотъ *консервативный* элементъ превращается въ *прогрессивный*: производственныя отношенія все болѣе и болѣе становятся *социалистическими*, и противорѣчіе существуетъ не между отсталыми производственными отношеніями и ушедшими впередъ производительными силами, а между ушедшими впередъ производственными отношеніями и отсталымъ правовымъ порядкомъ (который все болѣе „становится капиталистическимъ“). И все это будто бы *по Марксу!* Что же это за . . . путаница? Г. П. Струве твердитъ свое: я не виноватъ; это все напуталъ Карлъ Марксъ, придерживавшійся двухъ несомвѣстимыхъ взглядовъ! Но теперь мы уже понимаемъ смыслъ этой отговорки. Мы уже знаемъ теперь, что путаетъ здѣсь не Марксъ, а его „критикъ“, и мы безъ труда открываемъ, гдѣ и въ чемъ именно запутался этотъ послѣдній.

Г. П. Струве, упрекавшій Маркса въ томъ, что у него всѣ вмѣстѣ взятые производительныя силы противорѣчатъ всѣмъ вмѣстѣ взятымъ общественнымъ отношеніямъ производства, чувствовалъ вмѣстѣ съ тѣмъ, что этотъ упрекъ совсѣмъ не основателенъ, и что у Маркса развитіе производительныхъ силъ сопровождается также *измѣненіемъ взаимныхъ отношеній производителей въ процессъ производства*. Но онъ не зналъ, *какія именно отношенія производства* измѣняются параллельно развитію производительныхъ силъ и какія — отстають отъ

этого развитія, обуславливая своего отсталостью необходимость радикальнаго общественнаго переворота, социальной революціи. А не зная этого, онъ употребилъ тотъ самый грубый пріемъ, который онъ приписываетъ Марксу: онъ взялъ „цѣликомъ“ всѣ общественныя отношенія производства и объявилъ, что Марксъ и марксисты думаютъ, будто эти отношенія все болѣе и болѣе дѣлаются *социалистическими*, между тѣмъ какъ правовой порядокъ все болѣе пропитывается духомъ *капитализма*. Марксъ и „ортодоксальные“ марксисты никогда, разумѣется, этого не утверждали; но приписанная имъ „коренная“ несообразность, прямо-„*противорѣчающая*“ другой „коренной“ несообразности, приписанной имъ тѣмъ же „критикомъ“ въ другомъ мѣстѣ, чрезвычайно хорошо характеризуетъ царствующій въ головѣ г. П. Струве хаосъ представленій о Марксовой теоріи социальнаго развитія!

VII.

Царствію этого хаоса нѣтъ конца. Мы неспособны изобразить его во всей его славѣ: для этого нужна была бы лира стараго Державина. Но для полноты характеристики мы укажемъ еще на одну „*неясность*“.

По словамъ г. П. Струве, въ Марксовой теоріи понятіе: *совокупность производственныхъ отношеній даннаго общества* покрывается понятіемъ: совокупность конкретныхъ правовыхъ отношеній. Чтобы читатель могъ судить, такъ ли это, мы приведемъ два — три примѣра:

Первый примѣръ. Взаимныя отношенія производителей въ современной механической мастерской представляютъ собою, какъ мы видѣли, общественное отношеніе производства. Но эти ихъ взаимныя отношенія въ процессѣ производства не составляютъ никакого правового отношенія между ними. Правовое отношеніе существуетъ между ними и ихъ нанимателемъ. Но это уже совсѣмъ „изъ другой оперы“.

Второй примѣръ. *Стоимость* есть (по Марксу) общественное отношеніе производства. Но понятіе о стоимости совсѣмъ не покрывается понятіемъ о правовыхъ отношеніяхъ людей, вступающихъ въ мѣновныя сдѣлки другъ съ другомъ.

Третій примѣръ. *Конкуренція* есть производственное отношеніе, свойственное буржуазному обществу. Она даетъ поводъ къ возникновенію многихъ правовыхъ отношеній. Но понятіе о ней вовсе не покрывается понятіемъ объ этихъ правовыхъ отношеніяхъ.

Четвертый примѣръ. *Капиталь* . . . Но довольно! Читатель и самъ видитъ, что г. П. Струве опять страшно пу-

таеть. А мы прибавимъ отъ себя развѣ лишь то, что въ этомъ случаѣ нашъ „критикъ“ былъ вовлеченъ въ свою странную ошибку Штаммлеромъ, отъ вліянія котораго онъ не могъ уберечься.

Возвращаемся къ центральному пункту позиціи нашего „критика“: къ его разсужденіямъ о различныхъ формулахъ общественнаго развитія.

Мы сказали сначала, что ни одинъ „ортодоксальный“ марксистъ не согласится признать правильной его первую формулу. Потомъ, критикуя г. П. Струве, мы настаивали на томъ, что общественное развитіе совершается путемъ *обостренія* противорѣчій, а не путемъ ихъ *притупленія*. Иной читатель принялъ это, пожалуй, за признаніе правильности той самой формулы, которую мы же объявили ошибочной. Вотъ почему мы находимъ нужнымъ объяснить, напоминая при этомъ читателю, что самъ Марксъ былъ не охотникъ до „формулъ“ и ѣдко смѣялся въ своей „*Нищета Философіи*“ надъ Прудономъ за его пристрастіе къ нимъ.

Читатель не забудь сочиненной г. П. Струве „формулы противорѣчія“.

А	В
2 А	2 В
3 А	3 В
4 А	4 В
5 А	5 В
6 А	6 В
...	...
n А	n В

Откуда взялось здѣсь А? Откуда взялось В? Служить-ли А причиной существованія В? Служить-ли В причиной существованія А? Все это „покрыто мракомъ неизвѣстности“. Отъ г. П. Струве мы узнаемъ только, что между А и В существуетъ *взаимодѣйствіе*. Но его формула не выражаетъ даже и взаимодѣйствія: она только указываетъ, что *В растетъ прямо пропорціонально росту А*. Г. П. Струве удовольствовался этимъ указаніемъ, полагая, что формула, выражающая отношеніе роста В къ росту А, съ достаточной полнотой изображаетъ взглядъ „ортодоксальныхъ“ марксистовъ на ходъ общественнаго развитія. „Каждое изъ двухъ явленій А и В растетъ путемъ накопленія однородныхъ элементовъ — говоритъ онъ. — Одновременно съ этимъ и благодаря этому растетъ также и существующее между ними противорѣчіе, которое и устраняется, наконецъ, побѣдой сильнѣйшаго явленія: *n А уничтожаетъ n В*“.

Но если *n А* уничтожаетъ *n В*, то этотъ окончательный результатъ „взаимодѣйствія“ между двумя явленіями тоже долженъ былъ бы найти свое выраженіе въ первой формулѣ г. П. Струве. Между тѣмъ, она этого результата не выражаетъ; ея послѣдній членъ:

$$n A \qquad n B$$

указываетъ только на то, что *В* растетъ прямо пропорціонально росту *А*, а вовсе не на то, что ростъ *А* приводитъ къ уничтоженію *В*. Стало быть, формула г. П. Струве должна быть прежде всего исправлена такъ:

А	В
2 А	2 В
3 А	3 В
...	...
n А	n В
n [вѣрнѣе: (n + x) А]	0 В

Теперь пойдѣмъ дальше и посмотримъ, соотвѣтствуетъ-ли эта, нѣсколько исправленная формула ходу социальнаго развитія тамъ, гдѣ онъ совершается путемъ *обостренія* противорѣчій.

Возьмемъ для примѣра социальную революцію, которая имѣла мѣсто во Франціи въ концѣ XVIII вѣка, и которая извѣстна въ исторіи подъ именемъ Великой Французской Революціи.

Эта *соціальная революція* окончательно уничтожила „старый порядокъ“ и положила начало полному и непосредственному господству буржуазіи. Но она была подготовлена длиннымъ, многовѣковымъ процессомъ *соціальной эволюціи*. Борьба третьяго сословія съ духовной и свѣтской аристократіей началась уже въ XIII вѣкѣ и, принимая самые различные виды, не прекращалась вплоть до 1789-го года.*) Буржуазія, вступившая въ этомъ году въ генеральное сраженіе со своими историческими врагами, была создана — по справедливому замѣчанію „*Коммунистическаго Манифеста*“ — длиннымъ рядомъ переворотовъ въ способахъ производства и обмѣна. Каждой ступени роста ея *экономическаго* могущества соотвѣтствовали извѣстныя *политическія* (т. е., стало быть, *правовыя*) завоеванія. Чрезвычайно сильно ошибся бы тотъ, кто подумалъ бы, что феодальный порядокъ оставался неизмѣннымъ отъ начала до конца своего существованія. Побѣды, которыя одер-

*) „Elle (la Révolution) a pris, il est vrai, le monde à l'improviste, et cependant elle n'était que le complément du plus long travail, la terminaison soudaine et violente d'une oeuvre qui avait passé sous les yeux de dix générations d'hommes“. A. de Tocqueville, l'Ancien Régime et la Révolution, 2-me édition, Paris 1856, p. 55.

живала стремившаяся впередъ буржуазія, постоянно видоизмѣняли феодальный общественный строй, безпрестанно внося въ него тѣ или другія, болѣе или менѣе значительныя *реформы*. Казалось бы, что эти реформы должны были „*притуплять*“ противорѣчія, существовавшія въ нѣдрахъ феодального общества, и тѣмъ готовить мирное, постепенное, почти незамѣтное торжество новаго порядка. На дѣлѣ вышло, какъ извѣстно, иначе. Реформы, которыхъ удавалось добиться буржуазин, не только не „*притупляли*“ противорѣчій между ея новаторскими стремленіями и старымъ общественнымъ порядкомъ, но, совершенно наоборотъ, давая новый толчокъ росту ея силъ, онѣ еще болѣе развивали эти стремленія и тѣмъ еще болѣе *обостряли* это противорѣчіе, постепенно готовя ту общественную бурю, съ началомъ которой рѣчь пошла уже не о *реформѣ*, а о *революціи*, не о *преобразованіяхъ* внутри стараго порядка, а о *полномъ* его *устраненіи*.*) Вотъ почему ненависть третьяго сословія къ старому порядку была накануне революціи несравненно сильнѣе, чѣмъ когда бы то ни было прежде.**). По замѣчанію Токвилля, предшествовавшее разрушенію части феодальныхъ учреждений сдѣлало во сто разъ ненавистнѣе ту часть ихъ, которая еще оставалась.***) Это замѣчаніе справедливо въ той мѣрѣ, въ какой оно содержитъ въ себѣ ту истину, что уступки, дѣлаемая старымъ новому, совсѣмъ не „*притупляютъ*“ того противорѣчія, которое существуетъ между *новымъ* и *старымъ*. Но оно не вѣрно, поскольку Токвилль хочетъ сказать, что накануне революціи феодальный гнетъ былъ во Франціи гораздо слабѣе, чѣмъ когда либо прежде. Отмѣна *нѣкоторой* части феодальныхъ учреждений еще не означала *ослабленія* феодального гнета: быстрое развитіе новыхъ общественныхъ потребностей могло сдѣлать — и, какъ видимъ, дѣйствительно сдѣлало — *увѣличившую* часть болѣе вредною для общественнаго движенія, а потому и болѣе гнетущею, болѣе ненавистною, чѣмъ была нѣкогда вся, цѣликомъ взятая, феодальная система.†) Къ тому же и при старомъ

*) „D'époque en époque la législation a été amenée ainsi à toucher aux attributs seigneuriaux. Cela s'est vu partout, et partout il a sonné une heure où il ne s'est pas agi d'y porter la réforme uniquement, de les déplacer ou de les restreindre, mais de les faire disparaître sans retour.“ Henri Doniol, La Révolution Française et la Féodalité. Seconde édition, Paris 1876, p. 6.

***) „C'est pourquoi ce siècle avait tant de répulsion vis-à-vis de la féodalité et des droits seigneuriaux.“ Doniol, тамъ же, та же страница.

***) L. c. p. 72.

†) Это тѣмъ болѣе вѣрно, что было время, когда феодальная система не *задерживала* общественнаго движенія, а, наоборотъ, *содѣйствовала* ему.

порядкѣ были (да проститъ мнѣ читатель этотъ галлицизмъ) учрежденія и учрежденія. Самъ Токвилль признаетъ, что во Франціи, съ теченіемъ времени, привилегіи, отдѣлявшія дворянина отъ буржуа, *не уменьшались, а увеличивались*.*) По его собственнымъ словамъ, челоуѣку средняго сословія было легче сдѣлаться дворяниномъ въ царствованіе Людовика XIV, чѣмъ при Людовикѣ XVI. И онъ же говоритъ, что вообще французское дворянство тѣмъ болѣе превращалось въ *касту*, чѣмъ болѣе оно переставало быть *аристократіей*.**). И все это вполне подтверждаютъ другіе историки. Такъ, Дониоль указываетъ, что накануне революціи всѣ жаловались именно на увеличеніе феодального гнета. „Каждая мѣстность жалуется на значительное увеличеніе (феодальныхъ притѣсненій) и старается подтвердить свою жалобу фактами.***) Альфредъ Рамбо столь же категорически высказываетъ ту мысль, что реформы, вырванныя буржуазіей у аристократіи, не ослабили стѣснительности стараго порядка. „Между тѣмъ какъ старый порядокъ пытался устранить нѣкоторые свои недостатки, — говоритъ этотъ изслѣдователь, — онъ какъ будто умышленно увеличивалъ всѣ остальные. Это (т. е. время, непосредственно предшествовавшее революціи) была именно эпоха, когда эдикты 1779-го, 1781-го и 1788-го г. г. закрыли лицамъ, происходящимъ изъ третьяго сословія (roturiers), доступъ къ офицерскимъ чинамъ въ арміи; когда дворъ, не смѣя издать особый эдиктъ по этому поводу, рѣшаетъ, однако, руководиться на будущее время тѣмъ правиломъ, что „доходы со всѣхъ принадлежащихъ духовенству имуществъ, начиная самыми скромными настоятельствами и кончая самыми богатыми аббатствами, будутъ доставаться лицамъ дворянскаго происхожденія“; когда парламенты отказывались принимать въ свою среду лицъ, не могущихъ доказать, что они въ своей родословной имѣютъ уже два поколѣнія дворянъ, и когда бордоскій парламентъ

Фюстель де Куланжъ справедливо замѣчаетъ, говоря о феодальныхъ замкахъ: „Six siècles plus tard les hommes n'avaient que haine pour ces forteresses seigneuriales. Au moment où elles s'élevèrent, ils ne sentirent qu'amour et reconnaissance. Elles n'étaient pas faite contre eux, mais pour eux.“ (Histoire des Institutions politiques de l'Ancienne France, tome VI, 682—683). То же можно сказать и о всей „феодальной организаціи земледѣлія и промышленности“.

*) Ibid. pp. 143, 154, 155, 156.

***) Ibid. pp. 156 et 157.

***) La Révolution Française et la Féodalité, p. 44; ср. также стр. 42: „Qui plus est, tout cela est signalé pour avoir pris récemment une intensité nouvelle“.

въ продолженіе двухъ лѣтъ отказывался признать своимъ президентомъ совѣтника Дюпати. Такъ какъ высшія судебныя учрежденія были въ рукахъ дворянъ, то люди средняго сословія и сельскія общества теряли всѣ процессы, которые имъ случалось начинать противъ притязаній *господъ*; это повело къ усилению *феодализма* въ деревняхъ. Королевское правительство поощряетъ преслѣдованія, начинаемыя землевладѣльцами и ихъ уполномоченными противъ крестьянъ. Въ нѣкоторыхъ своихъ наказахъ 1789-го года третье сословіе требуетъ, чтобы парламенты были на-половину составлены изъ недворянъ: имъ пришлось, такимъ образомъ, добиваться гарантій, которыхъ добивались еще гугеноты въ царствованіе Генриха IV. Повсюду проникающій духъ реакціи сказывается какъ въ постановленіи парижскаго парламента, осудившаго на сожженіе книгу Бонсерфа о феодальныхъ правахъ (1776-й г.), такъ и въ запрещеніи употреблять косы при уборкѣ хлѣба или въ распоряженіи 1784-го года, согласно которому длина платковъ, выдѣлываемыхъ во французскомъ королевствѣ, должна была равняться ихъ ширинѣ. Наконецъ, сама королевская власть, лишая парламенты всякаго права контроля надъ законодательствомъ и финансами, и силой разгоняя эти собранія въ 1788-мъ году, стремилась установить то, что прежде никогда не существовало во Франціи: режимъ безграничнаго произвола. „Она становилась деспотичѣе правительства Людовика XIV въ то самое время, когда дѣлалось очевиднымъ для всѣхъ, что оно неспособно употребить свою власть на общую пользу.“*)

Въ противоположность только что цитированнымъ нами французскимъ изслѣдователямъ, русскій ученый, М. М. Ковалевскій рѣшительно порицаетъ употребленіе термина *феодализмъ* въ примѣненіи къ социально-экономической структурѣ Франціи XVIII вѣка. „Ничто не даетъ болѣе ложнаго представленія объ экономическихъ и социальныхъ порядкахъ Франціи, — говоритъ онъ, — какъ окрепчиваніе ихъ именемъ феодальныхъ. Этотъ терминъ примѣнимъ къ нимъ такъ же мало, какъ, на примѣръ, къ русской помѣстной системѣ нака-

*) Histoire de la civilisation française, sixième édition, tome second, pp. 599—600. Рамбо совершенно соглашается съ мнѣніемъ цитируемаго имъ Chérest, который говоритъ: „Наши политическія учрежденія имѣли ту странную судьбу, что они не улучшались послѣ Генриха IV; вмѣсто того, чтобы прогрессировать вмѣстѣ съ теченіемъ времени и прогрессомъ идей и правовъ, они шли назадъ вопреки правамъ, идеямъ и времени. . . Правительство стараго порядка стало (наканунѣ 1789-го года) болѣе несовершенно и болѣе враждебно стремленіямъ образованныхъ классовъ, чѣмъ оно было въ средніе вѣка“.

нунѣ 1861-го года“*) Но достаточно прочитавъ ту самую главу (вторую первого тома), изъ которой мы заимствуемъ приводимыя нами строки, чтобы видѣть, до какой степени французское земледѣліе и французскій земледѣльческій классъ страдали отъ *выживанія* тѣхъ порядковъ, которыя самъ г. М. Ковалевскій называетъ *феодальными*. Кромѣ того, г. М. Ковалевскій, — въ полномъ согласіи съ цитированными нами французскими историками, — отмѣчаетъ, что наканунѣ революціи какъ само дворянство, такъ и королевская власть всѣми силами старались поддержать уцѣлѣвшія феодальныя учрежденія и усилить ихъ *практическое* значеніе. „Двадцатипятилѣтіе, предшествовавшее революціи, — пишетъ онъ, — представляетъ намъ рядъ попытокъ возстановить вышедшія изъ употребленія повинности и платежи.“**) И онъ же, — снова въ полномъ согласіи съ Токвилемъ и Дониолемъ, — говоритъ, что французское правительство того времени искусственно поддерживало своимъ законодательствомъ кастовый духъ и сословную исключительность.***)

Однимъ словомъ, книга русскаго изслѣдователя, подобно сочиненіямъ его иностранныхъ предшественниковъ, свидѣтельствуетъ о томъ, что эпоха, непосредственно предшествовавшая Великой Французской Революціи, ознаменовалась во все не притупленіемъ, а, наоборотъ, очень сильнымъ обостреніемъ *противорѣчій* между старымъ порядкомъ и новыми общественными нуждами. Но какъ г. М. Ковалевскій, такъ и французскіе историки показываютъ, что *это* обостреніе противорѣчій само было сложнымъ результатомъ длиннаго историческаго процесса, въ теченіе котораго старый порядокъ все болѣе и болѣе расшатывался, а его защитники теряли одну позицію за другою. Изъ этой неоспоримой исторической истины слѣдуетъ, во-первыхъ, что побѣды, одерживаемыя новаторами надъ консерваторами и ведущія къ *реформамъ*, не только не исключаютъ революціи, но, *напротивъ, ускоряютъ ея приближеніе*, вызывая у консерваторовъ естественныя въ такихъ случаяхъ реакціонныя порывы, а у новаторовъ жажду новыхъ побѣдъ и новыхъ завоеваній. И если бы мы захотѣли изобразить въ одной формулѣ этотъ историческій процессъ, въ которомъ революція является *однимъ изъ моментовъ эволюціи* и подготавливается *реформами*, †) то

*) Происхожденіе современной демократіи, томъ I, стр. 59.

**) L. с. стр. 124—125.

***) Ibid. стр. 49.

†) Г. П. Струве говоритъ. . . „Somit blieb es unserer Zeit vorbehalten, hinter den sozialen Reformen Fallstricke des Opportunismus zu wittern“

намъ понадобилось бы нѣчто гораздо болѣе сложное, нежели предлагаемая г. П. Струве „формула противорѣчія“. Мы не знаемъ формулы, способной дать сколько нибудь удовлетворительное выраженіе этому процессу. Но, на основаніи всего сказаннаго нами о ходѣ борьбы третьяго сословія со старымъ порядкомъ, мы можемъ все таки указать на необходимость существенныхъ поправокъ въ первой формулѣ г. П. Струве.

Если длинный историческій процессъ развитія элементовъ новаго общества знаменуется побѣдами новаторовъ и пораженьями консерваторовъ, то названная формула непременно должна ясно и опредѣленно указывать на это чрезвычайно важное обстоятельство. А между тѣмъ мы не находимъ въ ней даже и намека на него. Она говоритъ, напротивъ, о томъ, что ростъ *A* неизмѣнно сопровождается прямо-пропорціональнымъ ростомъ *B* вплоть до того момента, когда *n A* уничтожаютъ *n B*. Чтобы выразить истинный ходъ дѣла, она должна быть измѣнена, во-первыхъ, такъ:

A	n B
2 A	(n-1) B
3 A	(n-x) B
...	...
n A	B
m A	1/2 B

Здѣсь первый рядъ выражалъ бы постоянное развитіе новыхъ общественныхъ потребностей, а второй не менѣе постоянныя передѣлки стараго порядка, уступки, вырываемаыя новаторами у консерваторовъ. Но такъ какъ эти уступки не исключаютъ, какъ мы уже знаемъ, *обостренія противорѣчія* между новымъ и старымъ, то къ имѣющимся у насъ *двумъ* рядамъ необходимо прибавить *третій*, выражающій *результатъ* *взаимодѣйствія* между постоянно растущимъ *A* и (въ общемъ, т. е. не смотря на временныя успѣхи реакціонеровъ) столь же постоянно убывающимъ *B*. Прибавляя этотъ третій рядъ, мы получаемъ:

A	n B	C
2 A	(n-1) B	2 C
3 A	(n-x) B	3 C
...
n A	B	n C
m A	1/2 B	m C

(Ibid. S. 679). Онъ относитъ эти слова къ „ортодоксальнымъ“ марксистамъ. На основаніи сказаннаго нами въ текстѣ читатель видитъ, что, по крайней мѣрѣ по отношенію къ намъ, его упрекъ лишенъ всякаго основанія, а между тѣмъ вѣдь мы принадлежимъ, по его мнѣнію, къ числу ортодоксальнѣйшихъ изъ ортодоксальныхъ.

Какъ ни далека эта новая формула отъ *идеала*, — т. е. отъ того, чтобы давать полное выраженіе дѣйствительнаго хода развитія путемъ обостренія противорѣчій, — она все таки ближе къ дѣйствительности, чѣмъ первая формула г. П. Струве. Ея преимущество заключается въ томъ, что она чужда *односторонности*, и что въ ней, какъ и въ дѣйствительной жизни, реформы не исключаютъ революціи. Она показываетъ, напротивъ, что возможность революціи не только не исключается, но создается реформами: то, что близорукой или предубѣжденный взглядъ можетъ, пожалуй, принять за „*притупленіе*“ противорѣчій, на самомъ дѣлѣ является источникомъ ихъ *обостренія*.

VIII.

Повторяемъ, по нашему мнѣнію *дѣйствительный* ходъ историческаго развитія человѣческихъ обществъ не можетъ быть выраженъ съ надлежащей полнотою одной какой нибудь формулой. Но именно по этой причинѣ полезно будетъ, пожалуй, сдѣлать еще одну попытку схематическаго выраженія этого хода.

Просимъ читателя обратить вниманіе на нижеслѣдующую выписку за длину которой мы напередъ приносимъ ему самое искреннее извиненіе.

„Медленно и лишь путемъ тяжелой борьбы развивается господствующій порядокъ, подъ властью котораго живутъ и работаютъ люди. Послѣ долгой ломки, частыхъ возвращеній къ старому, невѣрныхъ попытокъ и усиленныхъ стремленій впередъ, — удается въ концѣ концовъ установить такой порядокъ, который на основаніи опыта прошлаго соответствовалъ бы потребностямъ настоящаго и подъ охраной котораго индивидуальныя силы наивозможно продуктивнѣе могли бы развиваться ко благу общества. Но какъ только устанавливается подобное благопріятное положеніе, тотчасъ выступаютъ на сцену новыя потребности, не предусмотрѣнныя ранѣе. Возникаетъ стремленіе видоизмѣнить существующее и постепенно передѣлать его. Въ противовѣсъ этому стремленію развивается съ другой стороны одностороннее стараніе сохранить въ полномъ объемѣ старое положеніе вещей. За тѣ формы, которыя были установлены въ видахъ общественной пользы, упрямо цѣпляются подъ конецъ частныя, эгоистическіе интересы. Въ концѣ концовъ, сохраненія старыхъ формъ безъ измѣненія требуютъ только мнимые интересы, непонимая того значенія, которое эти формы когда-то имѣли. И въ заключеніе часто остается одна голая форма, совершенно

не способная къ жизни, рядомъ съ которой новая, свѣжая жизнь выливается въ совершенно инныя формы, пока, наконецъ въ одинъ прекрасный день старая форма не разрушается окончательно даже и во внѣшнихъ своихъ проявленіяхъ.“*)

Здѣсь мы имѣемъ передъ собой тоже нѣчто въ родѣ формулы общественнаго развитія, правильности которой не станеть, надѣмся, отрицать старый неугомонный „критикъ“: данныя общественныя нужды порождаютъ данныя формы общежитія, необходимыя для дальнѣйшаго поступательнаго движенія общества. Но это дальнѣйшее поступательное движеніе общества, ставшее возможнымъ благодаря даннымъ формамъ общежитія, порождаютъ новыя общественныя нужды, которымъ уже не соотвѣтствуютъ старыя формы общежитія, созданныя прежними нуждами. Такимъ образомъ возникаетъ противорѣчіе, которое все болѣе и болѣе растетъ подъ влияніемъ продолжающагося общественнаго движенія и приводитъ, наконецъ, къ тому, что старыя формы общежитія, нѣкогда созданныя насущными нуждами общества, утрачиваютъ всякое общепольное содержаніе. Тогда онѣ отмѣняются, послѣ болѣе или менѣе продолжительной борьбы, и замѣняются новыми.

Эта (объективная) „формула прогресса“ выражаетъ, какъ видитъ читатель, взаимное отношеніе („взаимодѣйствіе“) между *содержаніемъ* и *формой*. Содержаніе, это — *общественныя потребности*, требующія удовлетворенія; форма, это — *общественныя учрежденія*. Содержаніе родитъ форму и тѣмъ обезпечиваетъ себѣ дальнѣйшее развитіе. Но его дальнѣйшее развитіе дѣлаетъ неудовлетворительной его форму; возникаетъ противорѣчіе; противорѣчіе ведетъ къ борьбѣ; борьба — къ уничтоженію *старой* формы и къ замѣнѣ ея *новой*, которая въ свою очередь обезпечиваетъ дальнѣйшее развитіе содержанія, которое дѣлаетъ ее не удовлетворительной и т. д., и т. д., до тѣхъ поръ, пока не остановится развитіе. Это тотъ самый законъ, о которомъ покойный Н. Г. Чернышевскій говоритъ слѣдующими краснорѣчивыми словами:

„Вѣчная смѣна формъ, вѣчное отверженіе формы, порожденной извѣстнымъ содержаніемъ или стремленіемъ, вслѣдствіе усиленія того же стремленія, высшаго развитія того же содержанія! Кто понялъ этотъ великій, вѣчный,

*) Адольфъ Гельдъ, Развитіе крупной промышленности въ Англіи, стр. 19.

повсемѣстный законъ, кто приучился примѣнять его ко всякому явленію, — о какъ спокойно призываетъ онъ шансы, которыми смущаются другіе! Повторяя за поэтомъ:

Ich hab' mein' Sach' auf nichts gestellt
Und mir gehört die ganze Welt,

онъ не жалѣетъ ни о чемъ, отживающемъ свое время, и говоритъ: пусть будетъ, что будетъ, а будетъ все таки на нашей улицѣ праздникъ.“

Этотъ великій законъ отверженія формы, порожденной извѣстнымъ содержаніемъ, вслѣдствіе дальнѣйшаго роста того же содержанія, есть въ самомъ дѣлѣ повсемѣстный законъ, потому что ему подчинено развитіе не только общественной, но также и органической жизни.*) И онъ, дѣйствительно, вѣченъ въ томъ смыслѣ, что его дѣйствіе прекратится только тогда, когда прекратится всякое развитіе. Но этотъ великій, повсемѣстный и вѣчный законъ есть въ то же время та „формула противорѣчій“, которая едва ли не лучше всѣхъ другихъ выражаетъ взглядъ Маркса на ходъ соціального развитія.

Во второй части третьяго тома „Капитала“ мы читаемъ:

„Поскольку процессъ труда является простымъ процессомъ между человѣкомъ и природой, постольку его простые элементы остаются одинаковыми при всѣхъ общественныхъ формахъ его развитія. Но каждая опредѣленная историческая форма этого процесса развиваетъ далѣе его матеріальныя основы и его общественныя формы. Дойдя до извѣстной ступени зрѣлости, данная историческая форма устраняется и уступаетъ мѣсто высшей формѣ. Что моментъ такого кризиса наступилъ, это обнаруживается тогда, когда противорѣчіе и противоположность между отношеніями распредѣленія,

*) „Denn das ganze Leben ist eine kontinuierliche Kette von Bewegungsercheinungen der organischen Materie, welche immer mit entsprechenden Formveränderungen verknüpft ist.“ Häckel, Generelle Morphologie der Organismen, XVII. Kapitel. Съ поразительной ясностью и наглядностью проявляется этотъ законъ въ эмбриологіи животныхъ, развивающихся путемъ метаморфоза, напимѣръ, нѣкоторыхъ насѣкомыхъ (Diptera, Lepidoptera etc.). Метаморфозъ бываетъ, какъ извѣстно, *неполный* и *полный*. При полномъ метаморфозѣ *личинка*, превращаясь въ *куколку*, покрывается особой оболочкой, которая защищаетъ ее отъ неблагоприятныхъ воздѣйствій со стороны внѣшняго міра. Когда заканчивается серія совершающихся въ организмѣ куколки преобразованій, эта предохранительная оболочка становится *излишней*; она мѣшаетъ дальнѣйшимъ жизненнымъ отправленіямъ организма, *противорѣчитъ* имъ, и потому разрывается, когда противорѣчіе достигаетъ надлежащей степени интенсивности. Тутъ происходитъ, стало быть, революціонный взрывъ, *перерывъ постепенности*. Природа вообще большая революціонерка и мало заботится о „притупленіи“ противорѣчій.

а слѣдовательно также и между опредѣленнымъ историческимъ видомъ соотвѣствующихъ имъ отношеній производства съ одной стороны и производительными силами... съ другой, достигаетъ известной ширины и глубины. Тогда возникаетъ столкновение между матерьяльнымъ развитіемъ производства и его общественной формой.“*)

Производительное воздѣйствіе общественнаго человѣка на природу и совершающийся въ процессѣ этого воздѣйствія ростъ производительныхъ силъ, это — *содержаніе*; экономическая структура общества, его имущественныя отношенія, это — *форма*, порожденная даннымъ содержаніемъ (данной ступеню „развитія матерьяльнаго производства“) и отвергаемая вслѣдствіе *дальнѣйшаго развитія того же содержанія*. Разъ возникло противорѣчіе между формой и содержаніемъ, оно не „притупляется“, а *растетъ*, благодаря не останавливающемуся росту содержанія, который далеко оставляетъ за собою способность старой формы измѣняться сообразно новымъ потребностямъ. Такимъ образомъ рано или поздно наступаетъ такой моментъ, когда становится необходимымъ устраненіе *старой формы* и замѣненіе ея *новою*. Таковъ смыслъ Марксовой теоріи социальнаго развитія.

Кто понялъ этотъ вполне ясный и въ то же время чрезвычайно глубокий смыслъ, тотъ понялъ также и революціонное значеніе *Марксовой діалектики* въ ея примѣненіи къ общественнымъ вопросамъ.

„Въ своемъ мистифицированномъ видѣ, — говоритъ Марксъ, — діалектика была нѣмецкой модой, потому что она оправдывала, повидимому, существующій порядокъ вещей. Въ своемъ рациональномъ видѣ она неприятна буржуазіи и ея теоретикамъ, потому что она, объясняя существующее, объясняетъ также его отрицаніе и его неизбежное уничтоженіе; потому что она разсматриваетъ каждую данную форму въ ходѣ движенія, т. е. стало быть съ ея переходящей стороны; потому что она не останавливается ни передъ чѣмъ, будучи критической и революціонной по своему существу.“**)

*) Das Kapital, III. Band, II. Theil, S. 420—421.

***) Das Kapital, Vorwort zur zweiten Auflage, S. XIX. Въ виду этихъ объясненій Маркса является страннымъ, — но въ то же время и очень характернымъ для „критиковъ“ à la П. Струве — то обстоятельство, что эти господа объявляютъ діалектику самымъ слабымъ мѣстомъ въ теоріи Маркса. „In der Entwicklungslehre, welche unstreitig das Charakteristikum und die Glanzleistung des Marxschen Sozialismus bildet, — говоритъ г. Струве, — liegt auch seine verwundbare Stelle, und sie liegt eben in der angeblich unüberwindlichen „Dialektik“. (Ibid. S. 686). Въ чемъ тутъ дѣло, ясно показываютъ непосредственно слѣдующія за этимъ мѣстомъ слова того же

Станьте на точку зрѣнія Марксовой діалектики, читатель, и вы сами увидите тогда, какъ отчаянно слабы и какъ смѣшно неуклюжи потуги господъ „критиковъ“, усиливающихъ вѣсти въ теорію Маркса нѣкій „притупляющій“ элементъ! Васъ не смутятъ многочисленныя „неясности“, вносимыя этими господами въ истолкованіе Марксовой теоріи. И если вы, наконецъ, выйдете изъ себя, то вовсе не потому, что васъ раздражитъ сила ихъ *доводовъ*, а потому, что вамъ покажется непозволительной и возмутительной та *претензія* ихъ, благодаря которой многіе изъ нихъ считаютъ и называютъ себя *марксистами*. Мы понимаемъ, что эта странная претензія заслуживаетъ самаго строгаго осужденія, и мы не удивимся поэтому, если вы нетерпѣливо воскликнете: Помилуйте, гг. критики! Какіе же вы марксисты?! Марксъ сѣялъ драконовъ, а вы только.. ну, словомъ, вы — организмы совсѣмъ другого рода!

Въ слѣдующей статьѣ мы увидимъ, какъ безуспѣшно „критикуетъ“ г. П. Струве, опираясь на „критическую“ философію, Марксово понятіе о социальной революціи. Тамъ же мы ознакомимся съ тою его аргументаціей, которая направляется противъ — такъ называемой гг. критиками — *Марксовой теоріи обнищанія пролетаріата* и въ защиту давно уже выставленной буржуазными апологетами *теоріи притупленій противорѣчій, существующихъ въ капиталистическомъ обществѣ*.

Г. ПЛЕХАНОВЪ.

г. Струве: „Man wird die vielen Widersprüche nicht los, wenn man nicht ganz entschieden den Gedanken der „sozialen Revolution“ als theoretischen Begriff fallen lässt“. У Гёте Фаустъ говоритъ Мефистофелю: das Pentagramma macht dir Pein? О нашемъ „критическомъ умѣ“ можно сказать, что ему macht Pein понятіе о социальной революціи (иначе: Zusammenbruchstheorie) въ связи съ понятіемъ о *политической революціи, знаменующей собою диктатуру пролетаріата*.

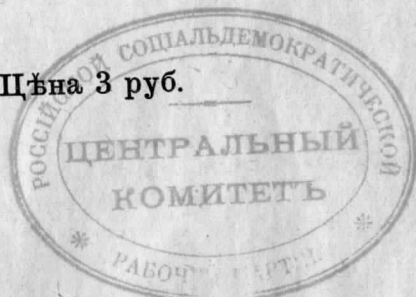
ЗАРЯ

СОЦАЛЬ-ДЕМОКРАТИЧЕСКІЙ НАУЧНО-ПОЛИТИЧЕСКІЙ ЖУРНАЛЪ

Издается при ближайшемъ участіи

Г. В. ПЛЕХАНОВА, В. И. ЗАСУЛИЧЪ и П. В. АКСЕЛЬРОДА.

Цѣна 3 руб.

Адресъ для присылки рукописей и денегъ (только изъ заграницы):

J. H. W. Dietz Nachf. (G. m. b. H.) in Stuttgart.

Оглавление.

	Стран.
Что же дальше? Г. Плеханова	1
Почему мы не хотимъ идти назадъ? Ортодокса	38
Гонители земства и Аннибалы либерализма. Т. П.	60
Критика нашихъ критиковъ. Г. Плеханова	101
Социаль-демократія, какъ носительница національнаго освобожденія. Ю. Невзорова	156
Всегда въ меньшинствѣ. О современныхъ задачахъ русской социалистической интеллигенци. Л. Мартова	180
Сант противъ Капта или Духовное завѣщаніе г. Бернштейна. Г. Плеханова	204
Современная весталка. (Изъ этюдовъ о современной журналистикѣ.) Ст.	226
Г. „критики“ въ аграрномъ вопросѣ. Н. Ленина	259
Элементы идеализма въ социализмѣ. В. Засуличъ	303
Библиографія:	
С. Франкъ, Теорія цѣнности Маркса и ея значеніе. Критическій этюдъ. С.-Петербургъ 1900. Г. П.	324
„Революціонная Россія“ изданіе Союза Соціалистовъ-Революціонеровъ № 2. Л. М.	331
„Вѣстникъ Русской Революціи“, соціально-политическое обозрѣніе. Подъ редакцію К. Тарасова. № 1. 1901 г., іюль. Л. М.	334
„Вылое“. Историко-революціонный сборникъ № 2, Лондонъ. Л. М.	343
Aus dem literarischen Nachlass von Karl Marx, Friedrich Engels und Ferdinand Lassalle. Herausgegeben von Franz Mehring. Г. П.	346
„Возрожденіе революціонизма въ Россіи“. Изданіе революціонно-соціалистической группы „Свобода“. — „Свобода“. Журналъ для рабочихъ. Изданіе той-же группы. В. З.	349
„Россія наканунѣ двадцатаго столѣтія“. Берлинъ. Изданіе Гуго Штейница. 1900. Г. П.	354
Ворисъ Чичеринъ. Польскій и еврейскій вопросы. Отвѣтъ на откры- тыя письма Н. К. Рененкампа. Второе изданіе. Берлинъ. Изда- ніе Гуго Штейница. 1901. Г. П.	359
Внутреннее обозрѣніе. Т. X.	361
Бюрократскій партейтагъ германской социаль-демократіи. Ignotus.	404
Обращеніе социалистическаго международнаго секретариата.	425

Verlag und Druck: J. H. W. Dietz Nachf. (G. m. b. H.) in Stuttgart.

Пора бы и либераламъ нашимъ освободиться отъ самой, казалось бы, несостоятельной теоретически и самой живучей практически иллюзіи, будто возможно еще парламентарство съ русскимъ самодержавіемъ, будто какое нибудь земство есть зародышъ конституціи, будто искреннимъ сторонникамъ этой послѣдней можно исполнять свою Аннибалову клятву посредствомъ терпѣливой легальной дѣятельности и терпѣливыхъ призывовъ къ смиренію врага.

Т. П.

Критика нашихъ критиковъ.

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ.

Г. П. Струве въ роли критика Марксовой теоріи социальнаго развитія.

СТАТЬЯ ВТОРАЯ.

Г. П. Струве — не первый и не послѣдній провозвѣстникъ теоріи „притупленія“ противорѣчій между интересами пролетаріата и буржуазіи. У этой теоріи было много сторонниковъ до Г. П. Струве и еще больше будетъ ихъ послѣ него, такъ какъ она чрезвычайно быстро распространяется теперь въ образованномъ слоѣ мелкой буржуазіи, т. е. того класса, который самымъ положеніемъ своимъ осужденъ колебаться между пролетаріатомъ и буржуазіей. И именно потому, что она распространяется теперь чрезвычайно быстро, выдавая себя за самоневѣннейшій и притомъ „критическій“ социализмъ, пришедшій на смѣну будто бы отжившему социализму Маркса и его „догматическихъ“ послѣдователей, она заслуживаетъ самаго внимательнаго разсмотрѣнія. Кто хочетъ бороться съ этой теоріей, тотъ долженъ знать какъ ея теоретическую родословную, такъ и ея нынѣшнюю теоретическую цѣнность. Въ виду этого читатель не удивится, если мы оставимъ на время нашего „критика“, чтобы хорошенько ознакомиться съ его предшественниками и съ его до нынѣ здравствующими, болѣе или менѣе обглаленными родственниками.

1.

Цѣна рабочей силы и прибавочная цѣнность находятся въ обратномъ отношеніи другъ къ другу. Чѣмъ дороже продается рабочая сила, тѣмъ ниже уровень прибавочной цѣнности, — и наоборотъ. Интересы *продавца* рабочей силы прямо противоположны интересамъ ея *покупателя*. Взятое по своему существу, противорѣчіе это не можетъ быть ни устранено, ни „притуплено“ до тѣхъ поръ, пока не прекратится покупка и продажа рабочей силы, т. е. пока не будетъ устраненъ капиталистическій способъ производства. Но *условія*, при которыхъ совершается купля-продажа рабочей силы, могутъ измѣняться въ ту или въ другую сторону: къ выгодѣ *продавцовъ*, или къ выгодѣ *покупателей*. Если они измѣняются къ выгодѣ *продавцовъ*, то цѣна рабочей силы *повышается*, и рабочей классъ получаетъ, въ видѣ заработной платы, боль-

шую, чѣмъ прежде, часть цѣнности, создаваемой его трудомъ. А это ведетъ за собою *улучшеніе его общественнаго положенія, уменьшеніе разстоянія между эксплуатируемымъ пролетариатомъ и эксплуатирующими его капиталистами*. Если же условія продажи рабочей силы измѣняются къ выгодѣ ея покупателей, то ея цѣна падаетъ, и рабочій классъ получаетъ *меньше*, чѣмъ прежде, часть создаваемой его трудомъ цѣнности. А за этимъ неизбежно слѣдуетъ *ухудшеніе общественнаго положенія пролетариата, увеличеніе разстоянія между нимъ и буржуазіей*. Въ первомъ случаѣ мы какъ будто получаемъ право толковать о притупленіи противорѣчія если не между рабочими и предпринимателями, то по крайней мѣрѣ между интересами рабочихъ съ одной стороны и существованіемъ капиталистическаго порядка съ другой. На самомъ дѣлѣ это право будетъ только *кажущимся*: мы уже видѣли въ первой статьѣ, что улучшение общественнаго положенія французской буржуазіи не только не притупило противорѣчія ея интересовъ съ интересами стараго порядка, но все болѣе и болѣе обостряло его. Тѣмъ не менѣе, люди, боящіеся революціоннаго движенія пролетариата, всегда были и всегда будутъ склонны думать, что постепенное улучшеніе быта рабочаго класса способно предотвратить опасность и избавить общество отъ бурныхъ потрясеній. Вотъ почему люди этой категоріи стараются увѣрить себя и другихъ (а иногда *только другихъ*) въ томъ, что по мѣрѣ развитія капитализма положеніе пролетариата *улучшается*, такъ что онъ *оказывается современнымъ ближе къ буржуазіи, чѣмъ былъ сначала*. И надо признать, что консервативный инстинктъ подсказываетъ этимъ людямъ не совершенно ошибочное соображеніе: если для предотвращения революціоннаго взрыва совсѣмъ недостаточно уменьшенія разстоянія между эксплуататорами и эксплуатируемыми, то *увеличеніе* этого разстоянія и вовсе уже не сулитъ теперь почтеннымъ охранителямъ ничего, кромѣ быстрого распространенія въ рабочей средѣ „догматовъ“ *революціонной социаль-демократіи*.

Что же мы видимъ *въ действительности*? Въ какую сторону измѣняются условія продажи рабочей силы по мѣрѣ упроченія и развитія капиталистическаго порядка?

Вульгарная экономія давно уже занимается этимъ вопросомъ. Она выставила цѣлую фалангу „ученыхъ“, усилившихся доказать, что условія продажи рабочей силы все болѣе измѣняются къ выгодѣ пролетариата, которому и достается, поэтому, все большая и большая доля національнаго дохода. Извѣстный американскій экономистъ Кэри ясно сформулировать это ученіе уже въ 1838 году.*) У Кэри оно было за-

*) Русскіе читатели могутъ ознакомиться съ аргументаціей Кэри по его книгѣ: „Руководство къ социальной науцѣ“, появившейся въ 1869 году

имствовано пресловутымъ Бастиа, доводы котораго намъ нужно узнать нѣсколько ближе.

Въ своихъ „*Harmonies économiques*“ Бастиа увѣряетъ, что PROVIDENCE, по своей неисчерпаемой добротѣ и справедливости, уготовало для труда лучшую судьбу, чѣмъ для капитала.**) Эта благочестивая мысль опирается у него на слѣдующую „непоколебимую аксіому“:

„По мѣрѣ того, какъ растутъ капиталы, абсолютная доля капиталистовъ въ общей совокупности продуктовъ увеличивается, а ихъ относительная доля уменьшается. Наоборотъ, доля работниковъ увеличивается въ обоихъ смыслахъ.“

Для поясненія этой „аксіомы“ Бастиа приводитъ схему, совершенно тождественную съ той, которую мы встрѣчаемъ въ „Руководствѣ къ социальной науцѣ“ Кэри.

	Общая сумма продукта.	Доля капитала.	Доля труда.
Первый періодъ	1000	500	500
Второй	2000	800	1200
Третій	3000	1050	1950
Четвертый	4000	1200	2800

Таковъ великій, удивительный, утѣшительный, необходимый и непоколебимый законъ капитала, — въ восторгѣ восклицаетъ Бастиа. — Доказать его, значить, по моему мнѣнію, совершенно дискредитировать декламации . . . противъ жадности и тираниа самаго могущественнаго изъ всѣхъ тѣхъ орудій цивилизаціи и управленія, которыя были созданы человѣческими способностями.***)

Читатель и самъ видитъ, что очень пріятно было бы доказать столь удивительный и утѣшительный законъ, но къ своему сожалѣнію онъ долженъ признать, что Бастиа доказываетъ его очень неубѣдительно. Вся его аргументація сводится къ указанію на пониженіе нормы процента, идущее вмѣстѣ съ промышленнымъ развитіемъ цивилизованныхъ странъ. Всякій, кто хоть немного знакомъ съ политической экономіей, понимаетъ, что такое доказательство болѣе, чѣмъ слабо. Но „блестящему“ французскому экономисту и некогда останавливаться на доказательствахъ. Онъ торопится перейти къ удивительнымъ и утѣшительнымъ выводамъ, вытекающимъ изъ удивительнаго и утѣшительнаго закона. „Капиталисты и рабочіе, — кричитъ онъ, — перестаньте же смотрѣть другъ на друга съ недовѣріемъ и съ завистью. Сдѣлайтесь глухи для нелѣпныхъ декламаций, надменности которыхъ равняется лишь ихъ невѣжеству, и которая, открывая филантропическія перспективы для будущаго, съотъ раздоръ въ настоящемъ.“

въ русскомъ переводѣ князя Шаховскаго. Къ занимающему насъ вопросу относится схема, находящаяся на стр. 506.

*) *Harmonies*, 2 édition, p. 206.

**) *Ibid.*, p. 206—207.

Признайте, что ваши интересы тождественны... что они сливаются, что они совместно тяготеют къ осуществленію общаго благополучія* и т. д. и т. д.**) Эта чувствительная тирада не оставляет ни малѣйшаго сомнѣнія на счетъ того, зачѣмъ именно понадобился Бастиа заимствованный имъ у Кэри (безъ указанія источника) необходимый и непоколебимый законъ: ссылка на этотъ законъ должна была примирить рабочихъ съ капиталистами и подорвать вліяніе социализма.

II.

Юл. Кауцъ считаетъ Бастиа однимъ изъ самыхъ блестящихъ умовъ, которые въ повѣйшее время посвящали себя занятію политической экономіей.***) Съ этой характеристикой нельзя согласиться. Бастиа, несомнѣнно, обладалъ способностью, яснаго и даже, пожалуй, блестящаго изложенія. Но его мысли всегда такъ поверхностны, а его доводы всегда такъ слабы, что блестящимъ *дѣятелемъ науки* его признать невозможно. Онъ былъ не болѣе, какъ блестящимъ *адвокатомъ* капиталистической эксплуатаціи. Но именно то обстоятельство, что онъ блестяще защищалъ капиталистическую эксплуатацію, обезпечило ему сильное и продолжительное вліяніе на многихъ и многихъ друзей *„соціального жара“*. Въ этомъ — но только въ этомъ — смыслъ Ю. Кауцъ правъ, когда называетъ дѣятельность Бастиа значительной и плодотворной.****) Въ самомъ дѣлѣ, вліяніе Бастиа на экономистовъ болѣе или менѣе охранительнаго направленія было и остается гораздо сильнѣе, чѣмъ думаютъ многіе изъ тѣхъ, которыхъ поражаетъ его *удивительная* и очень мало *утраченная*, хотя по своему и необходимая поверхностность. Луиджи Косса замѣтилъ, что вліяніе здоровой части идей Бастиа сказывается не столько въ сочиненіяхъ его учениковъ, сколько въ общей тенденціи *большинства* современныхъ намъ французскихъ и *значительной части* нѣмецкихъ и итальянскихъ экономистовъ.†) Подъ *здоровой частью* Косса понимаетъ „опроверженіе софистики протекціонистовъ и социалистовъ“. Мы уже видѣли, что опроверженіе социалистическихъ „софизмовъ“ поконится у Бастиа на совершенно негодномъ основаніи. Но дѣло не въ этомъ. Косса все таки правъ, когда говоритъ, что *общая тенденція* Бастиа продолжаетъ жить въ сочиненіяхъ очень многихъ экономистовъ разныхъ странъ. Особенно сильное и глубокое впечатлѣніе произвелъ „удивительный“ и „необходимый“ законъ распредѣленія продуктовъ между рабочими и капиталистами. При этомъ интересно отмѣтить, что „от-

*) Ibid., p. 209.

**) Die geschichtliche Entwicklung der Nationalökonomie und ihrer Literatur, II. Theil, Wien 1860, S. 578.

***) Тамъ же, та же страница.

†) Histoires des doctrines économiques, Paris 1899, p. 386.

крытіе“ этого „закона“ приписывается Бастиа даже на родинѣ Кэри, у котораго французскій экономистъ несомнѣнно заимствовалъ какъ самый законъ, такъ и его изложеніе. Такъ, напримѣръ, извѣстный американскій статистикъ Эдуардъ Эткинсонъ прямо заявляетъ, что хотя онъ вообще имѣлъ мало времени для чтенія книгъ и изученія теорій заработной платы (for the reading of books or the consideration of theories of wages), но что по его мнѣнію Бастиа былъ первымъ основателемъ правильнаго ученія объ отношеніи интересовъ рабочихъ къ интересамъ предпринимателей. „Много лѣтъ тому назадъ, — говоритъ онъ, — одна фраза изъ „Harmonies économiques“ Бастиа врѣзалась въ моему умѣ, и благодаря ей я могъ, въ теченіе своей дѣловой жизни, съ гораздо болѣею ясностью давать себѣ отчетъ въ явленіяхъ заработной платы. Вотъ эта фраза: „По мѣрѣ того, какъ растутъ капиталы, абсолютная доля капиталистовъ въ общей совокупности продуктовъ увеличивается, а ихъ относительная доля уменьшается. Наоборотъ, доля работниковъ увеличивается въ обоихъ смыслахъ.“) Эткинсонъ взялъ эту фразу за эпиграфъ въ своемъ опытѣ: „What makes the rate of wages“ и, вдохновляемый Бастиа, онъ, на основаніи нѣкоторыхъ данныхъ, относящихся къ американской металлургической промышленности, составилъ даже таблицу, которая, по его словамъ, можетъ быть названа *„указателемъ прогресса отъ бѣдности рабочаго и прогресса къ бѣдности капиталиста“* (indicator of progress from poverty of the workman and progress toward poverty of the capitalist).**) Въ этой своей новой формулировкѣ *удивительный* законъ Бастиа утрачиваетъ значительную долю своей *утраченной* значимости, внушая читателямъ слишкомъ мрачныя опасенія на счетъ будущей судьбы капиталистовъ въ капиталистическомъ обществѣ. Но безстрастные ученые, не зная ничего, кромѣ интересовъ чистой науки и не смущаясь жалостью къ бѣднымъ капиталистамъ, охотно цитируютъ изслѣдованіе Эткинсона. Такъ, мы встрѣчаемъ частая ссылки на него въ той книгѣ профессора Шульце-Геверница о *„Крупномъ производствѣ“*, которая, по словамъ г. П. Струве, представляетъ собою „быть можетъ, самое тщательное монографическое изслѣдованіе по социальной исторіи англійской промышленности“.***) „Тщательное изслѣдованіе“ экономикки англійской хлопчатобумажной промышленности привело Шульце-Геверница къ тому убѣжденію, что хотя возрастаніе всего національнаго продукта даетъ на долю труда и капитала абсолютно большія

*) The Distribution of Products or the mechanism and the metaphysics of exchange. Fifth edition, p. 23—24.

**) Ibid., p. 335.

***) Гергартъ фонъ Шульце-Геверницъ, Крупное производство и т. д., переводъ Л. В. Красна, подъ редакціей и съ предисловіемъ П. В. Струве, С.-Петербургъ, 1897, предисловіе, стр. I.

количества, но участие капитала въ немъ относительно уменьшается, участие же труда относительно растетъ. „Трудъ получаетъ все большую и большую долю общаго національнаго производства, — говорить Шульце-Геверницъ. — Ему все болѣе и болѣе начинается доставаться остатокъ, получающійся послѣ уплаты долей процента и прибыли.“*) Это все тотъ же удивительный и угѣшительный законъ Кэри-Бастіа, — и странно, что г. П. Струве не замѣтилъ этого или не захотѣлъ отмѣтить это въ своемъ, — вообще очень слабомъ, — предисловіи къ книгѣ Шульце-Геверниця. Безполезно и прибавлять, что удивительный и угѣшительный законъ распределенія приводитъ глубокомысленнаго нѣмца къ такимъ же отраднѣмъ выводамъ, къ какимъ онъ нѣкогда привелъ легкомысленнаго француза. „Соціальныя послѣдствія охарактеризованнаго процесса состоятъ въ уравненіи имущественныхъ противоположностей, — увѣряетъ Шульце-Геверницъ, — отнюдь не дѣлая богатыхъ богаче, а бѣдныхъ бѣднѣе, онъ приводитъ какъ разъ къ обратному, какъ это статистически доказано для Англій.“***) Отсюда уже не трудно сдѣлать умозаключеніе къ „соціальному миру“, которому г. профессоръ еще раньше посвятилъ отдѣльное, двухтомное изслѣдованіе.***)

Г. Шульце-Геверницъ тѣмъ болѣе считаетъ нужнымъ обратить вниманіе своихъ читателей на свои угѣшительные выводы, что, по его словамъ, фактъ увеличенія разстоянія между богатыми и бѣдными, понимаемый въ томъ смыслѣ, какой ему придавали Марксъ и Энгельсъ, признается даже въ такихъ кругахъ, которые вообще выступаютъ рѣшительными противниками марксизма.†) Но здѣсь онъ едва ли не впадаетъ въ преувеличеніе. Круги, враждебные марксизму, на сколько мы знаемъ, все болѣе и болѣе проникаются угѣшительнымъ сознаніемъ неоспоримости и „необходимости“ закона Кэри-Бастіа. Почти каждый уважающій себя буржуазный ученый какъ нельзя болѣе радъ теперь, если ему представится возможность, — въ торжественной рѣчи или въ специальномъ изслѣдованіи, — распространиться на тему объ уменьшеніи разстоянія между богатыми и бѣдными. Приращеніе противорѣчій между капиталистами и рабочими составляетъ теперь одну изъ самыхъ модныхъ темъ въ буржуазной экономической литературѣ.

III.

По словамъ Шульце-Геверниця, уменьшеніе разстоянія между богатыми и бѣдными доказано для Англій ея „пер-

*) Тамъ же, стр. 229.

**) Тамъ же, та же страница.

***) Zum sozialen Frieden. Eine Darstellung der sozialpolitischen Erziehung des englischen Volkes im neunzehnten Jahrhundert, Leipzig 1890.

†) Zum sozialen Frieden, II. Bd., S. 498.

вымъ статистикомъ“, Р. Гиффеномъ, въ рѣчи: „The Increase of moderate Incomes“, будто бы произнесенной имъ на собраніи англійскаго статистическаго общества въ декабрѣ 1887 года. На эту рѣчь Шульце-Геверницъ ссылается какъ въ своемъ сочиненіи „Zum sozialen Frieden“ (томъ II, стр. 490), такъ и въ своей книгѣ о *круткахъ производствъ* (стр. 229 русскаго перевода). Но онъ ошибается, приписывая ее Гиффену. Она была произнесена — и именно въ указанномъ Шульце-Геверницемъ мѣстѣ — Гошеномъ.†) Это обстоятельство, конечно, ни мало не измѣняетъ достоинствъ самой рѣчи; но не слѣдуетъ отнимать у Гошена заслуженные имъ лавры и передавать ихъ. — хотя бы только по ошибкѣ, — Гиффену. *Suum cuique!*

Рѣчь о ростѣ среднихъ доходовъ показала убѣдительной не одному Шульце-Геверницю. Послѣ ея произнесенія (6-го декабря 1887 г.) директоръ англійскаго банка Коллетъ выразилъ оратору горячую благодарность за то, что тотъ показалъ, до какой степени противорѣчатъ истинѣ избитыя разглагольствованія о постоянно растущемъ обогащеніи богатыхъ и обѣдненіи бѣдныхъ. „Теперь, когда такъ сильно распространяются несбыточные теоріи и соблазнительныя предложенія на счетъ распределенія богатства, — сказалъ почтенный директоръ, — какъ нельзя болѣе полезно съ ясностью и убѣдительною показать, что то распределеніе богатства, къ которому иные стремятся съ такою горячностью, молчаливо, но замѣтно входитъ въ жизнь, благодаря правильному дѣйствію экономическихъ законовъ.“***) Но мнѣніе мистера Коллета назовутъ, можетъ быть, мало авторитетнымъ. Иной скептикъ предположитъ, пожалуй, что директоръ англійскаго банка, подобно Э. Эткинсону, не имѣлъ достаточно времени для изученія экономической теоріи, знаніе которой необходимо для правильнаго пониманія статистическихъ данныхъ. Поэтому мы укажемъ еще на извѣстнаго нѣмецкаго экономиста Г. Шмоллера, который, не безъ скептицизма относясь къ трудомъ „перваго англійскаго статистика“, т. е. Гиффена, находить въ то же время, что выводы Гошена основываются на объективномъ и убѣдительномъ изслѣдованіи дѣйствительности.***) Не мѣшаетъ, поэтому, поближе взглянуть на работу англійскаго министра финансовъ.

*) См. „The Increase of moderate Incomes“ being the Inaugural Address of the President of the R. S. Society, the right Hon. G. J. Goschen, въ „Journal of the R. S. Society, Dec. 1887.“

**) Journal of the Royal Statistical Society, 1887, December, Proceedings on the 6th December, p. 613.

***) Was verstehen wir unter dem Mittelstande? Hat er im 19. Jahrhundert zu- oder abgenommen? Göttingen 1897, S. 27. На рѣчь Гошена указываетъ своимъ читателямъ также Робертъ Меллеръ въ Handwörterbuch der Staatswissenschaften, 2-ое изд. 2 томъ, стр. 306.

Гошенъ совершенно сходится съ Коллетомъ во взглядѣ на великое социальное значеніе указанныхъ имъ данныхъ. „Я не знаю, — сказалъ онъ своимъ слушателямъ, — производятъ ли указываемыя мною статистическія цифры такое же впечатлѣніе на васъ, какъ и на меня. Мнѣ кажется, что между тѣмъ какъ нѣкоторые люди кричатъ объ искусствѣнномъ переустройствѣ общества, происходитъ развитіе чего-то въ родѣ молчаливаго социализма. Совершается молчаливое движеніе въ сторону новаго распредѣленія богатства на болѣе широкой плоскости, и съ какой бы точки зрѣнія мы ни глядѣли на это движеніе, оно должно, я думаю, быть предметомъ радости для нашего народа. Оно не вызвано какими нибудь насильственными приемами. Описанный мною результатъ произведенъ неуклоннымъ дѣйствіемъ экономическихъ законовъ въ обществѣ, основанномъ на торговой и промышленной свободѣ. . . . И самая лучшая сторона этого автоматическаго социализма (automatic socialism) заключается въ томъ, что онъ, повидимому, дѣйствуетъ даже во время промышленнаго зстоя. Вопреки общимъ жалобамъ на убытки и плохія времена; несмотря на безработицу и на неправильность заработка даже у тѣхъ, которые имѣютъ работу, великій центръ общества упрочиваетъ свою экономическую позицію.“*)

Читатель видитъ, что какъ самъ Гошенъ, такъ и его слушатели находились подъ впечатлѣніемъ „криковъ объ искусствѣнномъ переустройствѣ общества“. Такие крики въ самомъ дѣлѣ очень громко раздавались въ Англии того времени, когда произнесена была рѣчь Гошена. Это было время промышленнаго зстоя и безработицы, вызвавшихъ сильныя волненія въ рабочей средѣ. Въ Лондонѣ, въ Манчестерѣ, въ Бирмингамѣ, въ Лейстерѣ, въ Ирмутѣ и т. д. происходили собранія безработныхъ, на которыхъ произносились самыя зажигательныя рѣчи. Нѣкоторые думали тогда, что Англія находится *какамуки* *соціальной революціи*. Сидней Уэббъ говоритъ, что иными точно обозначалось даже время предстоявшаго переворота: 1889 годъ, годъ столѣтія великой французской революціи.***) Это возбужденіе умовъ не могло дѣйствовать успокоительно ни на министровъ, ни вообще на лицъ высшихъ классовъ, и потому надо признать, что Гошенъ находился тогда въ условіяхъ мало благоприятныхъ для „объективнаго изслѣдованія“ экономическихъ явленій. Но извѣстно, что любовь къ истинѣ беретъ иногда верхъ надъ очень сильными внѣшними прельщеніями. Хотя Гошену, навѣрное, очень трудно было сохранить нравственное спокойствіе и научное безпристрастіе, но это еще не значитъ, что онъ непременно долженъ былъ горячиться и смотрѣть

*) Journal of the R. S. S., Dec. 1887, p. 604.

**) Socialism: True and False, Fabian Tract. № 51, p. 3.

на ходъ экономическаго развитія Англии черезъ очки своихъ классовыхъ предразсудковъ. Какъ знать, можетъ быть, открытый имъ „автоматическій социализмъ“ и въ самомъ дѣлѣ все болѣе и болѣе прокладываетъ себѣ дорогу въ англійской общественной жизни! Весь вопросъ въ томъ, *какомъ фактическомъ основаніи покоилась упрямость англійскаго министра въ медленномъ, „молчаливомъ“, но твердомъ развитіи этого социализма.*

Фактическая основа его увѣренности состоитъ вотъ въ чемъ. Статистика показала ему, что въ 1875 году число (физическихъ и юридическихъ) лицъ, записанныхъ подъ рубрикой *D**) и получавшихъ дохода отъ 150 до 1000 фунтовъ, доходило до 317 839, а въ 1886 году оно *поднялось* до 379 064, т. е. увеличилось на 19,26 процента. Между тѣмъ, за тотъ же періодъ времени число лицъ, получавшихъ 1000 и *болше* фунтовъ дохода, *опустилось* съ 22 848 (1877 г.) до 22 298 (1886 г.) что означаетъ *уменьшеніе* на 2,4 процента. Болѣе подробный анализъ статистическихъ цифръ далъ Гошену возможность составить такую таблицу:

Доходы	1877	1886	Увеличеніе или уменьшеніе.
Между 150 и 500 ф.	285 754	347 021	Увеличеніе на 21,4
Между 500 и 1500 ф.	92 085	92 083	Почти безъ переменъ.
Между 1000 и 5000 ф.	19 726	19 280	Уменьшеніе на 2,5
Выше 5000 ф.	9 122	8 048	Уменьшеніе на 2,9

Отсюда Гошенъ заключилъ, что „въ обыкновенное время, во время угнетеннаго состоянія промышленности, равно какъ и во время подобное тому, которое мы пережили, и которое, конечно, не можетъ быть названо временемъ процвѣтанія, происходило постоянное и въ высшей степени отрадное увеличеніе числа доходовъ ниже тысячи фунтовъ“.

Но подъ рубрикой *D* англійская статистика подоходнаго налога записываетъ не всѣхъ тѣхъ лицъ, которыхъ можно отнести къ среднему классу. Не мало такихъ лицъ записывается также подъ рубрикой *E*, къ которой принадлежатъ, кромѣ чиновниковъ, состоящихъ на общественной службѣ, также служащіе у частныхъ лицъ и у предпринимательскихъ компаний. Число лицъ, записанныхъ подъ этой рубрикой, возрасло за разсматриваемое десятилѣтіе съ 78 224 до 115 964. Гошенъ думаетъ, что это возрастаніе также свидѣтельствуетъ объ упроченіи экономической позиціи „великаго центра общества“, средняго класса.

*) Подъ этой рубрикой записываются доходы, получаемые отъ промышленныхъ и торговыхъ предпріятій, отъ капиталовъ, помещенныхъ въ иностранныхъ и въ колоніальныхъ предпріятіяхъ и отъ свободныхъ профессій. Подъ той же рубрикой *D* записываются неперіодическія денежныя полученія.

Данные эти, несомненно, интересны в теоретическом отношении, но они совсем не имеют того значения, которое имъ приписываетъ Гошенъ.

Во-первыхъ, какъ уже замѣтилъ г. Исаевъ, десятилѣтіе 1877—1886 представляло всѣ данные для уменьшения числа крупныхъ доходовъ. „Рѣзкое паденіе цѣнъ всѣхъ товаровъ, пониженіе прибыли во всѣхъ предпріятіяхъ до половины средняго уровня и болѣе, огромное число банкротствъ (до 1877 г. въ среднемъ 8½ тысячъ банкротствъ въ годъ, а съ 1877 до 1884 г. болѣе 12 000) — все повело къ тому, что множество богатыхъ лицъ, имѣвшихъ въ половинѣ 70-хъ годовъ 1000—2000 фунтовъ дохода, сохранили въ 80 гг. едва 500—1000 фунтовъ, а имѣвшие довольство, болѣе 500 фунтовъ, спустились въ низшую группу, въ группу плательщиковъ съ доходомъ въ 150—500 ф.“*)

Какъ отразилось угнетенное состояніе промышленности на ростѣ національнаго богатства Англій, показываютъ слѣдующія цифры: въ промежутокъ времени 1865—1875 г. общая сумма капитала поднялась въ этой странѣ съ 6113 милліоновъ ф. ст. до 8548, т. е. увеличилась на 40 процентъ, а въ промежутокъ 1875—1885 г. она возрасла съ 8500 мил. ф. ст. до 10 037, т. е. увеличилась только на 17½ процентомъ.**)

Не трудно понять, что замедленный ходъ накопленія капитала вызванъ былъ пониженіемъ уровня прибыли въ эпоху угнетеннаго состоянія промышленности. Уже одного этого пониженія уровня прибыли было бы достаточно для перехода плательщиковъ подоходнаго налога изъ высшихъ разрядовъ въ низшіе. Но замѣчательно, что пониженіе уровня прибыли было далеко не одинаково въ различныхъ родахъ предпріятій. Съ особенной силой сказалось оно въ промышленности; въ предпріятіяхъ же, не имѣющихъ прямого отношенія къ промышленному производству, оно было гораздо слабѣе. Такъ, розничные торговцы жаловались на него очень мало. Такъ же мало пострадали отъ него лица, помѣстившія свои капиталы за-границей, напримеръ въ иностранныхъ займахъ и т. п. Одинъ изъ членовъ комиссіи, назначенной для изслѣдованія угнетеннаго состоянія промышленности, указываетъ***) на помѣщеніе англійскихъ капиталовъ за-границей, какъ на одну изъ причинъ того, на первый взглядъ страннаго явленія, что общая сумма доходовъ, подлежащихъ обложенію, увеличилась, несмотря на застои въ дѣлахъ. Такъ какъ возрастаніе этой общей суммы все таки сопровождалось

*) А. А. Исаевъ, Начала Политической Экономіи, изданіе четвертое, стр. 619.

**) R. Giffen, Accumulation of Capital in the United Kingdom, Journal of the R. S. S. March 1890, p. 15.

***) См. Final Report of the R. Commission appointed to inquire into the depression of Trade and Industry, мѣсяце меньшинства комиссіи, стр. XLIV.

пониженіемъ крупныхъ доходовъ, то остается предположить, что въ торговыхъ предпріятіяхъ внутри страны, равно какъ и за-границей были помѣщены капиталы, имѣвшіе сравнительно меньшіе размѣры. Именно такъ и думаетъ меньшинство комиссіи. „Большое возрастаніе числа мелкихъ и уменьшеніе числа крупныхъ доходовъ въ рубрикѣ Д, вѣроятно, произошло въ значительной степени оттого, что промышленность, къ области которой принадлежатъ крупныя предпріятія, требующія большихъ капиталовъ, не приносила дохода, между тѣмъ какъ торговля, особенно розничная, большая часть которой ведется съ незначительными капиталами, приносила прибыль.“*)

Уже въ виду этихъ соображеній „автоматической социализмъ“ англійскаго министра финансовъ утрачиваетъ весьма значительную долю своей „удивительности“ и „утѣшительности“. Но онъ сдѣлается еще болѣе жалкимъ въ нашихъ глазахъ, если мы вспомнимъ, что *другою* причиною роста общей суммы доходовъ, обложенныхъ налогомъ (рубрика Д) явилось просто на просто *болѣе внимательное усматриваніе администраціей обывательскихъ доходовъ*. Въ указаніи на эту причину большинство комиссіи сходится съ ея меньшинствомъ. Но между тѣмъ, какъ большинство, отмѣтивъ эту причину, не спрашиваетъ себя, какъ она повліяла на число занесенныхъ въ списокъ „умѣренныхъ“ доходовъ, меньшинство совершенно справедливо замѣчаетъ, что она должна была *увеличить его*, благодаря привлеченію къ уплатѣ подоходнаго налога множества *новыхъ* небогатыхъ плательщиковъ, прежде легко ускользавшихъ отъ этой чести.**)

Такимъ образомъ фактическое основаніе отрядныхъ выводовъ Гошена оказывается совершенно несостоятельнымъ. Столь же несостоятельнымъ оказывается, конечно, и пріятное убѣжденіе тѣхъ друзей „соціального мира“, которые думаютъ, что уменьшеніе разстоянія между бѣдными и богатыми убѣдительно доказано Гошеномъ.

Просимъ читателя замѣтить еще вотъ что. Гошенъ съ большою похвалою отзывался о цитированномъ нами заключительномъ докладѣ комиссіи, изучавшей причины угнетеннаго состоянія промышленности, и очень сожалѣетъ о томъ, что выводы, къ которымъ она пришла, не обратили на себя должнаго вниманія читающей публики.***) Можно подумать, что самъ онъ хорошо изучилъ эти выводы и передаетъ ихъ своимъ слушателямъ во всей ихъ полнотѣ и во всемъ ихъ разнообразіи. Но на самомъ дѣлѣ мы видѣли совсѣмъ другое. Онъ такъ не серьезно отнесся къ названному докладу, что

*) Ibid., p. XLIX. Сравнительно хорошій ходъ торговли объясняется огромнымъ пониженіемъ фабричныхъ цѣнъ.

**) Ibid., p. L.

***) Journal of the R. S. Society, Dec. 1887, p. 591.

нашелъ возможнымъ, безъ всякихъ оговорокъ, пользоваться тѣми статистическими данными, о которыхъ меньшинство коммисіи прямо заявило, что значеніе ихъ вовсе не таково, какимъ оно представляется на первый взглядъ и какое имъ приписалъ, — вскорѣ по выходѣ заключительнаго доклада, — самъ Гошенъ. Объ этомъ заявленіи меньшинства „досто-почтенный“ ораторъ благоразумно умолчалъ въ своей рѣчи. Такъ тверда и непоколебима была его „объективность“.

Гошену захотѣлось ободрить своихъ слушателей, находившихся подъ сильнымъ впечатлѣніемъ рабочихъ волненій, и вотъ онъ, схватившись за первую попавшуюся цифру, сталъ излагать передъ ними, въ новомъ видѣ, ту самую теорію, которую раньше его излагали Кэри, Бастіа и другіе, имъ подобныя, апологеты капитализма. Слушатели пришли въ восторгъ и поблагодарили оратора въ самыхъ прочувствованныхъ выраженіяхъ. А вслѣдъ за слушателями пришли въ восторгъ и континентальные ученые въ родѣ Шмоллера и Шульце-Геверницца. Этими „объективными“ мужамъ науки было не до критической проверки доводовъ англійскаго министра. Имъ тоже очень приятно было услышать, что удивительный и утѣшительный законъ Бастіа можетъ быть поддержанъ съ помощью новыхъ данныхъ. Ну, а разъ аргументація Гошена была почтительно встрѣчена Шмоллеромъ, Шульце-Геверницемъ и другими патентованными „учеными“, то „критикамъ“ марксизма, какъ говорится, уже самъ богъ велѣлъ кричать о притупленіи общественныхъ противорѣчій вслѣдствіе „роста умѣренныхъ доходовъ“. Наши „критики“ вообще не критикуютъ буржуазныхъ ученыхъ. Ихъ специальность заключается именно въ „критикѣ“ Маркса.

IV.

Гошенъ и самъ чувствовалъ, что цифры, положенная имъ въ основу своей реляціи объ успѣхахъ „автоматическаго социализма“, совсѣмъ не доказательны. Поэтому онъ постарался подтвердить свои выводы съ помощью косвенныхъ соображеній. Съ однимъ изъ этихъ соображеній мы познакомимся ниже, когда будемъ говорить о положеніи рабочаго класса въ Англіи, а нѣкоторыя другія намъ нужно разсмотрѣть теперь.

„Съ каждымъ годомъ, — говоритъ Гошенъ, — все большее и большее число лицъ принимаетъ участіе въ акціонерныхъ компаніяхъ и такимъ образомъ приобретаетъ часть богатства, создаваемого широкой промышленной и торговой дѣятельностью страны.“*)

Это соображеніе, подхваченное Шульце-Геверницемъ и другими проповѣдниками „соціального мира“, произвело, какъ

*) Ibid., p. 597.

извѣстно, сильное впечатлѣніе на нѣкоторыхъ социалистовъ. Такъ, г. Бернштейнъ пришелъ къ тому убѣжденію, что „форма акціонерной компаніи значительно противодѣйствуетъ тенденціи, заключающейся въ централизаціи капиталовъ путемъ централизаціи производствъ“. Онъ думаетъ, что „если экономисты, противники социализма, использовали этотъ фактъ съ цѣлью прикрашиванія нынѣшнихъ общественныхъ отношеній, то отсюда не слѣдуетъ, что социалисты должны скрывать или отрицать этотъ фактъ. Дѣло идетъ скорѣе о томъ, чтобы признать его дѣйствительное значеніе и его распространеніе.“*)

Скрывать факты или отрицать ихъ существованіе, когда оно доказано, разумѣется, очень смѣшно и абсолютно нелѣпно. Но иное дѣло факты, а иное дѣло ихъ общественное значеніе. Общественное значеніе факта, указываемаго г. Бернштейномъ вслѣдъ за Гошеномъ и Шульце-Геверницемъ, остается до сихъ поръ по меньшей мѣрѣ спорнымъ. Гошенъ, Шульце-Геверницъ и плетущійся за ними г. Бернштейнъ не обратили вниманія на то, что распространеніе акціонерныхъ компаній можетъ явиться новымъ факторомъ централизаціи имущества и увеличенія разстоянія между бѣдными и богатыми. Пояснимъ нашу мысль примѣромъ, взятымъ изъ экономической исторіи той самой эпохи, о которой говорится въ рѣчи Гошена.

Извѣстно, что умноженіе числа акціонерныхъ компаній въ Англіи было очень облегчено законодательствомъ, разрешившимъ учрежденіе обществъ съ ограниченной отвѣтственностью (Limited Liability Acts). Къ тому времени, когда приступила къ своимъ трудамъ коммисія, назначенная для изслѣдованія причинъ угнетеннаго состоянія промышленности, экономическія послѣдствія новаго закона успѣли обнаружиться съ достаточной ясностью. Что же говорить о нихъ эта коммисія?

По словамъ ея большинства, „ограниченіе отвѣтственности вызываетъ менѣе осторожное или болѣе спекуляторское веденіе предпріятій, чѣмъ то, къ которому можетъ быть склоненъ предприниматель, связанный полной отвѣтственностью за свои операціи. Вслѣдствіе этого, при ограниченной отвѣтственности производство часто ведется при такой пониженной прибыли, при которой обыкновенный предприниматель увидѣлъ бы себя вынужденнымъ сократить его размѣры. Даже потеря капитала, причиненная гибелью значительнаго числа этихъ компаній, не произвела всего того вліянія, котораго можно было ожидать въ смыслѣ сокращенія ихъ операцій, такъ какъ убытки распространяются на большее число

*) Э. Бернштейнъ. Историческій Материализмъ, переводъ Л. Канцель, второе изданіе, стр. 84.

лиць и потому менѣ чувствительны. Болѣе того, на разналичныхъ потерпѣвшихъ крушеніе предпріятій постоянно возникаютъ новыя, которыя, купивъ за безцѣнокъ имущество старыхъ, получаютъ возможность вести производство въ прежнихъ размѣрахъ.**)

Меньшинство коммисіи вполне согласно въ этомъ случаѣ съ большинствомъ. По его мнѣнію, ограниченіе ответственности вызвало появленіе особаго класса „основателей“ (proprietors), которые, пользуясь неопытностью и беззащитностью обладателей мелкихъ денежныхъ суммъ, заводятъ предпріятія единственно для того, чтобы при первой возможности перепродать свои акціи, ни мало не заботясь о томъ, какая судьба ожидаетъ начатое ими дѣло.**)

Мы не думаемъ, чтобы „автоматическій социализмъ“ этого рода былъ способенъ значительно содѣйствовать уменьшенію общественныхъ противорѣчій. *Перепроизводство и спекуляція* всегда были и всегда останутся могущественными дѣятелями разоренія экономически слабыхъ и обогащенія горсти локачей, обладающихъ умѣньемъ ловить въ мутной водѣ рыбу.

Гошенъ указываетъ также на увеличеніе, въ разсматриваемый имъ періодъ времени, взносовъ въ сберегательныя классы, какъ на одно изъ проявленій медленнаго, но вѣрнаго торжества дорогаго ему „молчаливаго социализма“***) Но если бы онъ внимательно прочиталъ тотъ самый докладъ, который онъ такъ настойчиво рекомендовалъ вниманію своихъ слушателей, то онъ долженъ былъ бы согласиться съ тѣмъ, что указанный имъ фактъ допускаетъ совершенно иное и притомъ гораздо менѣ „утѣшительное“ толкованіе. Какъ справедливо замѣчаетъ оставшійся при особомъ мнѣніи членъ коммисіи А. О'Конноръ, *увеличеніе числа взносовъ въ сберегательныя классы могло быть вызвано уменьшеніемъ (вълѣдствіе угнетеннаго состоянія промышленности) возможности полнценія небольшихъ денежныхъ суммъ въ производственыя предпріятія.†)* При такомъ, болѣе чѣмъ вѣроятномъ, объясненіи этого факта становится совершенно понятнымъ то обстоятельство, что увеличеніе числа взносовъ въ сберегательныя классы *шло рука объ руку съ уменьшеніемъ спроса на рабочія руки.*

Какъ бы ни былъ „молчаливъ“ и „автоматиченъ“ такой социализмъ, въ немъ всегда будетъ очень мало *утѣшительнаго.*

Теперь мы можемъ разстаться на время съ Гошеномъ и обратиться къ другому англійскому авторитету, именно къ статистику *Мельголлу.*

*) Final Report, p. XVIII.

***) Ibid., p. LVII.

***) Journal, Dec. 1887, p. 602.

†) Final Report, p. LXXII.

Въ своемъ „Dictionary of Statistics“ Мельголлъ приводитъ слѣдующія данныя относительнаго роста числа доходовъ въ 200 фунтовъ стерлинговъ и выше.*)

Годы.	Число доходовъ.	На одинъ миллионъ населенія.
1812	39 765	3314
1850	65 389	3115
1860	85 530	2949
1870	130 375	4206
1880	210 430	6313

Число доходовъ выше 5000 ф. с. росло слѣдующимъ образомъ.

Годы.	Число доходовъ.	На одинъ миллионъ населенія.
1812	409	34
1850	1 181	56
1860	1 558	53
1870	2 080	67
1880	2 954	88

Сопоставляя одинъ съ другими нѣкоторыя изъ этихъ данныхъ, мы получаемъ.

	Число лицъ		Ростъ.
	1860	1880	
Очень богатыхъ . . .	53	88	66 проц.
Зажиточныхъ	2949	6313	112 проц.

„Это указываетъ, — говоритъ Мельголлъ, — на диффузію богатства, вопреки ходячему мнѣнію о томъ, что богатые богатеютъ съ каждымъ днемъ.“**)

Очень хорошо и весьма утѣшительно! Но поговоривъ съ тѣмъ же Мельголлемъ въ другой разъ и при другихъ обстоятельствахъ, мы узнаемъ отъ него гораздо менѣ хорошія и гораздо менѣ утѣшительныя вещи.

На основаніи нѣкоторыхъ расчетовъ онъ принимаетъ, что богатство Соединеннаго Королевства распределено такъ.

Классы.	Число лицъ.	Миллионы фунтовъ.	Фунтовъ на каждую голову.
Богатый	327 000	9120	28 000
Средній	2 380 000	2120	900
Рабочій	18 210 000	556	31
Дѣти	17 940 000	—	—
Всего населенія	38 857 000	11800	302

На что же указываютъ эти цифры? А вотъ на что. „Около 80 процентовъ всего богатства страны находится въ рукахъ 1½ процента взрослого населенія. Средній классъ охватываетъ 11 процентовъ населенія и сосредоточиваетъ въ своихъ

*) До 1860 г. данныя относятся только къ Великобританіи, а послѣ 1860 г. ко всему Соединенному Королевству.

***) Dictionary, p. 321.

рукахъ 18 процентовъ богатства.**) О рабочемъ классѣ Мельголь уже и не говорить: такъ жалки, такъ ничтожны крохи, приходящіяся на его долю! Выходить, что „диффузія богатства“ не такъ уже сильна, какъ насъ только что увѣрялъ тотъ же Мельголь. Жаль! Очень жаль! Мы пришли было въ очень пріятное настроеніе духа. Но послушаемъ дальше нашего статистика. Спросимъ его, какъ совершалась „диффузія богатства“ въ прежнее время.**)

По ему собственному расчету***) оказывается, что если мы примемъ за 100 число крупныхъ состояній, превышавшихъ въ 1840 году 5000 ф. с., то увидимъ, что въ 1877 году оно дошло до 223, а въ 1893 г. до 270. Между тѣмъ, принимая за 100 число состояній, простиравшихся въ 1840 году отъ 100 до 5000 ф. ст., мы находимъ, что въ 1877 году они дошли только до 203, а въ 1893 году только до 249. А это означаетъ, что „состоянія выше 5000 ф. с. умножились гораздо скорѣе, чѣмъ тѣ, которыя не достигали этой цифры, — явление какъ разъ обратное тому, что было бы желательнымъ, — и этотъ приливъ богатства (въ высшихъ слояхъ, Г. П.) становится повидимому все болѣе интенсивнымъ.“†) Вотъ такъ „диффузія“! Мельголь самъ какъ будто смущается ею и потому спѣшитъ утѣшить насъ слѣдующей таблицей.

	1840 г.	1877 г.	1893 г.
Населеніе	100	136	146
Состоянія выше 100 ф.	100	203	251

За пятьдесятъ лѣтъ населеніе выросло на 40 процентовъ, а число обладающихъ состояніемъ выше 100 ф. с. увеличилось на 151 процентъ. „Другими словами, тотъ общественный классъ, который стоитъ выше бѣдности, росъ, начиная съ 1840 года, вторе скорѣе, чѣмъ общая цифра населенія.“††)

Ниже мы подробно анализируемъ утѣшительность этого утѣшенія, а теперь пока обратимъ вниманіе читателя на слѣдующій отзывъ Мельголя о положеніи рабочаго класса въ Англии.

„Улучшеніе положенія рабочаго класса съ очевидностью явствуетъ изъ возрастанія числа вкладчиковъ въ сберегательныя кассы. Оно составляло менѣе 4 процентовъ населенія Соединеннаго Королевства въ 1850 году, а теперь доходитъ до 19 процентовъ. Тѣмъ не менѣе, страданія бѣднаго класса въ нашихъ большихъ городахъ теперь значительное, чѣмъ

*) Industries and Wealth of Nations, by Michael G. Mulhall, London 1896, p. 100.

**) Предыдущіе выводы основаны на данныхъ, относящихся къ пятилѣтію, кончающемуся декабремъ 1893 года.

***) Ниже мы увидимъ, что этотъ расчетъ лишь въ слабой степени выражаетъ действительный ходъ развитія.

†) Ibid., p. 100—101.

††) Ibid., p. 101.

когда либо прежде. О положеніи этого класса было справедливо сказано, что оно хуже положенія готтентотовъ.“*)

Порусски это называется *качать за здравіе, а кончить за упокой*.

V.

Мы видимъ теперь, что какъ „молчаливый социализмъ“ Гошена, такъ и „диффузія богатства“ Мельголя представляють собой нѣчто довольно фантастическое. Мельголь самъ долженъ былъ признать, что богатство все болѣе и болѣе скопляется въ высшихъ слояхъ общества. Но если это такъ, то *общественными противорѣчіями*, — рассматриваемыя съ ихъ экономической стороны, — не только не „притупляются“, а не болѣе и болѣе возрастаютъ. Мельголь старается „притупить“ этотъ выводъ указаніемъ на то, что въ Англии число лицъ, обладающихъ имуществомъ выше 100 ф. с. растетъ значительно быстрѣе, чѣмъ населеніе. Пора внимательнѣе приглядѣться къ этому утѣшенію.

Представимъ себѣ общество, въ составъ котораго входятъ три класса: богатый, зажиточный и бѣдный. Предположимъ для простоты, что бѣдный классъ живетъ исключительно *продажей своей рабочей силы*; зажиточный занимается *торговлей*, а богатый состоитъ изъ *капиталистовъ-предпринимателей* и *землепладателей*, число лицъ въ бѣдномъ классѣ равняется *тысячѣ*; въ зажиточномъ — *ста*, а въ богатомъ — *десяти*.**) При распредѣленіи общественного дохода на долю каждого изъ этихъ классовъ достается величина, которую мы обозначимъ черезъ *A*. Стало быть, весь доходъ общества равняется *3A*; членъ богатаго класса въ *среднемъ* въ *десять разъ богаче* члена зажиточнаго класса, а членъ зажиточнаго класса въ *среднемъ* въ *десять разъ богаче* члена бѣднаго класса. Таково *относительное* положеніе классовъ въ данную эпоху, скажемъ — въ 1875 году.

Проходить 25 лѣтъ. Общественный доходъ *удваивается*, и на долю *каждаго* общественного класса достается теперь *уже не одно, а два A*.***) Мы можемъ, по этому, сказать, что экономическое благосостояніе *каждаго* общественного класса *удвоилось*. Но *взаимное отношеніе* этихъ классовъ *осталось безъ переменъ*: по прежнему богатый въ *среднемъ* въ *десять разъ богаче* зажиточнаго, а зажиточный въ *среднемъ* въ *десять разъ богаче* бѣднаго. Въ виду этого мы не имѣемъ никакого права говорить ни о „диффузіи богатства“ въ нашемъ обществѣ ни объ „автоматическомъ социализмѣ“, измѣняющемъ распредѣленіе дохода въ смыслѣ притупленія противорѣчій

*) Ibid., p. 101—102.

**) *Тыся* — главъ семьи, получателей известного дохода.

***) Чтобы не усложнять расчета, мы предполагаемъ сначала, что населеніе не увеличилось за это время.

между общественными классами. Запомнивъ этотъ выводъ, пойдемъ далѣе.

Предположимъ, что въ нашемъ обществѣ существуетъ подоходный налогъ, который платится всѣми лицами, получающими 100 и выше фунтовъ дохода. Предположимъ также, что въ богатомъ и въ зажиточномъ классѣ у насъ нѣтъ ни одного лица, доходъ котораго былъ бы ниже ста фунтовъ, но за то въ бѣдномъ классѣ нѣтъ ни одного лица, доходъ котораго достигалъ бы этой цифры, стало бы, никто изъ лицъ этого класса не платилъ бы подоходнаго налога въ 1875 году.

А какъ будетъ обстоитъ дѣло по прошествіи 25 лѣтъ, когда удвоится доходъ cadaго общественного класса?

Если мы предположимъ: во-первыхъ, что 25 лѣтъ тому назадъ въ бѣдномъ классѣ было 250 лицъ, ежегодно получавшихъ отъ 50 до 100 фунтовъ, а во-вторыхъ, что *распределение дохода внутри каждаго класса остается постояннымъ*, то теперь въ бѣдномъ классѣ у насъ окажется 250 лицъ, получающихъ отъ ста до 200 фунтовъ, и, слѣдовательно, обязанныхъ платить подоходный налогъ. Такимъ образомъ число небогатыхъ плательщиковъ подоходнаго налога *увеличится, несмотря на то, что никакой „диффузіи богатства“ не произойдетъ*, такъ какъ богатый по прежнему будетъ въ 10 разъ богаче зажиточнаго, а зажиточный по прежнему въ 10 разъ богаче бѣднаго.

Въ какой же мѣрѣ увеличится число небогатыхъ плательщиковъ подоходнаго налога?

Это будетъ зависеть, конечно, отъ распределения богатства внутри зажиточнаго класса. Предположимъ, что 25 лѣтъ тому назадъ между членами этого класса было 25 лицъ, получавшихъ отъ 500 до 1000 ф. с. ежегоднаго дохода. Въ такомъ случаѣ теперь, послѣ *удвоения* дохода этого класса (и при неизмѣнномъ распределеніи этого дохода), эти 25 лицъ будутъ получать уже отъ 1000 до 2000 фунтовъ. Предполагая, что лица, получающія болѣе 1000 фунтовъ, называются *крупными* плательщиками, мы увидимъ, что къ *разряду* такихъ плательщиковъ отойдетъ теперь 25 человекъ изъ лицъ, принадлежащихъ къ *среднему классу*. Значитъ общее число небогатыхъ плательщиковъ (или, другими словами, общее число „moderate incomes“) будетъ теперь равно 325 (75 человекъ, оставшихся отъ прежняго числа, — 100, — и 250 новыхъ, принадлежащихъ къ рабочему классу), т. е. *окажется увеличившимся на 225 процентовъ*.

Будемъ считать далѣе. Двадцать пять лицъ торговаго класса, получающихъ отъ 1000 до 2000 ф. с., будутъ фигурировать теперь въ спискахъ крупныхъ плательщиковъ, въ одномъ *разрядѣ* съ лицами высшаго класса, состоящаго изъ фабрикантовъ и землевладельцевъ. Такихъ лицъ было у насъ *десять*. Присоединяя къ нимъ 25 лицъ изъ *средняго*

класса, мы находимъ, что число крупныхъ плательщиковъ равняется теперь 35: *увеличеніе на 250 процентовъ*.

Число крупныхъ плательщиковъ растетъ у насъ нѣсколько быстрѣе числа „умѣренныхъ“. Но легко видѣть, что при нѣкоторомъ измѣненіи нашихъ гипотетическихъ данныхъ у насъ получится противоположный результатъ.

Въ самомъ дѣлѣ, допустимъ, что въ 1875 г. у насъ было только 10 лицъ, получавшихъ отъ 500 до 1000 фунтовъ. По прошествіи 25 лѣтъ и по удвоеніи дохода средняго класса эти 10 лицъ будутъ получать отъ 1000 до 2000 фунтовъ и поэтому отойдутъ въ разрядъ крупныхъ плательщиковъ подоходнаго налога. Складывая ихъ число съ числомъ прежнихъ плательщиковъ крупнаго разряда, — которое, какъ намъ извѣстно, равнялось тоже десяти, — мы находимъ, что всѣхъ плательщиковъ этого разряда будетъ теперь 20, а это значитъ, что число ихъ *увеличилось только на 100 процентовъ*. Въ виду гораздо болѣе быстрого роста числа „умѣренныхъ“ плательщиковъ мы получаемъ возможность кричать объ „автоматическомъ социализмѣ“ и наводить некритическихъ „критиковъ“ на ту мысль, что Марксова „догма“ устарѣла и т. д. А вѣдь на самомъ дѣлѣ у насъ никакой „диффузіи богатства“ не произошло, и каждый общественный классъ получаетъ *свое прежнее дѣло* національнаго дохода.

Совершенно такой же „отрадный“ выводъ, — въ Гошеневскомъ смыслѣ, — мы получимъ, предположивъ, что концентрація имущества въ средѣ класса промышленниковъ и землевладельцевъ совершается быстрѣе, чѣмъ въ средѣ торговаго класса, что вполнѣ возможно, — и даже въ высшей степени вѣроятно, — совершенно безъ всякаго посяганія Марксовой догмы.*)

До сихъ поръ мы предполагали, что при ростѣ національнаго дохода *доля* каждаго общественного класса оставалась неизмѣнной. Теперь посмотримъ, какъ отразилось бы спискахъ плательщиковъ подоходнаго налога *неравномерное возрастание дохода различныхъ классовъ*.

Положимъ, что общественный доходъ *учетверился* и распределяется такъ: рабочий классъ получаетъ 24; средний

*) „The retail trade is to-day passing through an industrial revolution similar to that which manufacture experienced in the early years of this century, and the small keeper is the analogue of the hand-loom weaver.“ — говоритъ Маврози въ своей интересной брошюрѣ „The Growth of Monopoly in English Industry“ (Fabian Tract № 88) p. 3. Теперь, когда мелкаго заводчика захватила „промышленная революція“, концентрація пойдетъ быстрыми шагами въ области мелочной торговли, что и доказываетъ въ брошюрѣ Маврози. Но пока мелочная торговля еще не была затронута „промышленной революціей“, концентрація по необходимости должна была совершаться въ ней гораздо медленнѣе, чѣмъ въ промышленности. Это обстоятельство не могло не вліять на ростъ „умѣренныхъ“ доходовъ.

классъ — 4А, а высшій — 6А. При удвоении дохода рабочего класса въ его средѣ окажется, — какъ и при нашемъ прежнемъ предположеніи, — 250 лицъ, получающихъ сто и больше фунтовъ дохода. Эти лица будутъ теперь обязаны платить подоходный налогъ и, слѣдовательно, увеличатъ собою число „умѣренныхъ“ плательщиковъ. Средній классъ прежде цѣликомъ относился къ числу плательщиковъ этого „умѣренного“ разряда, но теперь, послѣ учетверенія дохода средняго класса, значительное число его членовъ перейдетъ въ разрядъ крупныхъ плательщиковъ. Какъ велико будетъ это число? Если мы предположимъ, что прежде въ среднемъ классѣ было 25 лицъ, получавшихъ отъ 250 до 500 фунтовъ, то теперь, (при неизмѣненномъ распределеніи учетвереннаго дохода средняго класса между его членами) каждое изъ этихъ 25 лицъ будетъ получать отъ 1000 до 2000 фунтовъ, т. е. перешагнетъ за черту, отдѣляющую *небогатыхъ* плательщиковъ отъ *крупныхъ*. Но въ томъ же классѣ было, кромѣ того, согласно нашему прежнему предположенію, 25 лицъ получавшихъ отъ пяти сотъ фунтовъ до тысячи. Послѣ учетверенія дохода средняго класса лица эти станутъ получать отъ 2000 до 4000 фунтовъ каждый и, потому съ еще большимъ основаніемъ будутъ причислены къ *крупнымъ* плательщикамъ. Слѣдовательно, изъ числа лицъ средняго класса только 50 (100 — 25 — 25) лицъ останется въ *разрядѣ* „умѣренныхъ“ плательщиковъ. Присоединяя число этихъ лицъ къ числу (250) *небогатыхъ* плательщиковъ изъ *нижняго класса*, мы находимъ, что общее число *небогатыхъ* плательщиковъ равняется теперь 300 (50+250): *увеличеніе на 200 процентовъ*.

Переходя къ *разряду* крупныхъ плательщиковъ, мы видимъ, что къ ихъ прежнему числу, *десяти*, прибавится теперь еще 50 (25 лицъ съ доходомъ отъ 1000 до 2000 ф. + 25 лицъ съ доходомъ отъ 2000 до 4000). Общая ихъ сумма достигнетъ, значитъ, до *шестидесяти*: *увеличеніе на 500 процентовъ*.

Если мы предположимъ, что *концентрація* уменьшитъ число *небогатыхъ* плательщиковъ до 250, а число *крупныхъ* 55, то выйдетъ, что общая сумма „умѣренныхъ“ доходовъ возрасла на 150 процентовъ, а число *крупныхъ* — на 450 пр.

Но мы разсуждаемъ, не принимая во вниманіе *роста населенія*. Населеніе можетъ расти: 1. быстрее, чѣмъ общественный доходъ; 2. такъ же быстро, какъ онъ; 3. медленнѣе его. Для насъ здѣсь интересенъ только *третій случай*, соответствующій капиталистической дѣйствительности. Разсмотримъ этотъ случай.

Положимъ, что число членовъ нашего общества удвоилось въ теченіе 50 лѣтъ, между тѣмъ какъ общественный доходъ *учетверился* и равняется теперь 12А, при чемъ рабочему классу достается 2А, среднему — 4А, а высшему — 6А. Такъ какъ вдвое большій доходъ рабочего класса распределяется

теперь между вдвое большимъ числомъ лицъ, то (при неизмѣнномъ распределеніи дохода *внутри* этого класса) благосостояніе каждаго отдѣльнаго рабочего не повысится, а потому мы *однимъ слогъ* рабочихъ не *попадѣтъ* въ число *плательщиковъ* *подоходнаго налога*.

Не то будетъ въ среднемъ классѣ. Здѣсь доходъ *учетверился* между тѣмъ какъ число лицъ только *удвоилось*. Каждое лицо въ *отдѣльности* будетъ, стало быть, *вдвое богаче*, чѣмъ было прежде. Число лицъ, получающихъ отъ 1000 до 2000 ф. дохода, дойдетъ теперь до 50. Эти 50 лицъ будутъ теперь занесены въ *разрядъ* *крупныхъ* плательщиковъ, а остальные 150 (200 — 50) останутся въ *разрядѣ* *небогатыхъ*. Число „умѣренныхъ“ *доходовъ* увеличится, значитъ, на 50 процентовъ.

Въ *высшемъ* классѣ прежде было 10 плательщиковъ, которые всѣ и принадлежали, разумеется, къ *разряду* *крупныхъ*. Вслѣдствіе удвоенія населенія ихъ стало 20. Къ этимъ 20 надо прибавить еще 50 членовъ *средняго* класса, перешедшихъ въ *разрядъ* *крупныхъ* плательщиковъ. Сумма: 70 (20+50); *увеличеніе* — 600 процентовъ.

Даже предположивъ, что концентрація *имущества* понизила число *крупныхъ* плательщиковъ до 55, мы все таки имѣемъ передъ собою фактъ огромнаго увеличенія числа *крупныхъ* плательщиковъ, *доходящаго* до 450 проц.

Что же доказываютъ всѣ эти примѣры, навѣрное, до смерти надобные читателю?

Они доказываютъ, между прочимъ, вотъ что:

1. *Ростъ* числа *небогатыхъ* плательщиковъ, обуславливаемый *ростомъ* *общественнаго* дохода, самъ по себѣ *вовсе* еще не *свидѣтельствуетъ* о „*диффузии* *богатства*“ или объ *успѣхахъ* „*автоматическаго* *соціализма*“, потому что онъ *эпохѣ* *соответствуетъ* съ *огромнымъ* *ростомъ* *неравенства* въ *распределеніи* *общественнаго* *богатства*.

2. *Чѣмъ* *сильнѣе* *концентрація* *имущества* въ *высшемъ* *классѣ* *общества*, *тѣмъ* *вышше* *выступаетъ* *ростъ* *числа* *небогатыхъ* *плательщиковъ*. Въ *известныхъ* *случаяхъ* число „*moderate incomes*“ *будетъ* *расти* *скорѣе* *числа* *крупныхъ* *доходовъ*, *несмотря* *на* *одновременный* *и* *очень* *сильный* *ростъ* *общественнаго* *неравенства*.

3. Въ *современныхъ* *капиталистическихъ* *обществахъ* число *умѣренныхъ* *доходовъ* *растетъ* *гораздо* *быстрѣе*, чѣмъ *общая* *цифра* *населенія*. Но *умозаключать* *отсюда* *къ* *диффузии* *богатства* и *къ* *уменьшенію* *общественнаго* *неравенства* *значитъ* *обнаруживать* *полнѣйшее* *и* *постыднѣйшее* *непониманіе* *предмета*. Для *серьезнаго* *уясненія* *вопроса* *о* *распределеніи* *национальнаго* *дохода* въ *современныхъ* *обществахъ*, надо *прежде* *всего* *опредѣлить*, *въ* *какой* *мѣрѣ* *выросъ* *этотъ* *доходъ* *за* *разсматриваемый* *періодъ* *и* *какъ* *раздѣлился* *его* *приростъ* *между* *отдѣльными* *классами*. Лица же, толкующіе о *диффузии* и

сравнивающие рост населения с ростом числа умеренных доходов, ровно ничего не делают для указанного определения.*) Поэтому их аргументация не показывает ничего, кроме их собственной слабости.

Если мы с точки зрения этих выводов взглянем на данные, приведенные Мельголемъ въ его „Dictionary of Statistics“, то мы легко поймемъ, какъ и почему эти данные могут уживаться съ другими данными, имѣющими, по видимому, совершенно противоположное значеніе.

Мельголь говоритъ, что въ Англіи число лицъ съ имуществомъ выше 100 ф. с. растетъ значительно быстрее, чѣмъ население. И это вѣрно. Но Мельголь не спрашиваетъ себя при этомъ, какъ же быстро растетъ національный доходъ Англіи. На самомъ дѣлѣ этотъ доходъ растетъ гораздо быстрее числа лицъ указанного Мельголемъ разряда, и потому *увеличеніе этого числа идетъ рука объ руку съ гораздо болѣе сильнымъ увеличеніемъ общественнаго неравенства*, о которомъ совершенно недвусмысленно говорятъ данные, сообщаемыя тѣмъ же Мельголемъ въ его книгѣ „Industries and wealth of Nations“. Правда, данные, приведенныя имъ въ „Dictionary of Statistics“ какъ будто показываютъ, что „умѣренные“ доходы растутъ въ Англіи скорѣе крупныхъ, но, во-первыхъ, мы уже знаемъ теперь, что если-бы это и было такъ, то отсюда еще было бы очень далеко до „диффузіи богатства“. Во-вторыхъ, намъ извѣстно, что вторая половина семидесятыхъ годовъ ознаменовалась очень угнетеннымъ состояніемъ промышленности, вызвавшимъ временное пониженіе крупныхъ доходовъ, а, слѣдовательно, и временное уменьшеніе ихъ числа. Мы понимаемъ, поэтому, какъ и почему сравненіе чиселъ, относящихся къ 1860 г. съ одной стороны и къ 1880 г. — съ другой, указываетъ на болѣе быстрый ростъ числа умеренныхъ доходовъ сравнительно съ числомъ крупныхъ. Но если мы сравнимъ общіе результаты экономическаго развитія за болѣе продолжительный періодъ, то увидимъ, что, несмотря на временныя задержки, число крупныхъ доходовъ росло гораздо скорѣе числа умеренныхъ. Въ самомъ дѣлѣ, та же таблица Мельголя показываетъ, что въ 1812 г. на одинъ милліонъ жителей въ Англіи приходилось 3314 лицъ съ доходомъ отъ 200 и выше, а въ 1880 г. ихъ было 6313, т. е. число ихъ даже не удвоилось, между тѣмъ, число лицъ съ

*) См., напримѣръ, Берштейна, „Историческій материализмъ“, стр. 87 и слѣдующія. Въ прошломъ году Луиджи Негри выпустилъ въ свѣтъ работу, специально посвященную вопросу о концентраціи въ капиталистическомъ обществѣ (La centralizzazione capitalistica, Torino 1900). Онъ заботливо перечисляетъ тамъ всѣ причины, замедляющія концентрацію. Но странно, что онъ не упоминаетъ о причинахъ, ускоряющихъ ее. А между тѣмъ такіе причины существуютъ. Самой сильной изъ нихъ является быстрое скопленіе богатства въ верхнихъ общественныхъ слояхъ.

доходомъ выше 5000 ф. с. поднялось съ 34 въ 1812 г. до 88 въ 1880 г. — *увеличеніе на 163,6 процента.*

Эти цифры совершенно опровергаютъ Мельголя, говорящаго о диффузіи общественнаго богатства, и вполне подтверждаетъ справедливость словъ Мельголя, указывающаго на то, что „состоянія выше 5000 ф. с. умножились гораздо скорѣе, чѣмъ тѣ, которыя не достигали этой цифры“ (см. выше, стр.)

„Сами по себѣ, цифры никогда не лгутъ — замѣтилъ Гошенъ, въ своей рѣчи, разобранной нами выше, — но всякій долженъ признать, что имѣть ничего легче, какъ злоупотребить ими для той или иной посторонней цѣли“. Въ этомъ случаѣ, мы совершенно согласны съ Гошеномъ.

VI.

До сихъ поръ мы оперировали преимущественно съ гипотетическими данными. Теперь пора обратиться къ дѣйствительности.

Просимъ читателя обратить вниманіе на слѣдующую таблицу, показывающую ростъ различныхъ разрядовъ дохода въ Англіи за время 1843—1879—80 г.

Доходы въ фунт. стерл.	1843 г.	1879—80.
отъ 500 до 5000	17990	42927
— 5000 до 10000	499	1430
— 10000 до 50000	200	785
50000 и выше	8	68

Число лицъ, получавшихъ отъ 500 до 5000 ф. с. дохода, *болѣе, чѣмъ удвоилось*; число лицъ съ доходомъ отъ 5000 до 10000 ф. с. *почти утроилось*; число богачей, ежегодно кладущихъ въ свой карманъ отъ 10000 до 50000 ф. с. *почти учетверилось*; наконецъ, число милліонеровъ, пользующихся ежегоднымъ доходомъ въ 50000 ф. и выше *увеличилось въ восемь разъ*.*)

Такимъ образомъ никакое сомнѣніе невозможно: *неравенство* въ распредѣленіи національнаго дохода очень увеличилось въ Англіи за указанный періодъ. „Диффузія богатства“ является, поэтому, не болѣе, какъ „благонамѣренной“ ложью.

Правда, за тотъ же самый періодъ времени *болѣе, чѣмъ утроилось* число лицъ съ доходомъ отъ 150 до 500 ф. с. Выходитъ, что число плательщиковъ этого — самаго скромнаго, — разряда росло быстрее числа плательщиковъ двухъ непосредственно за нимъ слѣдующихъ разрядовъ и отстало лишь отъ четвертаго (10000—50000 ф. с.) и отъ пятаго (50000 и

*) См. приложение А къ чрезвычайно интересной запискѣ г-жи Э. Симмонсъ: „Loss or gain of the working classes during the Nineteenth Century“ напечатанной въ отчетѣ объ Industrial Remuneration Conference, London, стр. 96—97.

выше*). При некоторой доброй воле можно, пожалуй, сказать по этому поводу несколько словъ о диффузии богатства въ среднихъ слояхъ плательщиковъ. Но теперь мы уже не смутимся такими словами; теперь мы хорошо знаемъ, что указанное нами явленіе могло быть вызвано множествомъ причинъ, не имѣющихъ ровно никакого отношенія къ диффузии богатства. Къ тому же у насъ остается на лицо фактъ еще болѣе быстрого роста числа плательщиковъ двухъ высшихъ разрядовъ. Стало быть, увеличеніе общественаго неравенства остается для насъ внѣ всякаго сомнѣнія**).

Такое же увеличеніе видимъ мы и въ другихъ капиталистическихъ странахъ.

Въ Цюрихскомъ Кантонѣ въ періодъ 1848—85 г. состоянія разныхъ величинъ росли такъ:

Состоянія	1848 г.	1885 г.	Ростъ.
отъ 5000 до 50000 фр. (около)	9100	17000	90 проц.
— 50000 до 500000	390	2650	180 "
выше 500000	30	190	530 "

Въ Базелѣ, въ Гларусѣ, въ Бременѣ, въ Гамбургѣ, въ Вюртембергѣ, въ Саксонскомъ королевствѣ и въ Пруссіи замѣчено было подобное же отношеніе между числами, выражающими ростъ имущества различныхъ величинъ.

Въ Саксонскомъ королевствѣ въ періодъ времени 1879—1890 г. число доходовъ выше 9600 марокъ увеличилось на 100 процентовъ, а число доходовъ выше 100000 марокъ — на 228 пр.***).

Для Пруссіи у насъ есть, кромѣ того, поразительная таблица Энгеля:

*) Въ 1848 г. число плательщиковъ самаго низшаго разряда равнялось 87946, а въ 1879—80 г. оно дошло до 274943.

***) Приведенныя нами цифры до такой степени безусловно окровержены Гошени, что мы не считаемъ нужнымъ утомлять вниманіе читателя подробнымъ разборомъ значенія того указанного англійскимъ министромъ финансовъ факта, что число доходовъ, записанныхъ подъ рубрикой Е, значительно увеличилось въ періодъ 1875—1886 г. Скажемъ только, что ростъ капитализма необходимо предполагаетъ ростъ числа служащихъ у частныхъ лицъ, равно какъ и у акціонерныхъ компаній. Но именно этотъ ростъ и ведетъ къ усиленію общественаго неравенства; именно онъ-то и ведетъ къ тому, что крупныя доходы въ общемъ растутъ гораздо быстрее „уменьшихъ“.

***) См. „Wirtschaftliche Grundbegriffe“ Неймана въ Шёнберговомъ „Handbuch der politischen Oekonomie“, I. Bd. 4. Auflage, S. 186, Anhang. Вообще, — говоритъ Бюмертъ, — на основаніи саксонскихъ данныхъ можно признать, что хотя доходъ среднихъ классовъ отъ 2100 (2200) до 9600 (9600) марокъ значительно растетъ въ абсолютномъ смыслѣ, но что его процентное отношеніе къ общей суммѣ дохода довольно значительно падаетъ. Такимъ образомъ здѣсь какъ будто замѣчается тотъ же ходъ развитія, который можно было констатировать для производства среднихъ разрядовъ на основаніи имперскихъ данныхъ“ (Die Vertheilung des Einkommens in Preussen und Sachsen. Dresden 1898, S. 12).

Въ промежутокъ времени 1845—1873 г. число плательщиковъ разныхъ разрядовъ росло такъ:

Число плательщиковъ выросло:		
Въ первомъ разрядѣ	(1000— 1600 талеровъ)	на 110,2 проц.
Во второмъ	(1600— 3200 ")	" 132,9 "
Въ третьемъ	(3200— 6000 ")	" 153,9 "
Въ четвертомъ	(6000— 12000 ")	" 224,8 "
Въ пятомъ	(12000— 24000 ")	" 370,6 "
Въ шестомъ	(24000— 52000 ")	" 476,3 "
Въ седьмомъ	(52000— 100000 ")	" 468,4 "
Въ восьмомъ	(100000— 200000 ")	" 436,3 "
Въ девятомъ	(200000 и выше ")	" 2100,0*)

Куда ни посмотрите, вездѣ вы увидите одно и тоже: дѣйствительное движеніе во всѣхъ странахъ капиталистическаго міра совершается въ томъ самомъ направленіи, въ какомъ двигалось наше гипотетическое общество: число плательщиковъ высшихъ разрядовъ вездѣ растетъ несравненно быстрее числа плательщиковъ небогатыхъ. Результаты, добытые наблюдениемъ дѣйствительности, поразительно совпадаютъ съ результатами, полученными у насъ, когда мы предположили, что увеличеніе общественаго дохода не увеличиваетъ благосостоянія рабочаго класса. Но во многихъ случаяхъ дѣйствительность оставляетъ далеко за собой нашъ гипотетическій примѣръ: въ нашемъ примѣрѣ разница въ ростѣ чиселъ плательщиковъ различныхъ категорій значительно меньше, чѣмъ въ Пруссіи (по таблицѣ Энгеля) или хотя бы въ Цюрихскомъ Кантонѣ. Вѣроятно, это объясняется тѣмъ, что въ нашемъ примѣрѣ не отводилось достаточно мѣста для концентраціи имущества въ небогатыхъ слояхъ общества. Очень возможно, что въ дѣйствительности такая концентрація значительно замедляетъ ростъ числа „умѣренныхъ“ доходовъ.

Однимъ словомъ, характеръ нашего примѣра вполне соответствуетъ дѣйствительному положенію вещей въ капиталистическомъ обществѣ. Но нашъ примѣръ основывался на томъ предположеніи, что распределеніе общественаго дохода между различными классами общества дѣлается все болѣе и болѣе неравномернымъ. Ясно, что тоже самое происходить и на самомъ дѣлѣ.

Но если это такъ, то разглагольствованія на тему о приглушеніи общественныхъ противорѣчій, о диффузии богатства, объ „объединеніи“ капиталистовъ и объ „обогащеніи“ рабочихъ являются горькой насмѣшкой надъ тѣмъ классомъ, которому съ особенной силой даетъ себя чувствовать общественное неравенство. Ученіе Кэри-Бастіа и ихъ потомства: Гошени, Шульце-Геверница и проч. и проч. и проч. есть не болѣе, какъ хитрая, но ни мало не убѣдительная рѣчь адвокатовъ дѣла, проиграннаго по крайней мѣрѣ въ принципѣ.

*) Handwörterbuch der Staatswissenschaften, 2. Auflage, II. Band, S. 367.

VII.

Убѣдившись въ этомъ, мы можемъ обратиться, наконецъ, къ г. П. Струве.

Какъ относится этотъ почтенный „критикъ“ къ учению Кэри-Бастія?

Въ его статьѣ, напечатанной въ „Архивѣ“ Брауна, встрѣчаются мѣста, позволяющія совершенно опредѣленно отвѣтить по крайней мѣрѣ на вопросъ о томъ, что думаетъ онъ о новѣйшей разновидности этого учения, т. е. „диффузии богатства“, придуманной Гошеномъ, Шульце-Геверницемъ и компаніей. Вотъ одно изъ этихъ мѣстъ.

Марксъ утверждаетъ, какъ извѣстно, что съ развитіемъ капитализма и съ ростомъ производительности труда *уровень прибавочной цѣнности* — а слѣдовательно и степень эксплуатаціи рабочаго капиталистомъ, — *повышается*. По поводу этой мысли Маркса г. П. Струве замѣчаетъ:

„Но именно это положеніе трудно согласить съ фактами. Для начальной стадіи развитія крупнаго капитализма (первое торжество машиннаго производства!) оно, вѣроятно, было въ общемъ правильно. Но нельзя признать, что повышеніе степени эксплуатаціи имѣло мѣсто въ дальнѣйшихъ стадіяхъ и продолжится на неопредѣленное время въ будущемъ. Дѣло въ томъ, что уровень прибавочной цѣнности можетъ повышаться только тогда, когда понижается, по какимъ нибудь причинамъ, заработная плата или растетъ прибавочная цѣнность. Но пониженіе заработной платы вовсе не можетъ быть названо характеристическимъ признакомъ новѣйшаго экономическаго развитія въ капиталистическихъ странахъ. Помимо же пониженія заработной платы прибавочная цѣнность можетъ увеличиться или путемъ удлиненія рабочаго времени, или же путемъ увеличенія напряженности труда. По мы не можемъ констатировать и удлиненія рабочаго времени въ капиталистическихъ странахъ... Скорѣе приходится наблюдать обратное явленіе. Увеличеніе напряженности труда дѣйствительно имѣетъ мѣсто, но это увеличеніе, по физиологическимъ причинамъ, во-первыхъ, часто связывается съ повышеніемъ заработной платы, а во-вторыхъ, наталкивается на непереходимую границу. Поэтому ученіе о постоянномъ повышеніи уровня прибавочной цѣнности или степени эксплуатаціи труда въ развивающемся капиталистическомъ обществѣ кажется мнѣ несостоятельнымъ. Съ успѣхомъ можно защищать противоположную тезу, которая и въ самомъ дѣлѣ нисколько не противорѣчитъ общему характеру новѣйшаго экономическаго развитія“).

„Противоположная теза“ есть именно „теза“ нынѣшнихъ обновителей учения Кэри-Бастія. Мы уже обнаружили пол-

*) Brauns Archiv, XIV. Band, V. und VI. Heft, 1, 694.

нѣйшую несостоятельность этой тезы. Доказавъ, что неравенство въ распредѣленіи національнаго дохода *возрастаетъ*, мы тѣмъ самымъ доказали, что достающаяся рабочему классу *доля* этого дохода *уменьшается*. Покончивъ съ „оригиналами“, мы могли бы уже не останавливаться передъ „спискомъ“, ограничившись простымъ констатированіемъ того болѣе или менѣе утѣшительнаго и удивительнаго обстоятельства, что онъ сдѣланъ очень удачно и отличается большимъ сходствомъ съ подлинниками. Но такъ какъ намъ все таки нужно, хотя отчасти слѣдовать за нашимъ „критикомъ“, то мы должны рассмотреть также и его аргументацію. Кроме того, намъ слѣдуетъ признать, что до сихъ поръ мысль Маркса объ увеличеніи степени эксплуатаціи рабочаго капиталистомъ подтверждалась *нами* лишь *косвенно*, лишь посредствомъ указанія на возрастающее неравенство въ распредѣленіи общественаго богатства. Посмотримъ теперь, можно-ли привести какіе нибудь *прямые* доводы въ пользу этой мысли.

Мы видѣли, что, по мнѣнію г. П. Струве, это невозможно. Онъ говоритъ, что мысль Маркса можетъ быть признана правильной только въ примѣненіи къ начальной стадіи развитія капитализма. Это совершенно не такъ.

Возьмемъ Соединенные Штаты Сѣв. Америки, гдѣ, по очень многимъ причинамъ, условія продажи пролетаріатомъ своей рабочей силы несравненно благоприятнѣе для него, чѣмъ въ какой бы то ни было изъ европейскихъ странъ. Какъ измѣнилась тамъ *доля* рабочаго класса въ цѣнности, создаваемой его трудомъ?

Въ 1840 г. онъ получалъ 51 процентъ, а въ 1890 г. ему доставалось только 45 проц. этой цѣнности. Стало быть, его *доля* *понижилась*, а *степень эксплуатаціи* его капиталистомъ *повысилась*.

Мы заимствовали только что приведенныя нами цифры у Кароля Д. Райта, который, при всей своей добросовѣстности, все таки рѣшительно предпочитаетъ розовую краску черной.*)

Кароль Д. Райтъ указываетъ также и на причину, способствующую уменьшенію доли рабочаго класса. Онъ видитъ ее въ развитіи машиннаго производства или, какъ сказать бы Марксъ, въ измѣненіи органическаго состава капитала.**)

Что скажетъ намъ по этому поводу нашъ „критикъ“? Думаетъ-ли онъ, что Соединенные Штаты Сѣв. Америки до сихъ поръ не вышли изъ начальной стадіи капитализма?

*) См. его Industrial Evolution of the United States, New-York 1896, p. 192. Если Этинсонъ въ своихъ расчетахъ приходитъ изъ другимъ выводамъ, то это объясняется просто и просто тѣмъ, что онъ *применилъ* *пониженіе* *уровня* *прибыли* *за* *пониженіе* *нормы* *прибавочной* *цѣнности*. Его примѣръ прекрасно показываетъ, до какой степени необходимо для статистика знаніе *теоретической* *экономики*.

**) Тамъ же, та же стран.

Г. П. Струве цитирует книгу К. Д. Райта. Стало быть, она ему известна. Но он, как видно, не разслышал того, что говорит американский статистик о понижении доли рабочего класса. Охъ, глухота большой порокъ!

Въ Англии, въ периодъ 1861—1891 г., национальный доход поднялся съ 832 миллионъ ф. с. до 1600 мил., между тѣмъ какъ заработная плата повысилась отъ 388 до 693 мил. ф. с. Это значитъ, что уровень прибавочной стоимости, который въ 1861 г. равнялся 114,43 проц. въ 1891 г. поднялся до 130,8 проц.*)

Какъ думаетъ г. П. Струве, въ какой „стади“ находился англійскій капитализмъ въ теченіе указаннаго періода?

Или, можетъ быть, г. „критикъ“ захочетъ повторять тѣ доводы, съ помощью которыхъ цитированный нами Боулей старается смягчить впечатлѣніе, производимое сообщаемыми имъ цифрами, и убѣдить читателя въ томъ, что доля англійскаго рабочаго класса въ национальномъ продуктѣ *все таки* не уменьшилась? Пусть попробуетъ. Мы безъ труда покажемъ ему слабость этихъ доводовъ. Теперь же, на всякій случай, мы обратимъ его вниманіе на слѣдующій фактъ.

У англійскихъ статистиковъ подъ рубрикой заработной платы фигурируетъ также *жалованье, получаемое прислугой*, которое на самомъ дѣлѣ *уплачивается изъ прибавочной цѣнности*. Прислуга въ Англии очень многочисленна. Въ 1884 г. число слугъ доходило тамъ, по Леони Леви, до 2 400 000, тогда какъ число земледѣльческихъ рабочихъ не превышало 100 000. Въ томъ же году и по расчету того же Л. Леви, англійская прислуга получила 86 миллионъ ф. с., а земледѣльческимъ рабочимъ досталось не болѣе 67 миллионъ. Если мы предположимъ, что въ 1891 г. жалованье, уплаченное прислугѣ, не превышало того, что было получено ей въ 1884 г., и если мы, вычтя 86 миллионъ изъ общей суммы платы, полученной англійскимъ рабочимъ классомъ въ 1891 г., приложимъ эти миллионы къ общей суммѣ прибавочной цѣнности того же года, то *уровень* этой послѣдней еще болѣе повысится. Вообще, рабочій классъ въ Англии врядъ-ли получаетъ болѣе одной трети національнаго дохода.

Во Франціи, — по расчету А. Коста, относящемуся къ 1890 г. — национальный доход распределяется такъ:

	Милліоны фр.
Земледѣльческіе рабочіе*	2000
Промышленныя рабочіе	3600
Служащіе разныхъ родовъ	1000
Прислуга	1400
Ремесленники, мелкіе земледѣльцы, мелочные торговцы, лица занимающіеся перевозкой, солдаты, моряки, жандармы, мелкіе чиновники, бѣлое духовенство, монахи и монахини, учителя и учительницы и т. д.	4000

*) Боулей, „Changes in Average Wages in the United Kingdom between 1860 and 1891“, въ „Journal of the R. S. S.“, June, 1895.

Капиталисты:

Милліоны фр.

1. въ земледѣліи отъ 3500 до 4500
2. въ промышл., торговлѣ и въ трактирномъ дѣлѣ отъ 3500 до 4500
3. Рента, лица, получающіе пенсію отъ государства, и лица свободныхъ профессій отъ 2500 до 3000**)

Сложивъ всѣ эти цифры, мы получимъ около 22 миллиардовъ, изъ которыхъ рабочимъ, ремесленникамъ и мелкимъ крестьянамъ достается, какъ и въ Англии, *не болѣе одной трети*.

Такая высокая степень эксплуатаціи возможна только при *очень развитой производительности труда*. Она физически невозможна была 30—35 лѣтъ тому назадъ, когда по расчетамъ самыхъ компетентныхъ людей національный доходъ Франціи едва доходилъ до 15 миллиардовъ. Поэтому г. П. Струве очень ошибается, приурочивая ростъ эксплуатаціи рабочаго класса къ начальной стадіи капитализма.

VIII.

Нашего „критика“ смущаетъ то обстоятельство, что заработная плата повысилась въ теченіе послѣдняго полустолѣтія во многихъ странахъ и во многихъ отрасляхъ промышленности. Но всякій, хоть немного знакомый съ политической экономіей, знаетъ, что *повышеніе заработной платы можетъ идти рука объ руку съ пониженіемъ цѣны рабочей силы*, а слѣдовательно и съ *возрастаніемъ степени эксплуатаціи рабочаго*. Заработная плата выше въ Англии, чѣмъ на континентѣ, а *цѣна рабочей силы*, вѣроятно, выше на континентѣ, чѣмъ въ Англии. Это старая истина.**) Но апологеты капитализма, часто повторяющіе эту истину, обходятъ ее скромнымъ молчаніемъ, когда, основываясь на фактѣ повышенія заработной платы, они стараются доказать ту уже знакомую намъ „тезу“, что капиталисты „*обдѣлываютъ*“; а рабочіе „*обогащаются*“. Марксъ очень хорошо замѣчаетъ въ первомъ томѣ „*Капитала*“: „Понятно, слѣдовательно, почему такъ важно *превращеніе формы* цѣнности и цѣны рабочей силы, въ *рабочую плату* или въ цѣнность и цѣну самого труда. На этой *формѣ проявленія*, скрывающей дѣйствительныя отношенія и показывающей совершенно противное имъ, основываются всѣ правовыя представленія какъ рабочаго, такъ и капиталиста, всѣ мистификаціи капиталистическаго способа производства, всѣ капиталистическія иллюзіи о свободѣ, всѣ оправдательныя уловки вульгарной политической экономіи.“***) Замѣчательно, что,

*) См. V. Turquan, „Evaluation de la fortune privée en France“ въ „Revue d'Economie politique“, Fevrier 1900.

**) „I maintain, unhesitatingly, that daily wages are no criterion at the actual cost executing works.“ Th. Brassey, On Work and Wages, London 1873, p. 66.

***) Капиталъ, томъ I, С.-Петербургъ, 1872 г., стр. 468.

въ своемъ качествѣ „критика“ Маркса, г. П. Струве не только стать очень снисходителенъ къ оправдательнымъ уловкамъ вульгарной политической экономіи, но и самъ началъ прибѣгать къ нимъ. Самымъ выдающимся проявленіемъ этой новой его склонности является, безспорно, его замѣчаніе о томъ, что „прибавочная цѣнность, воплощенная въ прибавочномъ продуктѣ, создается не только живымъ трудомъ“, а есть функция всего общественнаго капитала.*) Это — Геркулесовы столбы буржуазной апологетики. Но и въ статьяхъ, занимающихъ насъ въ настоящее время, встрѣчаются очень цѣнные перлы этого рода. Къ ихъ числу принадлежитъ ссылка на ростъ заработной платы, какъ на доказательство *пониженія уровня прибавочной цѣнности*.

Что рабочій день во многихъ, — и притомъ главнѣйшихъ, — отрасляхъ производства теперь короче, чѣмъ былъ нѣсколько десятковъ лѣтъ тому назадъ, это справедливо, но и это не убѣдительно. Сокращеніе рабочаго дня съ лихвою окупилось увеличеніемъ напряженности труда. Это опять таки всѣмъ извѣстно. Правда, увеличеніе напряженности труда *можетъ* натолкнуться *современемъ* на непереходимыя физиологическія границы. Но опытъ показываетъ, что эта *возможность* до сихъ поръ еще не перешла въ *дѣйствительность*.**)

Не отрицая факта повышения заработной платы, позволительно, однако, спросить, — какъ же высоко поднялась она, напримѣръ, въ передовыхъ странахъ европейскаго континента? А на этотъ вопросъ дѣйствительность отвѣчаетъ подчасъ довольно неожиданнымъ образомъ.

По *Фойту*, рабочему для восстановления его силъ необходимы слѣдующія количества питательныхъ веществъ.

*) Въ статьѣ: „Основная антиміалія теоріи трудовой цѣнности“. „Жизнь“, февраль 1900 г. Эта статья мягко, но безпощадно разобрана Карелинымъ въ октябрьской и ноябрьской книжкахъ „Нашаго обозрѣнія“ за тотъ же годъ, въ статьѣ „Замѣтки“.

***) Въ Соединенныхъ Штатахъ трудъ несравненно интенсивнѣе, чѣмъ въ Европѣ. Французскіе рабочіе, вѣдшіе на международную выставку въ Чикаго, поразились интенсивностью труда американскихъ рабочихъ (см. Rapports de la délégation ouvrière à l'exposition de Chicago, Paris 1894). Но и въ Америкѣ естественный предѣлъ интенсификаціи пока еще не достигнутъ, хотя интенсивность труда растетъ очень быстро. См. объ этомъ у Левассера, L'ouvrier américain, Paris, t. I, p. 97 и слѣдующія. Не перейдетъ этотъ предѣлъ и въ Австраліи: „Je n'ai trouvé en Australie, personne qui fut contre la journée de huit à neuf heures; chacun donnait pour expliquer cette opinion la même raison: que l'intensité du travail est plus grande avec la journée courte.“ Albert Métin, „Le socialisme sans doctrines, Australie et Nouvelle Zélande“, Paris 1901, p. 132. Увеличеніе интенсивности труда является тамъ источникомъ безработицы для *слабыхъ* рабочихъ, не могущихъ поспѣвать за болѣе сильными (Ibid., p. 146). Правда, для того, чтобы вызвать такое дѣйствіе, нужно было еще установленіе *лимитума заработной платы*.

	Бѣлковыхъ.	Жировъ.	Углеводородовъ.
При умѣренной работѣ	118 грамм.	56 грамм.	500 грамм.
При интенсивной работѣ	145 -	100 -	450 -

Если работающій человекъ не потребляетъ указаннаго количества веществъ, то его организмъ истощается; его рабочая сила подрывается въ своемъ корнѣ; онъ переживаетъ процессъ *физиологическаго обнищанія*. Далекъ ли отъ такого обнищанія современный европейскій рабочій?

На основаніи данныхъ, собранныхъ Дюкпесіо, бриссельскій профессоръ Гек. Дэннъ нашелъ, что въ 1853 г. бельгійскій рабочій въ среднемъ потреблялъ:

Бѣлковыхъ веществъ	70 граммовъ.
Жировъ	26,2 -
Углеводородовъ	461 -

Это значитъ, что въ то время бельгійскій пролетарій далеко не могъ возстановлять пицей свою силу, затрачиваемую въ процессѣ производства. А изъ этого очевидно слѣдуетъ, что *цѣна рабочей силы стояла тогда гораздо ниже ея цѣнности*.

Прошло болѣе тридцати лѣтъ; бельгійскій капитализмъ пережилъ блестящую „стадію“ своего развитія, а бельгійскій рабочій продолжалъ разрушать свою силу недостаточнымъ питаніемъ. Въ восьмидесятыхъ годахъ его организмъ получалъ:

Бѣлковыхъ	82 278 граммовъ.
Жировъ	77 926 -
Углеводородовъ	589 408*) -

Какой огромный прогрессъ! Какое завидное улучшеніе участи рабочаго класса! Рабочій получаетъ теперь *цѣлыхъ двѣнадцать* лишнихъ граммъ бѣлковины, не говоря уже о прибавкѣ жировъ и особенно углеводородовъ! Какъ же не говорить послѣ этого о притупленіи общественныхъ противорѣчій? Вѣдь если улучшеніе быта бельгійскихъ рабочихъ и впредь пойдетъ такъ же быстро, то въ слѣдующемъ геологическомъ періодѣ они станутъ, пожалуй, получать *почти* столько, сколько нужно для нормальнаго питанія организма.

Разсуждая серьезно, мы совсѣмъ не имѣемъ права съ увѣренностью говорить объ улучшеніи, — хотя бы *самою кратоткою*, — питанія бельгійскаго рабочаго. Тутъ все зависитъ отъ того, какъ относится его теперешняя ежедневная трата рабочей силы къ ежедневной тратѣ, имѣвшей мѣсто въ пятидесятыхъ годахъ. Если трата *увеличилась*, то питаніе стало, можетъ быть, *еще меньше удовлетворительнымъ*, несмотря на нѣкоторую прибавку питательныхъ веществъ. Слѣдовательно, даже и двѣнадцать лишнихъ граммъ бѣлковины не обезпечиваютъ насъ отъ пессимистическихъ умозаключеній

*) H. Denis, „La dépression économique et sociale“, Bruxelles 1893, p. 145.

на счетъ социальныхъ послѣдствій капиталистическаго прогресса.

Все, что мы знаемъ, это — то, что бельгійскій рабочий до сихъ поръ не имѣетъ экономической возможности востановлять питаніемъ свою рабочую силу. Вотъ что говорить по этому поводу человекъ, котораго трудно заподозрить въ упрямомъ „догматизмѣ“ ортодоксальныхъ марксистовъ, — именно, губернаторъ западной Фландри:

„Извѣстно, что минимальное количество необходимой для солдата пищи равняется 1066 гр. хлѣба, 285 гр. мяса и 200 гр. овощей. Наши рабочіе, трудящіеся съ утра до вечера, нуждаются въ значительно большемъ количествѣ питательныхъ веществъ. Однако, потребляемая ими пища очень отстаетъ отъ минимальнаго солдатскаго пайка.“*)

Рабочая сила бельгійскаго пролетарія до сихъ поръ продается гораздо ниже своей цѣнности. А вѣдь его заработная плата въ послѣднее полустолѣтіе несомнѣнно поднялась и поднялась довольно „значительно“. Извѣстно, что чѣмъ ниже уровень заработной платы, тѣмъ громче звучитъ всякое его повышение. Если рабочий получаетъ пятачекъ въ день, то прибавка въ одну копейку можетъ быть окрещена громкимъ именемъ *повышенія уровня платы на 20 процентовъ!* Но само собою разумѣется, что такое „значительное“ повышение ни мало не устранитъ социальной и физиологической нищеты работника.

Г. П. Струве очень пренебрежительно относится къ „блаженной памяти“ желѣзному закону заработной платы. Защищать этотъ законъ теперь, конечно, совсѣмъ невозможно: слишкомъ ясно обнаружилъ Марксъ его несостоятельность. Но нельзя не согласиться и съ тѣмъ, что иному бельгійскому рабочему законъ этотъ, — даже въ той формулировкѣ, которую ему придавали Лассаль и Родбертусъ, — могъ бы показаться *золотымъ закономъ*.

IX.

У Ибсена тролли предлагаютъ Пееру Гьнту слегка помять ему лѣвый глазъ. „Ты будешь, правда, слегка косить послѣ этого, успокоительно прибавляетъ ихъ глава, — но все, что ни представится твоему взору, покажется тебѣ прекраснымъ и отраднымъ.“ Надъ нашимъ критикомъ подобная же операція сдѣлана была *школой Брекмана*, свято хранящей традицію Керри-Бастія. Не знаемъ точно, какой именно глазъ помяла ему почтенная школа, но во всякомъ случаѣ она сдѣлала такъ, что капиталистическій порядокъ кажется ему теперь если и не безусловно прекраснымъ и отраднымъ, то

*) Цитировано у Г. Дэви, *op. cit.*, p. 144. это свидѣтельство относится къ восьмидесятымъ годамъ.

все таки несравненно болѣе привлекательнымъ, чѣмъ онъ показался бы ему при нормальномъ зрѣніи. Однимъ изъ многочисленныхъ доказательствъ этого являются его разсужденія о капиталистической эксплуатаціи женщинъ и дѣтей.

Каутскій въ спорѣ съ Бернштейномъ высказалъ ту мысль, что увеличение числа работающихъ по найму женщинъ и дѣтей свидѣтельствуетъ объ *объединеніи* рабочего класса. Эта мысль, какъ видно, очень не понравилась г. П. Струве. „Когда я читалъ Каутскаго — ехидно замѣчаетъ онъ, — мнѣ показалось, что я слушаю рѣчь почтеннаго Декуртинса на Цюрихскомъ конгрессѣ“. . . . „Если бы я раздѣлялъ взгляды Каутскаго на женскій трудъ, то я принялъ бы также и касавшіяся этого труда практическія предложенія католическихъ социаль-политиковъ.“**) Прекрасно. Но какъ же смотритъ на этотъ вопросъ самъ г. П. Струве? Слушайте.

Онъ признаетъ, что въ Германіи женскій и дѣтскій трудъ дѣйствительно очень увеличился въ своихъ размѣрахъ въ теченіе 1882—1895 г.; но онъ указываетъ на то, что ростъ женскаго и дѣтскаго труда особенно замѣтенъ былъ тамъ въ торговлѣ и вообще въ такихъ отрасляхъ, гдѣ въ предпріятіи очень не рѣдко трудятся члены собственной семьи предпринимателя. Отсюда онъ дѣлаетъ тотъ успокоительный выводъ, что мнѣніе Каутскаго объ этомъ трудѣ надо брать *суп grano salis*. „Ходъ развитія вообще не такъ однообразенъ и смыслъ его не до такой степени одинаковъ, — говоритъ онъ, — какъ это представляется въ схемѣ теоріи обнищанія.“***) А дальше у него слѣдуетъ уже совсѣмъ утѣшительная ссылка на Соединенные Штаты Сѣверной Америки, гдѣ женскій трудъ, въ періодъ 1840—1890 гг. уменьшился *относительно*, а дѣтскій также и *абсолютно*.

Выходитъ, что капитализмъ и есть то самое копье, которое само исцѣляетъ наносимыя имъ раны: въ „начальной стадіи“ онъ, точно, маленько пошалываетъ и не падитъ ни взрослыхъ мужчинъ, ни женщинъ, ни дѣтей, стремясь взять подъ свой „началь“ все живое и способное къ производству прибавочной цѣнности. Но это не болѣе, какъ увлеченія и ошибки молодости. Приходя въ зрѣлый возрастъ капитализмъ смягчается и мало по малу ослабляетъ крѣпко натянутыя возжи; тогда понижается степень эксплуатаціи имъ пролетаріата, и тогда измученныя имъ женщины и дѣти получаютъ, наконецъ, возможность отдохнуть у себя дома, въ той домашней обстановкѣ, которая, въ свою очередь все болѣе и болѣе улучшается не только абсолютно, но относительно, т. е. въ сравненіи съ домашней обстановкой гг. капиталистовъ. Все это такъ отрадно, удивительно, утѣшительно и необходимо,

*) Archiv, S. 732—36.

**) Ibid., S. 734.

что мы право не понимаемъ, почему г. П. Струве высказывается противъ „однообразія“. Конечно, однообразіе производить очень тяжелое впечатлѣніе, когда мы встрѣчаемся съ нимъ „въ схемѣ теоріи обманчиваго“; но въ схемѣ обогащенія работника и обидчиваго капиталиста оно скорѣе приятно и даже нисколько не утомительно, — въ доказательство сошлемся на самого г. П. Струве: всѣ его нынѣшнія экономическія разсужденія очень однообразны и монотонны, но нужно быть мрачнымъ „эпигономъ“ Маркса, чтобы не умилиться душой подъ ихъ облагораживающимъ вліяніемъ. . .

Бѣда лишь въ томъ, что неумолимая дѣйствительность рѣзко противорѣчитъ этимъ облагораживающимъ разсужденіямъ. Возьмемъ хоть эксплуатацію капиталомъ женщинъ и дѣтей. Г. П. Струве позабылъ, что въ Германіи число женщинъ, занимающихся промышленнымъ трудомъ, — число наемныхъ работницъ, — увеличилось въ періодъ 1882—1895 гг. на 82 процента, тогда какъ число мужчинъ возросло только на 39 процентовъ. Если насъ не обманываетъ наша односторонность „эпигона“, то эти цифры указываютъ какъ на абсолютное, такъ и на относительное увеличеніе числа эксплуатируемыхъ капиталомъ лицъ женскаго пола. А что же гонить женщинъ подъ тяжелое иго капитала? Ужъ, конечно, не мнимое „обогащеніе“ пролетаріата!

Кароль Д. Райтъ дѣйствительно говоритъ, что въ Соединенныхъ Штатахъ число женщинъ, занятыхъ промышленнымъ трудомъ, было въ 1850 г. относительно больше, чѣмъ въ 1890 г., но самъ же онъ и замѣчаетъ при этомъ, что точныя данныя относительно женскаго труда существуютъ только начиная съ 1870 года.*) А что же мы видимъ, начиная съ этого времени? Мы видимъ постоянное — абсолютное и относительное — увеличеніе размѣровъ женскаго труда. Въ своемъ одиннадцатомъ годовомъ отчетѣ тотъ же К. Д. Райтъ приводитъ цифры, изъ которыхъ, по его собственнымъ словамъ, слѣдуетъ, что „пропорція женщинъ, отъ 10 лѣтъ и выше, занятыхъ во всѣхъ отрасляхъ труда, выросла (курсивъ нашъ) съ 14,68 процентовъ (общей цифры женскаго населенія, Г. П.) въ 1870 г. до 17,22 процентовъ въ 1890 г., а пропорція мужчинъ понизилась (курсивъ опять нашъ) съ 85,32 процентовъ въ 1870 г. до 82,78 процентовъ въ 1890 г., вполне подтверждая (fully corroborating) тотъ фактъ, указанный въ настоящимъ изслѣдованіи (т. е. въ одиннадцатомъ годовомъ отчетѣ „коммиссионера труда“, Г. П.), что женщины до известной степени занимаютъ мѣста въ ущербъ мужчинамъ (курсивъ нашъ).**)

*) Industrial Evolution, p. 204.

**) Eleventh annual Report of the Commissioner of Labor, Washington 1897, p. 21.

Въ мануфактурной и механической промышленности (manufacturing and mechanical industries) женщины составляли въ 1870 г. 14,14 процентовъ, а въ 1890 г. уже 20,18 процентовъ всего числа рабочихъ.*)

„Поэтому абсолютно доказанъ тотъ фактъ (fact is absolutely demonstrated), что пропорція женщинъ . . . (занятыхъ наемнымъ трудомъ, Г. П.) постепенно возрастаетъ.“**)

Съ тѣмъ же самымъ выводомъ г. П. Струве встрѣтится въ известномъ сочиненіи Сарторіуса: „Die nordamerikanischen Gewerkschaften unter dem Einfluss der fortschreitenden Produktionstechnik“, Berlin, 1886. Тамъ, на страницѣ 109, мы находимъ слѣдующую таблицу, показывающую относительный и абсолютный ростъ женскаго труда въ различныхъ штатахъ сѣверо-американскаго союза.

	Работницы на фабрикахъ.		Населеніе.	
	1850	1880	1850	1880
Пенсильванія	22 078	73 046	2 311 786	4 292 891
Нью-Джерсей	8 762	27 099	489 556	1 131 116
Иллинойсъ	493	15 233	861 470	3 077 871
Нью-Йоркъ	51 612	137 455	3 097 394	5 082 871
Огайо	4 437	18 560	1 980 329	3 198 062
Нью-Гэмпширъ	14 103	29 356	317 978	346 991

Изъ этого видно, чьи слова надо брать cum grano salis — Каутскаго или г. П. Струве.

А дѣтскій трудъ?

Въ періодъ 1870—1880 г. число работающихъ дѣтей отъ 10 до 15 лѣтъ поднялось въ Соединенныхъ Штатахъ съ 13,9 процента всѣхъ дѣтей этого возраста до 16,82 процента. Наоборотъ, съ 1880 по 1890 г. это число упало до 10,34 процента. Это вызвано было дѣйствіемъ фабричнаго законодательства, затруднившимъ примѣненіе дѣтскаго труда. Число работающихъ дѣтей сократилось преимущественно въ штатахъ Новой Англій, гдѣ указанное дѣйствіе было особенно сильно. А тамъ, гдѣ оно было слабѣе, дѣтскій трудъ принялъ еще болѣе широкіе размѣры, чѣмъ въ предыдущее десятилетіе.***)

Оправдательныя уловки гг. „критиковъ“ Маркса такъ же мало способны закрыть истину отъ глазъ внимательнаго изслѣдователя, какъ и апологетическія упражненія вульгарныхъ экономистовъ. Всякій, имѣющій очи, видитъ, что развитіе капитализма приводитъ именно къ тѣмъ результатамъ, о ко-

*) Ibid., p. 22.

**) Ibid., p. 22.

***) Лезассёръ, L'ouvrier américain, I, 198.

торыхъ говорилъ Марксъ: не довольствуясь эксплуатацией взрослыхъ рабочихъ, капиталъ все больше и больше стремится подчинить себя женщинъ и дѣтей. А возрастающее подчинение ему женщинъ и дѣтей несомнѣнно означаетъ *ухудшеніе* общественнаго положенія рабочаго класса.

Однако, остановило же фабричное законодательство увеличеніе числа работающихъ на фабрикахъ дѣтей, по крайней мѣрѣ, въ нѣкоторыхъ штатахъ Сѣверной Америки, — скажетъ намъ г. П. Струве.*)

Да, — отвѣтимъ мы, — остановило! Но это совсѣмъ не опровергаетъ и даже не *видимымъ* общаго смысла марксовой теоріи социальнаго развитія. Что фабричное законодательство способно охранить нѣкоторые интересы рабочихъ, это признается еще въ „Манифестѣ коммунистической партіи“.**) Но вопросъ не въ томъ, оградило, или не оградило фабричное законодательство *нѣкоторые* интересы рабочихъ, а въ томъ, какова *алгебраическая сумма* выгодныхъ для пролетаріата послѣдствій фабричнаго законодательства, представляющихъ собою *положительную* величину, и той тенденціи къ ухудшенію социальнаго положенія рабочаго класса, которая свойственна капитализму и которая составляетъ величину *отрицательную*. Марксъ утверждаетъ, что эта алгебраическая сумма *не можетъ быть положительной величиной*, т. е. что социальное положеніе рабочаго ухудшается, *несмотря* на выгоды, протекавшія для него отъ фабричнаго законодательства. Это же самое — и только это — до сихъ поръ утверждаютъ его „ортодоксальные“ послѣдователи. А такъ называемые критики Маркса говорятъ *противное*. Они стараются доказать, что знаменитая „социальная реформа“ *уже повисила* социальное положеніе рабочаго, а современемъ повыситъ его еще больше, такъ что современемъ, приблизительно этакъ въ слѣдующемъ геологическомъ періодѣ, *капиталистическій способъ производства* незамѣтно перейдетъ въ *социалистическій*. Кто правъ? Все, что мы узнали до сихъ поръ, всѣ тѣ факты и явленія, съ которыми мы до сихъ поръ имѣли дѣло, рѣшительно свидѣтельствуютъ въ пользу Маркса и „ортодоксовъ“: въ *экономическомъ* отношеніи разстояніе между пролетаріатомъ и буржуазіей *увеличилось*; рабочий классъ сдѣлался *относительно* бѣднѣе, потому что его *доля* въ національномъ продуктѣ *относительно* уменьшилась. Какъ ни важны были для рабочаго класса фабричное законодательство и прочіе палліативы „социальной реформы“, но они далеко не могли

*) Ср. его замѣчаніе о возможномъ влияніи „социальной реформы“ на женскій трудъ. Archiv, S. 733.

**) Пользуясь взаимными несогласіями различныхъ слоевъ буржуазіи, она (организация пролетаріата) добивается признанія нѣкоторыхъ интересовъ рабочихъ со стороны закона. Такъ было съ десятичасовымъ биллемъ въ Англіи* (Мав., глава I, Буржуа и Пролетаріи).

перевѣсить невыгодной для него тенденціи развивающагося капитализма къ приниженію пролетаріата. Пролетаріатъ находился въ положеніи чловѣка, плывущаго противъ могучаго течения: если бы онъ безъ сопротивленія отдался силѣ воды, то его отнесло бы *очень далеко* назадъ; но онъ сопротивлялся; онъ старался подвинуться впередъ, и потому течение отодвинуло его назадъ *не такъ далеко*, какъ *могло бы* отодвинуть; но оно *все таки отодвинуло* его, потому что оно *все таки было гораздо сильнее*.

X.

До сихъ поръ мы говорили объ *относительномъ* ухудшеніи положенія рабочихъ. Но мы не забыли, что нѣкоторые „критики“, — въ томъ числѣ и г. П. Струве, — доказываютъ, что у Маркса рѣчь шла вовсе не объ *относительномъ*, а объ *абсолютномъ* его ухудшеніи. Если послушать этихъ господъ, то выйдетъ, что всѣ толки „ортодоксовъ“ объ *относительномъ* ухудшеніи представляютъ собою не болѣе, какъ софизмы завравшихся спорщиковъ, чувствующихъ себя побѣжденными, но не желающихъ въ этомъ сознаться. Такъ ли это на самомъ дѣлѣ?

Въ брошюрѣ „*Наемный трудъ и капиталъ*“, основой которой послужили, какъ извѣстно, лекціи, читанныя Марксомъ въ брусельскомъ нѣмецкомъ обществѣ въ 1847 году, Марксъ доказываетъ, что даже въ томъ, наиболѣе благоприятномъ для рабочихъ, случаѣ, когда быстрый ростъ капитала, увеличивая спросъ на рабочую силу, повышаетъ заработную плату, положеніе рабочихъ *относительно* ухудшается. „Быстрый ростъ производительнаго капитала, — говоритъ онъ, — вызываетъ столь же быстрый ростъ богатства, роскоши и общественныхъ наслажденій. Поэтому, несмотря на то, что доступныя рабочему наслажденія возросли, доставляемое ими удовлетвореніе понизилось въ виду увеличившихся, недоступныхъ рабочимъ наслажденій капиталиста, въ виду болѣе высокой степени общественнаго развитія вообще. Наши потребности и наслажденія создаются обществомъ; поэтому мы прикладываемъ къ нимъ общественную мѣрку, а не избираемъ ихъ предметами, служащими для удовлетворенія. Общественный характеръ нашихъ потребностей и наслажденій дѣлаетъ ихъ *относительными*.“*)

Что это какъ не теорія *относительнаго* ухудшенія быта рабочаго класса?

Далѣе: „Если, слѣдовательно, съ быстрымъ ростомъ капитала увеличивается доходъ рабочаго, то въ то же время увеличивается и общественная пропасть, отдѣляющая рабочаго отъ капиталиста, увеличивается власть капитала надъ

*) Наемный трудъ и капиталъ, Женева 1864, стр. 83—84.

трудомъ, зависимость труда отъ капитала. Сказать, что рабочий заинтересованъ въ быстромъ возрастаніи капитала, это значитъ сказать лишь слѣдующее: чѣмъ быстрее рабочий увеличиваетъ чужія богатства, тѣмъ болѣе жирныя крохи достаются ему самому, тѣмъ больше рабочихъ можетъ получить заработокъ, тѣмъ больше можетъ увеличиться число рабочихъ — рабовъ капитала. . . При быстромъ ростѣ капитала заработная плата можетъ, пожалуй, увеличиться, но несравненно быстрее увеличивается, во всякомъ случаѣ, прибыль капиталиста. Матеріальное положеніе рабочаго улучшается, но улучшается на счетъ его общественнаго положенія. Пропастъ, отдѣляющая его капиталиста, расширяется.“*)

Эти цитаты неоспоримо показываютъ, что Марксъ вовсе не такъ чуждъ былъ понятія объ *относительномъ* ухудшеніи положенія рабочаго класса, какъ хотятъ увѣрить насъ гг. „критики“. Изъ нихъ видно также и то, что Марксъ не пересталъ бы говорить объ *объединеніи* рабочаго класса даже въ томъ случаѣ, если бы въ положеніи этого класса замѣчено было *абсолютное* улучшение. Но то правда, что въ цитированной нами брошюрѣ Марксъ, анализируя *действительный* ходъ развитія капиталистическаго общества, находитъ, что ростъ капитала далеко не всегда связанъ съ абсолютнымъ улучшеніемъ положенія рабочаго класса. „Чѣмъ болѣе возрастаетъ производительный капиталъ, — говоритъ онъ, — тѣмъ болѣе развивается раздѣленіе труда и примѣненіе машинъ, тѣмъ сильнѣе становится конкуренція между рабочими, тѣмъ болѣе уменьшается ихъ заработная плата.“**) Далѣе онъ указываетъ на то, что развитіе капитализма толкаетъ въ ряды наемныхъ рабочихъ все новые и новые слои населенія, и заканчиваетъ свою брошюру такимъ общимъ выводомъ:

„Быстрый ростъ капитала вызываетъ несравненно болѣе быстрое усиленіе конкуренціи между рабочими, — другими словами, ведетъ къ тѣмъ болѣе относительному уменьшенію источниковъ заработка, средствъ существованія рабочаго класса; а между тѣмъ быстрый ростъ капитала является самымъ благоприятнымъ условіемъ для наемнаго труда.“***)

Въ то время Марксъ полагалъ, какъ видно, что относительное уменьшеніе источниковъ заработка непременно должно вести къ пониженію заработной платы. Поэтому онъ думалъ, что съ развитіемъ капитализма заработная плата стремится къ пониженію. Это былъ взглядъ, общій ему со многими тогдашними социалистами.†)

*) Тамъ же, стр. 89.

**) Тамъ же, стр. 47, курсивъ въ подлинникѣ.

***) Тамъ же, стр. 48.

†) Ср., напримѣръ, Луи Влана, Organisation du travail, IV éd., p. 40.

Но въ брошюрѣ „Наемный трудъ и капиталъ“ экономическіе взгляды Маркса выступаютъ передъ нами еще не въ законченномъ своемъ видѣ.*) Онъ еще не различаетъ тамъ прибыли отъ прибавочной цѣнности; заработной платы отъ цѣны рабочей силы. Поэтому мы обратимся къ главному его сочиненію, къ его „Капиталу“.

Въ первомъ томѣ „Капитала“ Марксъ говоритъ, что благодаря росту производительности труда, цѣна рабочей силы можетъ *уменьшиться*, несмотря на одновременное *увеличеніе* количества жизненныхъ средствъ, поступающихъ въ распоряженіе работника.**). Здѣсь различается, стало быть, *относительное* ухудшеніе положенія работника отъ его *абсолютнаго* ухудшенія. Въ другомъ мѣстѣ того же тома Марксъ, приведя мнѣніе Гладстона о томъ, что „опьяняющій“ ростъ общественнаго богатства Англии сдѣлать бѣдныхъ менѣе бѣдными, замѣчаетъ: „Если рабочей классъ остался „бѣденъ“ и только менѣе „бѣденъ“ по мѣрѣ того, какъ онъ производилъ опьяняющее увеличеніе богатства и силы“ для имущихъ классовъ, то относительно онъ остался столь же бѣденъ, какъ и прежде. Если крайности нищеты не уменьшились, то онъ увеличился, потому что увеличались крайности богатства.“***)

Что это, какъ не теорія *относительнаго* объединенія рабочаго класса?

Правда, Марксъ и въ „Капиталѣ“ указываетъ на причины, стремящіяся *понижить* заработную плату. Но, установивъ чрезвычайно важное различіе между платой, получаемой работникомъ и цѣной его силы, онъ уже не утверждаетъ, что повышеніе степени эксплуатаціи рабочаго непременно ведетъ къ паденію заработка. Нѣтъ, по прямому и ясному смыслу его законченной доктрины пониженіе цѣны рабочей силы и относительное ухудшеніе положенія рабочаго можетъ сопровождаться *повышеніемъ* его платы.†) Нельзя, поэтому, не подивиться остроумію тѣхъ людей, которые хотятъ опровергнуть Маркса указаніемъ на то, что заработная плата повышалась во второй половинѣ XIX вѣка. Ихъ остроуміе заслуживаетъ тѣмъ болѣе похвалы, что указаніе это, — поскольку оно справедливо, — относится въ особенности къ такъ называемымъ обученнымъ рабочимъ, между тѣмъ какъ Марксъ въ „Капиталѣ“ приводитъ примѣры преимущественно изъ жизни *необученныхъ* рабочихъ.††)

*) Ср. замѣчаніе Энгельса въ предисловіи къ этой брошюрѣ.

**) Капиталъ, т. I, стр. 454.

***) Тамъ же, стр. 562.

†) Тамъ же, стр. 556. Ср. также цитируемая г. П. Струве „Randglossen“ въ „Neue Zeit“, IX. Jahrgang, S. 571.

††) Такъ, говоря о жаленіяхъ и о нищѣ английскихъ рабочихъ, онъ оговаривается: „Предѣлы настоящаго сочиненія позволяютъ мнѣ исследовать въ этомъ отношеніи только плохо оплачиваемую часть промышленныхъ и земледѣльческихъ рабочихъ“, „Капиталъ“, I, 563.

XI.

Г. П. Струве очень не нравится то мѣсто „Капитала“, гдѣ Марксъ говоритъ, что чѣмъ выше производительность труда, тѣмъ сильнѣе тяготѣніе рабочихъ къ средствамъ ихъ занятія и тѣмъ ненадежнѣе условія ихъ существованія. Читатель помнитъ знаменитыя строки:

„Наконецъ, законъ, по которому относительный избытокъ населенія или резервная промышленная армія постоянно находится въ равновѣсїи съ размѣромъ и силою накопленія, этотъ законъ приковываетъ рабочаго къ капиталу крѣпче, чѣмъ молотъ Гефеста приковывалъ къ скалѣ Прометея. Этотъ законъ обуславливаетъ накопленіе нищеты соотвѣтственно накопленію богатства. Накопленіе богатства на одномъ полюсѣ производитъ въ то же время на другомъ, — т. е. на сторонѣ класса, производящаго свой собственный продуктъ въ видѣ капитала, — накопленіе нищеты, тягостей труда, рабства, невѣжества, огрубѣнія и нравственнаго униженія.“*)

Г. П. Струве полагаетъ, что эти строки не соотвѣтствуютъ истинному положенію дѣлъ въ современномъ обществѣ, и что если бы онѣ дѣйствительно соотвѣтствовали ему, то „развитіе къ социализму“ стало бы совершенно невозможнымъ.

Разсмотримъ это мнѣніе нашего „критика“.

Вѣрно, или не вѣрно то, что съ развитіемъ производительности труда условія существованія работника становятся все болѣе и болѣе ненадежными?

Люди, внимательно изучившіе этотъ вопросъ и, сколько мы знаемъ, шикѣмъ еще не заподозрѣнные въ „догматизмъ“, говорятъ, что это вѣрно.

Въ самомъ дѣлѣ, помните мнѣніе англійской комиссіи, занимавшейся изученіемъ вопроса объ угнетенномъ состояніи промышленности. Большинство комиссіи думало, что въ настоящее время цивилизованныя націи могутъ производить гораздо больше продуктовъ, чѣмъ ихъ нужно на всемірномъ рынкѣ.**) Несоотвѣтствіе между производительной силой и способностью потребления вызываетъ угнетенное состояніе промышленности и паденіе прибыли. Предоставляемъ самому читателю судить, какъ должно вліять на условія существованія рабочихъ такое состояніе дѣлъ, вызываемое высоко — развитымъ состояніемъ общественныхъ производительныхъ силъ.

А *механичество* высказалось еще рѣшительнѣе и опредѣленнѣе. По его мнѣнію, въ послѣднія сорокъ лѣтъ (докладъ вышелъ въ 1886 году) въ жизни цивилизованныхъ націй

*) Ibid., стр. 566.

**) См. уже много разъ цитированный нами заключительный докладъ этой комиссіи, стр. XVII.

произошла очень большая перемѣна: производительность ихъ труда достигла такой высокой степени развитія, что теперь главное затрудненіе состоитъ уже не въ дороговизнѣ или рѣдкости продуктовъ, а въ присканіи себѣ занятія, при отсутствіи котораго огромное большинство населенія лишается всякихъ средствъ существованія.*)

Пусть опять самъ читатель судитъ, противорѣчитъ ли это вышеприведеннымъ словамъ Маркса, или же подтверждаетъ ихъ.

Коммиссія не оставила мѣста ни для какого сомнѣнія на счетъ характера затрудненія, вызваннаго развитіемъ производительности труда: оно состоитъ, по ея словамъ, въ уменьшеніи для рабочаго класса источниковъ заработка, т. е. слѣдовательно въ созданіи *относительнаго перенаселенія*. Это какъ разъ то самое, что говорилъ Марксъ.

И такъ, по мѣрѣ развитія капитализма условія продажи рабочей силы изменяются къ невыгодѣ ея продавцевъ, чѣмъ въ достаточной степени объясняется указанное и доказанное нами уменьшеніе доли рабочаго класса въ національномъ доходѣ. Но, говоря это, мы совсѣмъ не отрицаемъ повышенія заработной платы въ нѣкоторыхъ отрасляхъ производства. Мы только замѣчаемъ, что это повышеніе сопровождается *пониженіемъ цѣны* рабочей силы, и что, кромѣ того, оно вовсе не такъ значительно, какъ увѣряютъ апологеты капитализма.

Гиффенъ утверждалъ, что въ періодъ 1833—1883 г. уровень заработной платы поднялся въ нѣкоторыхъ отрасляхъ англійской промышленности на 100 и даже болѣе процентовъ.***) Это страшное преувеличеніе, на которое давно уже указано съ разныхъ сторонъ. Сравненіе цифръ 1833 года съ цифрами восьмидесятыхъ годовъ очень мало доказываетъ по той простой причинѣ, что въ 1833 году, т. е. до реформы законодательства о бѣднякахъ, — многіе семейные рабочіе получали поддержку отъ своего прихода, что, несомнѣнно, вызывало искусственное пониженіе уровня заработной платы.***) Кромѣ того, даже и это, непозволительное въ научномъ смыслѣ, сравненіе не всегда подтверждаетъ радужные выводы „пер-

*) Тамъ же, стр. LIV.

**) „The Progress of the Working Classes in the last Half Century“, рѣчь прочитанная въ статистическомъ обществѣ и перепечатанная въ Essays in Finance, second series, London 1886; ср. также его же „Further Notes on the Progress of Working Classes“ etc. въ Journal of the R. S. Society, March 1886 г. Эти Notes также перепечатаны въ Essays in Finance.

***) Ср. относящееся сюда замѣчаніе Б. Джонса въ Discussion on Mr. Giffen's Paper, Journal etc., March 1886, p. 96. Само собою понятно, что чѣмъ больше было искусственное пониженіе уровня заработной платы до изданія закона 1834 года, тѣмъ грандиознѣе должно было казаться улучшеніе матеріальнаго положенія рабочаго послѣ изданія этого закона, когда заработная плата стала служить единственнымъ источникомъ существованія трудящейся массы.

наго англійскаго статистика". Такъ, напримѣръ, плата хорошаго матроса доходила въ 1833 г. до 60 шиллинговъ въ мѣсяць; въ восьмидесятихъ годахъ она стояла на томъ же уровнѣ. Въ 1833 г. лондонскіе наборщики зарабатывали въ среднемъ до 36 шиллинговъ въ недѣлю; въ восьмидесятихъ годахъ ихъ заработокъ былъ не больше того.*) Однако, главное дѣло не въ этомъ, а въ томъ, что повышение заработной платы сопровождалось въ Англии цѣлымъ рядомъ явленій, значительно ослаблявшихъ его выгоды для рабочихъ послѣдствія. Въ продолженіе разсматриваемаго періода, городская жизнь получила очень большое развитіе, вслѣдствіе чего неизбѣжные расходы рабочаго значительно увеличились: вздорожали квартиры,**) рабочіе оказались вынужденными ѣздить на работу по желѣзной дорогѣ или въ трамвай между тѣмъ какъ прежде краткость разстоянія позволяла имъ ходить пѣшкомъ и т. д. Кромѣ того, невольные прогулы стали теперь чаще, чѣмъ прежде. Одинъ изъ секретарей Союза Литтейнчиковъ, м-ръ Гей, разсчиталъ на основаніи имѣвшихся въ его распоряженіи книгъ Союза, что его товарищи теряютъ въ видѣ невольныхъ прогуловъ до 20 проц. своего рабочаго времени.***) Эта цифра указываетъ на размѣры той резервной арміи рабочихъ, существованіе которой склоненъ отрицать нашъ „критикъ“.†) Гобсонъ полагаетъ, что „общее положеніе труда въ Англии есть положеніе крайняго непостоянства занятій“, и что „потеря времени и энергій въ настоящее время гораздо больше, чѣмъ это было полвѣка тому назадъ или въ теченіе XVIII столѣтія“.††) Это, разумѣется, забываютъ принять въ соображеніе „ученые“, разлагольствующие объ „автоматическомъ социализмѣ“ капиталистическаго общества.

Какъ легкомысленны становятся самыя „достопочтенныя“ представители буржуазіи, когда они пускаются толковать объ „обогащеніи“ рабочихъ, показываетъ примѣръ уже знакомаго

*) Указаніе того же Б. Джонса, тамъ же, та же страница. Много очень рѣшительныхъ возраженій Гиффену сдѣлано было и на Industrial Remuneration Conference. Ллойдъ Джарисъ разоблачилъ на этой же конференціи истинныя вольности нѣкоторыхъ другихъ англійскихъ статистиковъ. См. Report этой конференціи, стр. 35.

**) Чедуикъ говоритъ, что въ Лондонѣ квартиры стали вдвое дороже (Journal of the R. S. Society, March 1886, Discussion Mr. Giffen's Paper, p. 97 Г-жа Э. Симкоксъ находитъ, что вздорожаніе квартиръ пошлоло до трехъ пятыхъ того приращенія, которое произошло въ заработкѣ рабочаго вслѣдствіе повышенія уровня платы, Industrial Rem. Conference, Report, p. 92.

***) Ibid., p. 90.

†) Конечно, эта склонность свойственна не ему одному. Левассёръ успокоительно говоритъ: „En temps ordinaire, on peut dire vaguement qu'il se trouve sans ouvrage moins du dixième des ouvriers de l'industrie et probablement moins du vingtième des salariés (femmes et enfants compris)". L'ouvrier américain, T. I, p. 584. Но это вовсе не такъ мало г. профессоръ! „Moins du dixième“ составляетъ безобразную померу, причинаемую противорѣчіемъ имущественныхъ отношеній общества съ состояніемъ его производительныхъ силъ.

††) Вопросы нищеты и безработицы, С.-Петербургъ 1900, стр. 239.

намъ Гошена. Какъ на доводъ въ пользу придуманнаго имъ „автоматическаго социализма“, Гошень указываетъ на тотъ фактъ, что въ періодъ 1875—1886 г. число домовъ, приносящихъ менѣе десяти фунтовъ ренты, росло гораздо медленнѣе, чѣмъ число домовъ, рента съ которыхъ колебалась отъ 10 до 20 фунтовъ. Онъ объясняетъ этотъ фактъ тѣмъ, что значительная доля рабочаго класса стала пользоваться большимъ благосостояніемъ и потому предъявляетъ спросъ на болѣе дорогія помѣщенія. Но онъ и самъ предвидитъ, что ему могутъ указать на всѣмъ извѣстное вздорожаніе квартиръ.

На это неизбѣжное возраженіе онъ заранѣе отвѣчаетъ: „Стало быть могутъ же рабочіе платить дороже за свои квартиры“.*) Такихъ „объективныхъ“ изслѣдователей не переспоришь!

„Благонамѣренные“ экономисты не хуже насъ знаютъ, что повышение уровня заработной платы само по себѣ вовсе еще не равносильно улучшенію быта рабочихъ. Но они не рѣдко умалчиваютъ объ этомъ, вѣроятно, въ интересахъ „соціального мира“. Въ другихъ же, менѣе щекотливыхъ случаяхъ они высказываются на чистоту. Для примѣра укажемъ на всесвѣтную знаменитость, Левассера, который, въ одномъ мѣстѣ своего сочиненія „La population de la France“ очень благодушно замѣчаетъ: „Покидая деревню, рабочіе соблазняются перспективой высокой платы; они не принимаютъ въ расчетъ невольныхъ прогуловъ, дороговизны квартиръ и жизненныхъ припасовъ и всего того, что побуждаетъ къ трагатамъ; многіе изъ нихъ перемѣнили свое положеніе, не улучшивъ своей судьбы.“**) А въ другихъ мѣстахъ того же сочиненія тотъ же почтенный ученый, который самъ признается впрочемъ, въ своей слабости къ „философскимъ взглядамъ Бастиа относительно общественной гармоніи“,***) позабываетъ эти благодушныя соображенія и, основываясь на повышеніи уровня заработной платы, толкуетъ о всестороннемъ улучшеніи быта рабочихъ.†)

Если читатель не захочетъ слѣдовать примѣру такихъ „объективныхъ“ ученыхъ и будетъ всегда принимать въ соображеніе все стороны рабочаго быта, то онъ долженъ будетъ согласиться съ нами въ томъ, что даже въ Великобританіи улучшеніе матеріальнаго положенія пролетаріата было очень незначительно. Обыкновенно указываютъ на уменьшеніе пауперизма въ этой странѣ, какъ на яркое доказательство „прогресса рабочихъ классовъ“. Но еще Марксъ сказалъ, что „оф-

*) Journal of the R. S. Society, Dec. 1886, p. 602.

**) La population Française, T. II, p. 413. Ср. также H. Joly, „La France Criminelle“, Paris 1889, p. 350.

***) L'ouvrier américain, T. I, p. 593.

†) La population Française, T. III, p. 86 et suiv. Ср. также L'ouvrier américain, T. II, p. 215 et suiv.

официальная статистика пауперизма дѣлается все болѣе и болѣе невѣрнымъ указателемъ дѣйствительной нищеты по мѣрѣ развитія, вмѣстѣ съ накопленіемъ богатства, сословной борьбы, а слѣдовательно и чувства собственного достоинства работника*. **) Къ этому надо прибавить, что уменьшеніе числа призрѣваемыхъ нищихъ обусловилось также рядомъ законодательныхъ постановленій, *все болѣе и болѣе затруднявшихъ помощь на дому всѣмъ вообще бѣднымъ, а особенно взрослымъ рабочимъ, имѣющимъ хоть нѣкоторый заработокъ.* Благодаря этимъ постановленіямъ, отличавшимся неумолимою жестокостью, число бѣдныхъ, получавшихъ этотъ родъ помощи, упало въ Англіи и Уэльсѣ съ 955 146 (5,5 процента населенія) въ 1849 году до 600 505 (1,95 проц. насел.) въ — 1897. Но въ то же самое время число бѣдныхъ, содержавшихся въ рабочихъ домахъ, *возросло съ 133 513 до 214 382.* Процентное отношеніе числа бѣдныхъ этого разряда къ общей суммѣ населенія осталось, правда, почти безъ переменъ: 0,77 въ первомъ случаѣ и 0,70 — во второмъ. **) Но именно эта неизмѣнность относительнаго количества бѣдныхъ, призрѣваемыхъ въ рабочихъ домахъ, должна наводить на мысль о томъ, что пресловутое уменьшеніе англійскаго пауперизма есть фикція, способная обмануть лишь тѣхъ, которые хотятъ быть обманутыми и шепчутъ они вовсе не знаютъ, чтобы видеть. Г-жа Э. Симкоксъ справедливо говоритъ, что статистика англійскаго пауперизма далеко не даетъ истинной мѣры англійской нищеты. „Болѣе 10 процентовъ лицъ, умирающихъ въ теченіе года, — говоритъ она — умираетъ въ рабочихъ домахъ и больницахъ (содержимыхъ на счетъ благотворителей, Г. П.), и эта смертность соотвѣтствуетъ населенію въ два съ половиною милліона; такимъ образомъ, около трехъ съ половиною милліоновъ жителей нашей страны находится или въ положеніи настоящихъ нищихъ, или въ такомъ положеніи, при которомъ достаточно заболѣть, чтобы сдѣлаться настоящимъ нищимъ“. ***)

XII.

Это очень мрачная картина, но и эта мрачная картина не вполне передаетъ мрачный характеръ дѣйствительности. Изъ другихъ источниковъ мы узнаемъ, что число лицъ, умирающихъ нищими, гораздо болѣе, чѣмъ думала г-жа Э. Симкоксъ. Въ рабочихъ домахъ и въ находящихся при нихъ больницахъ умираетъ шестая часть населенія Лондона, богатѣйшаго города въ мѣрѣ. Но это не все. Есть основаніе думать, что

*) Канталъ I, стр. 563—64.

**) P. F. Aschrott, Das englische Armenwesen. Leipzig 1886, S. 422 ср. его же: Die Entwicklung des Armenwesens in England seit dem Jahre 1885, Leipzig 1886, S. 64.

***) Industrial Remuneration Conference Report p. 89.

отъ 20 до 25 процентовъ англійскаго населенія умираетъ въ положеніи столь близкомъ къ нищетѣ, что приходъ оказывается вынужденнымъ брать похороны на свой счетъ. *) Иавѣстный наслѣдователь Чарльзъ Бусъ показалъ, что въ Англіи и Уэльсѣ около 20 процентовъ всѣхъ лицъ, достигшихъ 65-лѣтняго возраста, вынуждены обращаться къ общественной благотворительности. **) Такъ какъ въ англійскомъ населеніи есть, разумеется, классы, въ которыхъ только очень немногимъ старикамъ случается, — если случается, — впасть въ нищету, то выходитъ, что рабочий классъ даетъ относительно еще болѣе высокое число нищихъ стариковъ. Въ Лондонѣ и въ центральныхъ графствахъ *отъ 40 до 45 процентовъ всего пролетаріатападаютъ на старости лѣтъ въ нищету.***)*

Это ужасно, въ буквальномъ смыслѣ слова! И въ виду этого-то ужаса апологеты буржуазіи толкуютъ о диффузій богатства о притупленіи общественныхъ противорѣчій и т. д. и т. д. По истинѣ можно сказать, что ихъ цинизмъ доходитъ здѣсь до граци! И нельзя не подивиться тому, что гг. „критики“ марксизма не умѣютъ критически отнестись къ такому цинизму и все болѣе и болѣе поддаются вліянію апологетовъ!

Кто знакомъ съ положеніемъ англійскаго рабочаго класса, тотъ не удивится, услышавъ, что процентъ самоубійствъ особенно силенъ въ Англіи именно между стариками 55 лѣтъ и выше. †) Проработавъ всю жизнь съ тою напряженностью, съ какою работаетъ лишь англо-саксонскій рабочий, старики-пролетаріи добровольно покидаютъ земной рай и переселяются въ небесный. И чѣмъ развитѣе становится англійскій рабочий, тѣмъ чаще аппелируетъ онъ къ самоубійству, какъ къ самому надежному средству избѣжанія нищеты. Въ тѣхъ графствахъ, въ населеніи которыхъ насчитывается до 27 проц. лицъ, не умѣющихъ подписать свое имя, число самоубійцъ достигаетъ 57,5 на милліонъ жителей; въ тѣхъ графствахъ, гдѣ только отъ 17 до 25 проц. общаго числа жителей неспособны подписать свое имя, число самоубійцъ поднимается до 69,2 на милліонъ душъ. Наконецъ, тамъ, гдѣ число лицъ, не умѣющихъ подписаться, не превышаетъ 17 процентовъ, мы находимъ наибольшее число самоубійцъ: 80,3 на милліонъ жителей. ††) Оно и понятно:

*) Fifth and Final Report of the R. Commission on Labour, Part. I, London 1894. Report by W. Abraham, M. Austin, J. Mawdsley, and T. Mann, p. 128.

**) Pauperism, 1892, p. 64. The aged Poor in England and Wales, London 1894, p. 98.

***) Charles Booth, p. 39. Но и это еще не концы. Въ нѣкоторыхъ сельскихъ округахъ каждой старикъ-рабочій умираетъ нищимъ. (См. Fifth and Final Report of the Com. of Labour, p. 125, 128, 151.)

†) Ср. Ogle, „On suicides in England and Wales“, Journal of the R. S. Society, March 1886.

††) Ogle, Op. cit. Ibid., p. 112.

чѣмъ развитіе человѣкъ, тѣмъ труднѣе ему переносить униженія, связаннаго съ бѣдностью и вообще съ житейскими неудачами. Или, можетъ быть, здѣсь умѣстнѣе другое объясненіе? Можетъ быть, надо предположить, что число лицъ, не способныхъ подписать свое имя, уменьшается, — какъ это мы видимъ въ Россіи, — вмѣстѣ съ ростомъ *промышленнаго развитія*, и что возрастаніе числа самоубійствъ составляетъ, такимъ образомъ, благотвѣтельный результатъ увеличенія „общественнаго богатства“? Въ обоихъ случаяхъ мы приходимъ къ выводу совсѣмъ не лестному для капиталистическаго общества и для тѣхъ господъ, которые на разные лады повѣтуютъ уссыпляющую пѣсенку о *притупленіи противорѣчій* между буржуазіей и пролетаріатомъ.

Несмотря на неумолиму жестокость, съ которой англійская буржуазія практикуетъ свою „благотворительность“, число призрѣваемыхъ нищихъ въ богатомъ Лондонѣ растетъ быстрѣе общей цифры его населенія.*) Какъ же можно послѣ этого обвинять въ преувеличеніи Маркса и Энгельса, которые говорятъ въ „Коммунистическомъ Манифестѣ“: „*Рабочіе становятся нищими, и нищета развивается еще быстрѣе, чѣмъ населеніе и богатство!*“

Если таково положеніе дѣлъ въ Великобританіи, которая, благодаря своему продолжительному господству на всемірномъ рынкѣ, все таки могла хотѣ нѣсколько улучшить положеніе хоть нѣкоторыхъ слоевъ своего пролетаріата, то каково же оно въ другихъ странахъ, не пользовавшихся преимуществами промышленной монополіи? Объ этомъ можетъ дать нѣкоторое понятіе уже тотъ указанный нами выше фактъ, что *бельгійскія* рабочіи вынуждены продавать свою силу ниже ея цѣнности. Приведемъ здѣсь нѣсколько фактовъ, характеризующихъ положеніе *французскаго* пролетарія.

Въ періодъ 1833—1843 гг. бѣлый хлѣбъ продавался во Франціи по 34½ сантима за килограммъ. Въ 1894 г. килограммъ хлѣба стоилъ въ Парижѣ отъ 37½ до 40 сантимовъ.**) Въ 1831—1840 г. килограммъ говядины стоилъ (въ оптовой продажѣ) 1 франкъ и 5 сантимовъ, а килограммъ свинины 78 сантимовъ; въ 1894 г. говядина продавалось уже по 1 фр. 64 сент. и свинина по 1 фр. 54 сент.***) Въ 1854 г. тысяча яицъ стоила 52 фр., а въ настоящее время 82 фр.†) Въ 1849 г. гектолитръ картофеля (низшаго сорта) стоилъ отъ трехъ съ половиной до четырехъ съ половиной франковъ; теперь же онъ стоитъ отъ 7 до 12½ франковъ. За килограммъ масла платили въ 1849 г. отъ 1 ф. 28 с. до

*) Gobson, op. cit. стр. 21.

**) M. Pelloutier, La vie ouvrière en France, Paris 1900, p. 183.

***) Ibid., p. 186.

†) Ibid., p. 189.

1 ф. 90 с.; въ настоящее время за него платятъ отъ 2 ф. 5 с. до 4 ф. 26 с. Наконецъ, бобы удвоились въ цѣнѣ въ промежутокъ времени отъ 1849 до 1892 года.*)

По расчету Пеллутье, цѣна жизненныхъ припасовъ поднялась во Франціи за послѣдніи 30 лѣтъ на 22—23 процента, а уровень заработной платы повысился въ среднемъ не болѣе, какъ на 17 процентовъ.**) Если вы прибавите къ этому огромное увеличеніе квартирныхъ цѣнъ въ большихъ городахъ, то вы неизбѣжно придете къ тому заключенію, что матеріальное положеніе французскаго пролетарія *ухудшилось* за это тридцатилѣтіе не только относительно, но и абсолютно. И это заключеніе вполне подтверждается статистикой, которая показываетъ, что французскій рабочій *платается* теперь хуже, чѣмъ платался полвѣка тому назадъ.***)

Абсолютное ухудшеніе экономическаго положенія французскаго пролетаріата естественно ведетъ за собою *ростъ нищеризма*: „*рабочіе становятся нищими, и нищета развивается еще быстрѣе, чѣмъ населеніе и богатство*“. Въ пятилѣтіе 1886—1891 населеніе французской столицы возросло на 4,01 процента, а число нищихъ въ этой ville-lumière увеличилось за то же время на 23,1 процента. И это отнюдь не исключительное пятилѣтіе. Слѣдующая таблица показываетъ, что ростъ нищеты давно уже принялъ въ Парижѣ по истинѣ потрясающіе размѣры.

Годы.	Сумма, расходуемая Парижемъ на нищихъ.	Населеніе.
1850	5 000 000	1 058 262
1870	10 000 000	
1892	18 000 000	2 386 292 †)
1896	20 000 000	

И не думайте, что такъ дѣло идетъ въ одномъ Парижѣ. Приблизительно такъ же идетъ оно во всей Франціи. Въ 1837 г. во Франціи было 6715 „благотворительныхъ бюро“, которыя оказали помощь 806 000 бѣднымъ; въ 1860 г. 11 351 благотворительное бюро поддерживало 1 159 000 человѣкъ; въ 1888 г. число благотворительныхъ бюро достигало уже до 15 138, а число поддержанныхъ ими бѣдныхъ до 1 647 000.††) За 28 лѣтъ (1860—1888) число нищихъ возросло на 42 процента, населеніе же увеличилось только на 5,4 процента. „*Рабочіе становятся нищими, и нищета развивается еще быстрѣе, чѣмъ населеніе и богатство*“ . . .

*) Ibid., p. 191.

**) Ibid., p. 194.

***) Ср. Пеллутье, op. cit., p. 187, 190, 194.

†) Pelloutier, op. cit., p. 289.

††) Leroy-Beaulieu, Traité théorique et pratique d'économie politique, Paris 1896, t. IV, p. 468.

XIII.

Буржуазные экономисты, гордо поднимающие голову при видѣ уменьшенія официального числа пауперовъ въ Англіи, скромно опускаютъ глаза передъ статистикой французскаго пауперизма, очень ксати вспоминая при этомъ, что цифры официальной нищеты сами по себѣ еще ничего не доказываютъ. Мы тоже думаемъ, что, ваяты въ отдѣльности, цифры эти не могутъ служить безошибочнымъ показателемъ экономического положенія пролетаріата. Поэтому мы считаемъ необходимымъ *протвердить* свидѣтельство этихъ цифръ съ помощью статистическихъ данныхъ другого рода.

За пятидесятилѣтіе 1838—1888 г. преступность во Франціи выросла такъ:

Число осужденныхъ за:	Увеличилось на:
Наская	51 проц.
Преступленія противъ собственности	69
праваственности	240
Бродяжество и нищенство	480 (*)

Поразительный ростъ числа лицъ, осужденныхъ за нищенство и бродяжество, самымъ рѣшительнымъ образомъ подтверждаетъ оставшееся для насъ сомнительнымъ свидѣтельство официальной статистики французскаго пауперизма. Намъ приходится, стало быть, признать, что статистика эта говорить правду.

И пусть не говорятъ намъ, что Франція — страна, клонящаяся къ упадку: эта клонящаяся къ упадку страна до сихъ поръ остается одной изъ самыхъ богатыхъ странъ въ Европѣ. А кромѣ того, быстрый ростъ пауперизма наблюдается не только во Франціи. Вотъ таблица, показывающая увеличеніе числа призрѣваемыхъ бѣдныхъ въ Брюсселѣ и въ плотво прилегающихъ къ нему большихъ городскихъ общинахъ въ періодъ 1875—1895 г.**)

Общины.	Одинъ призрѣваемый на столько-то человѣкъ.	
	1875 г.	1894 г.
Брюссель	9	4
Шарбеакъ	16	12
Моленбеакъ	11	10
Лагена	16	25
Андерлахтъ	35	8
Сен-Жоссъ	24	15
Сен-Жилль	25	30
Иксель	20	17

*) H. Joly, *La France criminelle*, p. 20. Другой источникъ такъ выражаетъ ростъ числа осужденныхъ за бродячество и нищенство: въ 1838 г. во Франціи на 100 000 жителей приходилось 16 человѣкъ, осужденныхъ за эти преступленія, а въ 1887 г. ихъ было уже 85 (см. интересный докладъ Кавальери: „*Criminalité et vagabondage*“, представленный на Женевскій конгрессъ криминалистовъ и напечатанный въ *Compte-Rendu* конгресса).

**) См. *L'organisation de la Bienfaisance publique*. Par L. Bertrand, Bruxelles 1900, p. 16.

За исключеніемъ Лагена, мы видимъ во всѣхъ общинахъ чрезвычайно быстрый ростъ нищеты. Въ Андерлахтъ въ 1875 г. одинъ призрѣваемый приходился на 35 человѣкъ, а теперь одинъ призрѣваемый приходится уже на 8 человѣкъ. Брюссель пошелъ еще дальше: тамъ четвертая часть населенія протягиваетъ руку за милостыней. Въ провинціи: въ Брюггѣ, въ Ипрѣ, въ Энгіенѣ, въ Нивеллѣ, въ Турна, дѣло обстоитъ не лучше, а мѣстами и *еще хуже*: въ нѣкоторыхъ изъ этихъ городовъ одинъ призрѣваемый нищій приходится на *двадцать-тридцать жителей*.) Выходитъ, что и въ Бельгій „работникъ становится нищимъ, и нищета развивается еще быстрѣе, чѣмъ населеніе и богатство“ . . .

Авторъ, у котораго мы заимствуемъ эти данныя, спѣшитъ сдѣлать оговорку, уже не разъ сдѣланную нами въ этой статьѣ: число призрѣваемыхъ бѣдняковъ еще не показываетъ истинныхъ размѣровъ нищеты.***) И этого разумѣется, никто не станетъ оспаривать. Но несомнѣнно, что чрезвычайно быстрый ростъ этого числа не показываетъ также и роста благосостоянія рабочаго класса: какой рабочій пойдетъ обивать пороги благотворительныхъ учреждений, если только бѣдность не побѣдитъ въ немъ чувства человѣческаго достоинства и классовой гордости?

Въ *Германіи*, гдѣ размѣры официальной нищеты гораздо меньше, чѣмъ въ Бельгій, мы встрѣчаемъ съ слѣдующимъ интереснымъ явленіемъ. Въ городахъ, имѣющихъ менѣе 20 000 жителей, процентъ призрѣваемыхъ бѣдняковъ доходитъ до 4,75; въ городахъ съ 50 000—100 000 жителей онъ повышается до 6,39, и, наконецъ, въ городахъ съ населеніемъ болѣе 100 000 жителей онъ составляетъ уже 6,51 общей цифры населенія.***)

Тутъ опять оказывается, стало быть, что нищета развивается быстрѣе, чѣмъ населеніе, если не быстрѣе, чѣмъ богатство. Что скажеть объ этомъ г. П. Струве?

Онъ скажеть, можетъ быть, что въ послѣдніе годы въ Германіи число призрѣваемыхъ бѣдныхъ значительно уменьшилось. Это будетъ правда. Но почему уменьшилось? Просто потому, что *измѣнена система призрѣнія*. Отъ такого измѣненія еще далеко до *улучшенія быта рабочихъ*.

Просимъ также нашего „критика“ замѣтить, что *преступность* растетъ не только во Франціи, но во всѣхъ капиталистическихъ странахъ, изученныхъ въ этомъ отношеніи.†) Въ Германіи въ 1882 году на 100 000 человѣкъ старце 12 лѣтъ и не служащихъ въ военной службѣ приходилось 1043 осу-

*) *Ibid.*, p. 17.

***) *Ibid.*, p. 16.

****) Leroy-Beaulieu, *op. cit.* t. IV, p. 471.

†) См. Н. Ferri, *La sociologie criminelle*, Paris 1899, p. 163 и слѣд.

женныхъ, а въ 1895 г. уже 1251.*) Чѣмъ обуславливается этотъ ростъ преступности? Французскіе социалисты (напримѣръ, Луи Бланъ въ своей „Organisation du travail“) давно уже указывали на нее какъ на *следствие возрастающей трудности борьбы за существованіе и, въ частности, обидливня рабочаго класса*. Опытъ вполне подтвердилъ это указаніе. Только что цитированный нами профессоръ Листъ говоритъ, что зависимость преступности отъ экономическаго положенія всёгъ извѣстна и никѣмъ уже не оспаривается.**) И онъ же замѣчаетъ, что подл экономическимъ положеніемъ надо прежде всего понимать *общее положеніе рабочаго класса* (die Gesamtlage der arbeitenden Klassen), т. е. положеніе его не только въ „финансовомъ“ смыслѣ, но и во всёхъ другихъ. Мы уже знаемъ, что повышение уровня заработной платы, — которымъ буржуазные экономисты прожужжали намъ всё уши, — еще не ведетъ за собою общаго улучшенія быта пролетаріевъ. Преступность, растущая гораздо быстрѣе, чѣмъ населеніе, лишній разъ напоминаетъ намъ объ этой неспоримой истинѣ. Въ самомъ дѣлѣ, замѣтите, что *преступность дѣтей растетъ гораздо быстрее преступности взрослыхъ*. Съ 1826 по 1880 г. общая цифра преступленій, совершенныхъ во Франціи взрослыми *утроилась*, а число преступленій, совершенныхъ дѣтьми, учетверилось.***) Послѣ 1880 г. дѣтская преступность росла еще быстрѣе. Въ настоящее время, по словамъ Фулье, болѣе половины всёхъ лицъ, арестуемыхъ въ Парижѣ по обвиненіямъ разнаго рода, принадлежить къ числу малолѣтнихъ.

А параллельно съ дѣтскою преступностью растутъ дѣтская проституція и дѣтскія самоубійства, прежде представлявшія собою до послѣдней степени рѣдкое явленіе. И это происходитъ не только

въ Парижѣ, гдѣ средь стоговъ шумныхъ
Кипитъ распутство и порокъ,

это происходитъ во всей Франціи и это же происходитъ за предѣлами Франціи. Въ благочестивой Германіи, въ періодъ 1882—1895 г. число молодыхъ преступниковъ увеличилось почти на 50 процентовъ.†) Не стояла на мѣстѣ эта благочестивая страна и по части проституціи: въ 1875—1890 гг. населеніе Берлина росло ежегодно на 3—4 процента, а число проститутокъ увеличивалось на 6—7 процентовъ.††)

*) Dr. Franz von Liszt, Das Verbrechen als sozial-pathologische Erscheinung, Dresden 1896, S. 13—14.

**) Ibid., S. 19.

***) A. Fouillé, „Les jeunes criminels“, Revue de deux Mondes, 1897, 16. Janvier, p. 418.

†) von Liszt, Op. cit., S. 17.

††) Paul Hirsch, Verbrechen und Prostitution, Berlin 1897, S. 7. Ср. интересную книгу д'Оссовиля: „Salaires et misères des femmes“, Paris

Нужно-ли распространяться о причинахъ, вызывающихъ ростъ преступности и разврата въ дѣтской-средѣ? Для уясненія этихъ причинъ достаточно вспомнить, что, напримѣръ, во Франціи, 60 процентовъ „преступныхъ“ дѣтей состоятъ изъ *мишекъ и бродягъ*, а 25 процентовъ попадаетъ подл удары буржуазной Гемиды за *кражу*.*) Вслѣдствіе *плохого ухода* который самъ обуславливается ростомъ женскаго наемнаго труда, ребенокъ приобрѣтаетъ привычки *бродяги*, а потому оказывается вынужденнымъ побираться и воровать, чтобы не умереть съ голоду. *Увеличеніе преступности вообще, а особен но дѣтской преступности, неотразимо свидѣтельствуетъ объ ухудшеніи общественнаго положенія пролетарія*.

Замѣтимъ мимоходомъ, что признаніе этого неоспоримаго факта еще не обязываетъ социаль-демократовъ поддерживать требованіе христіанскихъ социалистовъ относительно запрещенія женскаго труда на фабрикахъ. Социаль-демократы убѣждены, что такое запрещеніе не только не улучшило бы общественнаго положенія рабочаго, но, напротивъ, еще болѣе ухудшило бы его, давши новый и чрезвычайно сильный толчокъ возникновенію и упроченію самыхъ грубыхъ и жестокихъ формъ эксплуатаціи женщинъ капиталомъ. Возникновеніе и упроченіе такихъ формъ эксплуатаціи еще никогда не способствовало улучшенію положенія трудящейся массы. Вотъ почему социаль-демократы рѣшительно возстаютъ противъ реакціоннаго предложенія христіанскихъ социалистовъ. Это какъ нельзя болѣе логично, и если здѣсь есть мѣсто для насмѣшки, то развѣ для насмѣшки надъ г. П. Струве, вздумавшимъ иронизировать по поводу мнимой непоследовательности Каутскаго, который въ развитіи женскаго труда видитъ доказательство обѣдненія рабочаго класса, но въ то же время не одобряетъ практическихъ предложеній какого нибудь Декуртина.

XIV.

Говоря о преступности, не слѣдуетъ забывать, что при ея быстромъ ростѣ особенно быстро растетъ *число рецидивистовъ*.**) „Наши наказанія, — замѣчаетъ по этому поводу ф. Листъ, —

1900; эта книга ясно показываетъ, какъ тѣсно связана проституція съ нищетой.

*) Ferdinand Dreyfus, Misères Sociales, Paris 1901, p. 8.

**) Исключеніе изъ общаго правила составляютъ лишь нѣкоторые кантоны Швейцаріи, гдѣ уменьшается какъ общаѣ цифра, такъ и процентъ рецидивистовъ. Но эти кантоны не идутъ въ счетъ въ виду ихъ исключительнаго положенія, о которомъ см., напримѣръ, у John Cuénot: „La criminalité à Genève au XIX siècle“, Genève 1891, p. 116—117. Ср. Zuercher: Die Selbstmorde im Kanton Zürich in Vergleichung mit der Zahl der Verbrechen, въ Zeitschrift für schweizerische Statistik за 1898, Lieferung VI. Цурхеръ доказываетъ, что уменьшеніе преступности въ Цюрихѣ сопровождалось ростомъ числа самоубійствъ.

не оказываютъ улучшающаго или устрашающаго вліянія; они вообще не предупреждаютъ преступленія, т. е. не удерживаютъ отъ него; они скорѣе усиливаютъ склонность къ нему.*)

Это вѣрно. Но не менѣе вѣрно и то, что рецидивисты представляютъ собою среду, въ нравственномъ отношеніи совершенно различную отъ такъ называемыхъ *случайныхъ преступниковъ*. Это именно та среда, гдѣ, къ сожалѣнію, почти повлнвостно царствуетъ если не невѣжество, то *нравственное паденіе и огрубѣніе*. И не только нравственное паденіе и огрубѣніе. Между рецидивистами много людей, отличающихся несомнѣнными признаками *вырожденія*. Къ нимъ въ особенности могутъ быть применимы слова Маудсли: „Между преступниками есть классъ, отмѣченный несовершенствомъ физической и умственной организаціи... значительная порція слабоумныхъ или эпилептиковъ, страдающихъ умопомѣшательствомъ или принадлежащихъ къ такимъ семьямъ, въ которыхъ были помѣшанные.“***) Кто захочетъ убѣдиться въ справедливости этихъ словъ, того мы отошлемъ къ чрезвычайно интересной книгѣ доктора *Э. Лорана*: *Les habitués des prisons de Paris*, вышедшей въ прошломъ году въ Парижѣ съ не менѣе интереснымъ предисловіемъ *Лакассаня*. Лоранъ такъ же далекъ отъ смѣшныхъ преувеличеній *школы Ломброзо*, какъ и Лакассанъ. Но кто внимательно прочтетъ его книгу, тотъ вынесетъ изъ нея непоколебимое убѣжденіе въ томъ, что въ лицѣ рецидивистовъ общество очень часто караетъ *выродившихся людей*, представляющихъ собою *пассивный, патологическій продуктъ общественно-историческаго процесса*. А если число такихъ людей растетъ вмѣстѣ съ ростомъ числа нищихъ, бродягъ, проститутокъ, „макро“ и прочихъ представителей *Lumpenproletariats*, то не ясно-ли, что мы до сихъ поръ имѣемъ право сказать вмѣстѣ съ Марксомъ: „Накопленіе богатства на одномъ полюсѣ производитъ въ то же время на другомъ — накопленіе нищеты, тягостей труда, рабства, нечужества, огрубѣнія и нравственнаго униженія“. Это фактъ, отъ котораго не удастся *отболтаться* (*wegschwätzen*) нынѣшнимъ брентанистамъ и „критикамъ“ Маркса, какъ не удавалось отболтаться отъ него Бастиа и его ближайшимъ послѣдователямъ. И въ виду этого неоспоримаго факта намъ очень удивляютъ тѣ люди, которые считаютъ крайнимъ преувеличеніемъ ту мысль „*Манифеста коммунистической партіи*“, что въ Средніе Вѣка общественное положеніе рабочаго было лучше, чѣмъ въ капиталистическомъ обществѣ. Эта мысль можетъ быть неудобна для тѣхъ, которымъ хотѣлось бы *притупить* противорѣчія, свойственныя нынѣшнему обществу.

*) Op. cit., S. 16.

**) Le crime et la Folie, Paris 1880, p. 30.

Но что она справедлива, это признають не одни „эпигоны“ Маркса.*)

Здѣсь г. П. Струве останавливаетъ насъ, чтобы напомнить о томъ своемъ аргументѣ, который онъ считаетъ неотразимымъ: если накопленіе богатства на одномъ полюсѣ сопровождается накопленіемъ нищеты, физическаго вырожденія и нравственнаго вырожденія, — на другомъ, — какъ можетъ произойти социалистическая революція? Развѣ выродившійся рабочій классъ способенъ совершить величайшій изъ всѣхъ переворотовъ, какіе только знала исторія?**)

На это мы отвѣтимъ, что Марксъ и Энгельсъ *никогда не разсматривали на выродившіяся элементы пролетариата, какъ на революціонную силу*. Объ этомъ категорически говорится какъ въ „*Манифестѣ Коммунистической Партіи*“, такъ и въ предисловіи къ книгѣ „*Der deutsche Bauernkrieg*“ Энгельса.***) Но развитіе капитализма ведетъ за собою не только относительное (а мѣстами и абсолютное) ухудшеніе положенія пролетариата и создаетъ не одни только „*пассивные продукты общественнаго разложенія*“. Оно, кромѣ того, будитъ мысль тѣхъ пролетаріевъ, которые не попадаютъ въ разрядъ этихъ пассивныхъ продуктовъ, и образуетъ изъ нихъ все болѣе и болѣе растущую *армію социальной революціи*. Указывая на ростъ нищеты и т. д., Марксъ указывалъ также, и на „*возмущеніе рабочаго класса, который постоянно растетъ и постоянно обучается, объединяется и организуется самымъ механизмомъ капиталистическаго процесса производства*“ (курсивъ нашъ). Взгляните на Францію или на Германію. Несмотря на быстрый ростъ преступности, проституціи и другихъ признаковъ духовнаго паденія *якоторыхъ элементовъ* трудящейся массы, рабочій классъ, *взятый въ его цѣломъ*, становится все болѣе сознательнымъ и все болѣе проникается социалистическимъ духомъ. *Ухудшеніе общественнаго положенія пролетариата вовсе не равно-*

*) „La condition de l'ouvrier était donc alors (въ Средніе Вѣка) très supportable, et j'ajouterais, avec les enseignements que la critique moderne nous fournit, qu'elle devait être supérieure à celle de nos ouvriers... Ce serf prétendit... avait une situation que sollicitent comme très enviable les ouvriers de notre temps.“ P. Hubert-Valleroux, „Les Corporations d'Arts et Métiers“ etc., Paris 1885, p. 44—45. Ср. также Alfred Franklin, *La vie privée d'autre fois. Arts, Moeurs, usages des Parisiens du XII. au XVIII. siècle. Comment on devenait patron.* Paris 1889, p. 65: „La vérité qui se dégage d'une étude approfondie et impartiale du régime des corporations, c'est que la condition de l'ouvrier au treizième et quatorzième siècle était supérieure à sa condition actuelle“.

**) Эпигонъ доволъ, какъ и громадное большинство всѣхъ остальныхъ, замѣтываютъ нашимъ „критикомъ“ у буржуазныхъ противниковъ Маркса. См., напримеръ, Кэрсона: *History of Socialism*, p. 160. (Мы цитируемъ второе изданіе: во указанномъ нами доволъ содержатся также и въ первомъ.)

***) Интересно, что Бакуининъ обвинялъ Маркса и Энгельса именно въ томъ, что они не хотѣли возлагать никакихъ надеждъ на „*коммунистическій пролетариатъ*“, см. „Государственность и Анархія“, стр. 8.

силы создано условий, затрудняющихся развитие его классового самосознания. Конечно, только анархисты à la Бакунинг могли воображать, что бедность уже сама по себе есть лучшей изо всех возможных социалистических агитаторов. Но вѣдь и зажиточность сама по себѣ далеко не всегда является „жизнителямъ“ революціоннаго духа. Все зависитъ отъ обстоятельствъ времени и мѣста.

„Критики“, считающіе ухудшеніе общественнаго положенія рабочаго класса несомѣстимымъ съ развитіемъ классоваго самосознания, просто не понимаютъ матеріалистическаго объясненія исторіи, на которое они, однако, любятъ ссылаться. И это ихъ непониманіе сказывается также и въ ихъ разсужденіяхъ объ экономическихъ условіяхъ, необходимыхъ для политической побѣды пролетаріата надъ буржуазіей. Политическая сила всякаго даннаго класса, говорятъ эти господа, опредѣляется его экономической и социальной силой. Поэтому ростъ политической силы пролетаріата необходимо предполагаетъ ростъ его экономической силы и наоборотъ, — ослабленіе этой послѣдней необходимо ведетъ за собою ослабленіе политическаго значенія пролетаріата. Такъ смотрятъ въ Германіи Давидъ, Вольфманъ, Т. Кампфмейеръ и многіе другіе представители „новой методы.“*) Г. П. Струве ярдыли раздѣляетъ, во всей его полнотѣ, этотъ взглядъ, являющійся чѣмъ-то въ родѣ консервативной разновидности бакунизма.**). Но онъ не согласенъ и съ Каутскимъ, который, въ своемъ отвѣтѣ Бернштейну, указывалъ на его теоретическую несостоятельность. По мнѣнію г. П. Струве для побѣды пролетаріата необходима „организационная сила“, которая можетъ быть приобретена лишь постепенно на почвѣ экономической организаци и экономическихъ учрежденій...***) Въ этомъ мнѣніи истина тѣсно сплелась съ заблужденіемъ. Что организационная сила необходима пролетаріату, какъ была она необходима всякому другому общественному классу, стремившемуся къ побѣдѣ, это неоспоримо и этого никогда не оспаривали „ортодоксальные“ марксисты. Но почему г. П. Струве думаетъ, что эта сила можетъ быть приобретена только на почвѣ „экономической организаци“, т. е., — если мы правильно его поняли, — на почвѣ кооперативныхъ товариществъ и тому подобныхъ „экономическихъ учрежденій“? Если бы организационная сила пролетаріата могла развиваться лишь въ той мѣрѣ, въ какой развиваются его „экономическія учрежденія“, то она никогда не развилась бы до степени, необходимой и дост-

*) Ср Кампфмейера, *Wohin steuert die ökonomische und staatliche Entwicklung?* Berlin 1901, S. 32, 33, 35 и другія.

***) Характеристику взгляда Бакунина на отношеніе политики къ экономикѣ см. въ моей брошюрѣ: „Anarchismus und Sozialismus“, Berlin 1894.

***) Archiv, I, 735.

точной для побѣды надъ буржуазіей, потому что въ капиталистическомъ обществѣ названныя учрежденія рабочихъ всегда будутъ совершенно ничтожны въ сравненіи съ „учрежденіями“, находящимися въ рукахъ буржуазіи.

Далѣе въ словахъ нашего „критика“ справедливо то, что организационная сила пролетаріата, — какъ и всякая другая сила, — можетъ быть приобретена лишь постепенно. Но почему эта справедливая мысль должна исключать понятіе *соціальной революціи*? Вѣдь французская буржуазія тоже лишь постепенно приобрѣла свою организационную силу, а между тѣмъ сдѣлала же она свою социальную революцію.

Впрочемъ, соображеніе о неизбежности *постепеннаго* приобретения организационной силы есть лишь одна изъ небольшихъ пушекъ, выставленныхъ г. П. Струве рядомъ со многими очень большими осадными орудіями на теоретической батарее, обстрѣливающей въ его статьѣ ненавистное ему понятіе социальной революціи. Согласно нашему первоначальному плану мы должны были атаковать эту батарею въ статьѣ, лежащей теперь передъ читателемъ. Но потомъ мы увидѣли себя въ необходимости подробно разобрать теорію притупленія общественныхъ противорѣчій на экономической почвѣ. Поэтому атаку батареи, возведенной противъ понятія о социальной революціи, намъ пришлось отложить до слѣдующей, *третьей* книжки нашего изданія. Тамъ сведемъ мы свои послѣдніе счеты съ нашимъ „критикомъ“. Тамъ мы еще яснѣе увидимъ, какого рода „марксизмъ“ проповѣдуетъ онъ въ настоящее время.

Г. Плехановъ.

ЗАРЯ

СОЦІАЛЬ-ДЕМОКРАТИЧЕСКІЙ НАУЧНО-ПОЛИТИЧЕСКІЙ ЖУРНАЛЬ

Издается при ближайшемъ участіи

В. ПЛЕХАНОВА, В. И. ЗАСУЛИЧЪ и П. В. АКСЕЛЬРОДА.

Цѣна 2 руб.

Preis 4 Mark = 5 Francs.

Адресъ для присылки рукописей и денегъ (только изъ заграницы):

J. H. W. Dietz Nachf. (G. m. b. H.) in Stuttgart.

Оглавление.

Отдѣль А.	Стран.
Проектъ программы Россійской Соціально-демократической Рабочей Партіи	1
Проектъ программы Россійской Соціально-демократической Партіи Г. Пле- ханова	11
Отдѣль 1.	
Критика нашихъ критиковъ. Г. Плеханова	1
Nabeas Corpus. Д. Аясова	32
Деревенскія воспоминанія. Л. В. К.	39
О нѣкоторыхъ философскихъ упражненіяхъ нѣкоторыхъ „критиковъ“. Ортодокса	43
Соціализмъ въ Финляндіи. * *	71
„Россія“. Изъ оды Свинбурна. Ш.	80
Тѣнямъ умершихъ	82
Отдѣль 2.	
Оппортюнизмъ на практикѣ. Парвуса (переводъ съ нѣм.)	1
1. Оппортюнизмъ и соціально-революціонное развитіе	1
2. Оппортюнизмъ и доктрина	9
3. Тактика Фольмара	14
4. Практицизмъ Ауэра	22
5. Что далъ оппортюнизмъ?	82
О еврейскомъ рабочемъ движеніи въ Россіи. К. К.	40
Бомбардировка Благовѣщенска китайцами. Сонина	55
Элементы идеализма въ соціализмѣ. В. Засуличъ	75
„Международная“ полемика по вопросу о Милльеранѣ	101
I. „Vorwärts“ и „Заря“. Ignotus	101
II. Милльеранъ и „Vorwärts“. Парвуса	105
Выборы во Франціи. Г. Линдовъ	118
Прогрессъ религіи и „религія“ прогресса. —Тъ	135
Кіевская демонстрація 2-го февраля. П.	143
Аграрная программа русской соціально-демократіи. Н. Ленина	152
Внутреннее обозрѣніе. Л. Мартова	184

Verlag und Druck: J. H. W. Dietz Nachf. (G. m. b. H.) in Stuttgart.

Критика нашихъ критиковъ.

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ.

Г. П. Струве въ роли критика Марксовой теоріи социальнаго развитія.

СТАТЬЯ ТРЕТЬЯ.

I.

Г. П. Струве очень любитъ, какъ извѣстно, потолковать о „гносеологіи“. Правда, до сихъ поръ онъ не нашелъ нужнымъ (или возможнымъ) сколько нибудь стройно и послѣдовательно изложить свои „гносеологическія“ воззрѣнія. Сомнительно даже, есть-ли у него стройныя воззрѣнія такого рода. Но это не мѣшаетъ ему ссылаться на „гносеологію“ при всѣхъ удобныхъ и, — что гораздо хуже, — при всѣхъ неудобныхъ случаяхъ. Въ виду этого нельзя удивляться тому, что „гносеологическія“ соображенія составляютъ у него главное оружіе въ его борьбѣ съ „соціальной революціей“.

Чтобы показать намъ, до чего несостоятельно это „теоретическое псевдо-понятіе“, нашъ „критикъ“ объясняетъ, какъ долженъ понимать „эволюціонизмъ“ всякій тотъ, кто не хочетъ грѣшить противъ теоріи познанія. Вотъ что мы узнали отъ него на этотъ счетъ.

Принципъ эволюціи, ничего не говоря о томъ, почему совершаются измѣненія, очень опредѣленно указываетъ намъ, однако на то, какъ они совершаются. Онъ знакомитъ насъ съ ихъ формой. А форма ихъ можетъ быть опредѣлена однимъ словомъ: непрерывность (Die Stetigkeit). Намъ можетъ быть понятно только непрерывное измѣненіе. Поэтому старое положеніе: natura non facit saltus (природа не дѣлаетъ скачковъ) должно быть дополнено другимъ положеніемъ: intellectus non patitur saltus (интеллектъ не терпитъ скачковъ). Гегель говорить, что количественныя измѣненія, перейдя извѣстный предѣлъ, превращаются въ качественныя. И на эту формулу любятъ ссылаться правовѣрные марксисты, наивно воображающіе, что она даетъ реальное объясненіе хода социальной революціи. На самомъ же дѣлѣ она не объясняетъ явленій, а только описываетъ ихъ съ помощью логическихъ категорій.* И при томъ она указываетъ именно на непрерывный характеръ измѣненія. Вотъ почему ссылки на нее совсѣмъ

*) Archiv für soziale Gesetzgebung und Statistik. Bd. XIV, Heft 5/6, S. 679.

неубѣдительно. Мы неизбежно приходимъ къ тому выводу, что понятіе: социальная революція не выдерживаетъ критики, и что его приходится поставить на одну доску съ понятіемъ о свободѣ воли (въ смыслѣ безпричиннаго дѣйствія), о субстанціальности души и т. п.: со времени Канта мы знаемъ, что эти понятія очень важны въ практическомъ отношеніи, но совершенно несостоятельны въ теоріи.

Такъ разсуждаетъ г. П. Струве, старательно подкрѣпляя свои разсужденія цитатами изъ сочиненій Шуппе, Канта, Зигварта, Цигена и даже... г. Ф. Кистяковского. Но хотя Гейне и справедливо говорилъ, что цитаты очень украшаютъ писателей, мы, слѣдя за доводами г. „критика“, къ сожалѣнію, все болѣе и болѣе убѣждаемся въ томъ, что далеко не все писатели, „украшающіе“ себя цитатами, отличаются ясностью и послѣдовательностью мысли.

Если понятіе: *социальная революція* не выдерживаетъ критики, то спрашивается, какъ же быть съ тѣми социальными революціями, которыя уже совершились въ исторіи? Считать-ли ихъ не совершившимися, или признать, что онѣ не были революціями въ томъ смыслѣ, какой придаютъ этому слову правовѣрные марксисты? Но если мы даже и скажемъ, что, напримѣръ, великая французская революція на самомъ дѣлѣ вовсе не имѣла мѣста, то вѣдь этому вѣдь-ли кто повѣритъ. А если мы вздумаемъ утверждать, что эта великая революція совсѣмъ не похожа на ту, о которой толкуютъ правовѣрные марксисты, то эти упрямые люди немедленно прервутъ насъ, замѣтивъ, что мы неправильно изображаемъ дѣло. Но мнѣнію правовѣрныхъ марксистовъ, великая французская революція была социальной революціей въ полномъ смыслѣ этого слова. Правда, это была *революція буржуазии*, между тѣмъ какъ теперь на очереди стоитъ, — какъ думаютъ правовѣрные марксисты, — *революція пролетариата*. Но это различіе въ данномъ случаѣ ничего не значитъ. Если понятіе: *социальная революція* несостоятельно потому, что природа скачковъ не дѣлаетъ, а интеллектъ ихъ не терпитъ, то очевидно, что эти рѣшительные доводы должны въ одинаковой мѣрѣ относиться какъ къ *революціи буржуазии*, такъ и къ *революціи пролетариата*. А если революція буржуазии давно уже совершилась, несмотря на то, что скачки „невозможны“, а измѣненія „непрерывны“, то у насъ есть все основанія думать, что въ свое время совершится и революція пролетариата, если только, разумеется, она не встрѣтитъ на своемъ пути другихъ препятствій, болѣе серьезныхъ, чѣмъ тѣ, на которыя указываетъ намъ г. П. Струве въ своихъ „гносеологическихъ“ разсужденіяхъ.

Но приглядимся поближе къ этимъ разсужденіямъ.

Гегелева „формула“ не объясняетъ явленій, а только описываетъ ихъ. Это такъ. Но вѣдь вопросъ совсѣмъ не въ

этомъ. Вопросъ въ томъ, *точно или ошибочно описаніе*, даваемое „формулой“. Если оно вѣрно, то ясно, что вѣрна и „формула“; а если вѣрна „формула“, то не менѣе ясно, что Гегель правъ; а если ясно, что Гегель правъ, то опять столь же ясно, что *непрерывный характеръ измѣненій* — на который, къ тому же, „формула“ Гегеля *указываетъ*, по признанію самаго г. П. Струве, — совсѣмъ не исключаетъ возможности тѣхъ самыхъ „скачковъ“, которыхъ будто бы не дѣлаетъ природа и которыхъ будто бы не терпитъ интеллектъ.

II.

Надо замѣтить, что вообще „скачки“ довольно зло подсмѣиваются надъ нашимъ „критикамъ“, неудержимо проникая даже въ область его собственной аргументаціи. Лучшее всего это подтверждается цитатой, сдѣланной имъ изъ Зигварта.

Зигвартъ говоритъ, что если на нашихъ глазахъ измѣняется какая нибудь вещь, — напримѣръ, если краснѣетъ синяя бумага или таетъ кусокъ воску, положенный въ печку, — то мы имѣемъ дѣло съ *непрерывнымъ процессомъ*, не дающимъ намъ никакого повода предполагать, что данная субстанція измѣняется какой нибудь другою. Напротивъ, непрерывность измѣненія, совершающагося въ данномъ мѣстѣ, убѣждаетъ насъ, что вещь осталась той же самой, даже въ томъ случаѣ, когда измѣнились все ея непосредственно воспринимаемыя нами свойства: температура, цвѣтъ, ви́шній видъ и т. д.

Эти соображенія Зигварта приводятся нашимъ „критикомъ“ какъ одинъ изъ доводовъ, раскрывающихъ несостоятельность понятія: *социальная революція*. Но на самомъ дѣлѣ они не разрушаютъ этого понятія, а скорѣе подкрѣпляютъ его. Они отвѣчаютъ, — поскольку отвѣчаютъ, — на вопросъ о томъ, *при какихъ условіяхъ и почему данный предметъ продолжаетъ оставаться для насъ тѣмъ же самымъ предметомъ, несмотря на претерпѣваемыя имъ измѣненія*. Но въ нихъ нѣтъ ни тѣни доказательства той мысли, что въ окружающихъ насъ предметахъ невозможны такія быстрыя и коренныя перемѣны, которыя мы имѣли бы право называть скачками. Какъ разъ наоборотъ: одинъ изъ взятыхъ Зигвартомъ примѣровъ очень выразительно напоминаетъ намъ о томъ, что такія перемѣны вполнѣ возможны, совершенно естественны и ни мало не удивительны. Когда таетъ воскъ, положенный въ печку, то въ его состояніи происходитъ цѣлая революція: онъ *былъ* твердымъ; онъ *сталъ* жидкимъ. И хотя эта коренная перемѣна, конечно, предполагаетъ болѣе или менѣе „непрерывный“ процессъ болѣе или менѣе „постепеннаго“ нагрѣванія воска,* но сама-то она совершается не „постепенно“,

* Читатель понимаетъ, что непрерывность нагрѣванія необязательна. Если я, доведя температуру воска до n градусовъ, прекращу его нагрѣ-

а именно *эдрус*, как только достигнута необходимая для таяния высота температуры. Тут происходит самый несомилимый „saltus“ (скачек). А г. П. Струве взялся показать намъ, что природа скачковъ не дѣлаетъ, и что интеллектъ ихъ не терпитъ. Какъ же это такъ? Или можетъ быть, онъ имѣетъ въ виду только свой собственный интеллектъ, который, дѣйствительно, не терпитъ скачковъ по той простой причинѣ, что онъ, — какъ говорится, — *терпѣть не можетъ*“ *диктатуры пролетариата*.

Если мы, давъ себѣ трудъ правильно понять разсужденія Зигварта, захотимъ приложить ихъ къ человѣческимъ обществамъ, то мы должны будемъ сказать, напримѣръ, такъ: мы убѣждены, что въ началѣ 19-го столѣтія Франція оставалась Франціей (*той же самой*“ *страхой*), хотя въ ней и совершился въ концѣ 18-го столѣтія социальный переворотъ, извѣстный подъ именемъ великой революціи; и мы убѣждены въ этомъ, во первыхъ, потому, что всѣ измѣненія въ этой странѣ, во время революціи и послѣ нея, непрерывно совершались на опредѣленной территоріи („въ данномъ мѣстѣ“); во-вторыхъ, потому, что населеніе этой страны во многихъ отношеніяхъ, (напримѣръ, въ отношеніи расы и языка) было въ 19-мъ вѣкѣ такимъ-же, какимъ оно было и до революціи; во-третьихъ, потому... но намъ нѣтъ надобности перечислять всѣ эти „потому“; намъ нужно только показать, что иное дѣло вопросъ о томъ, почему и когда данная вещь (или страна) продолжаетъ *оставаться для насъ „той же самой“*, а иное дѣло вопросъ о томъ, возможны-ли и мыслимы-ли въ организационнъ-человѣческихъ обществъ (или въ свойствахъ вещей) быстрые и коренныя перемѣны, называемыя революціями (или подобныя имъ). Если бы авторы, цитируемые г. П. Струве, представили вполнѣ исчерпывающій отвѣтъ на *первый* изъ этихъ вопросовъ, то это отрадное обстоятельство все таки не дало бы намъ никакого права и даже никакого подобія, никакой тѣни права на рѣшеніе въ отрицательномъ смыслѣ *второго* вопроса.

Г. П. Струве возразить намъ, можетъ быть, что какъ бы тамъ ни обстоило дѣло съ цитатой изъ Зигварта и съ нѣкоторыми другими его цитатами, но цитата изъ Канта отвѣчаетъ именно на второй вопросъ. Прочтемъ же эту цитату. Вотъ она цѣликомъ.

„Всякое измѣненіе... возможно только въ силу непрерывнаго дѣйствія причинности... Въ явленіи нѣтъ различія реальнаго такъ же, какъ ни одно различіе въ величинѣ времени не есть самое меньшее; такимъ образомъ возникаетъ

ваше и дамъ ему остыть до $\frac{a}{2}$, а затѣмъ опять стану нагревать пока онъ не растаетъ, то результатъ будетъ такой же, какъ и въ случаѣ непрерывнаго нагреванія, но только онъ потребуетъ больше времени и большаго числа калорій.

новое состояніе реальности изъ перваго, гдѣ его не было, черезъ всѣ безконечныя степени его, всѣ различія которыхъ другъ отъ друга всегда бываютъ меньше, чѣмъ различіе между 0 и А.“*)

Тутъ какъ будто въ самомъ дѣлѣ выходитъ, что „скачки“ невозможны и передъ нами опять возникаетъ мучительный вопросъ о томъ, какъ же намъ быть съ тѣми „скачками“, которые уже произошли въ исторіи. Но по нѣкоторомъ размышленіи оказывается, что и эта страшная цитата совсѣмъ не такъ страшна, какъ воображалъ нашъ „критикъ“.

У Канта рѣчь идетъ о *состояніяхъ*, различающихся одно отъ другого *только по величинѣ*.***) Что представляетъ собою рядъ послѣдовательныхъ состояній, отличающихся другъ отъ друга только величиной? Онъ представляетъ собою рядъ *количественныхъ* или *измѣненій*. Кантъ говоритъ, что этотъ рядъ *непрерывенъ*, что скачки въ немъ немислимы. Допустимъ, что это правда. Но какое отношеніе имѣетъ это къ вопросу о томъ, возможны ли скачки *при переходѣ количественныхъ илизмѣненій въ качественные*? Ровно никакого: этотъ вопросъ вовсе не рѣшается тѣмъ, что мы узнали отъ Канта насчетъ невозможности скачковъ въ непрерывномъ процессѣ измѣненій количества. Выше мы отмѣтили, что, по словамъ самаго г. П. Струве, „формула“ Гегеля тоже указываетъ на непрерывный характеръ измѣненій. Теперь мы можемъ прибавить, что она признаетъ измѣненія непрерывными именно постольку, поскольку они остаются *количественными*. Но она объявляетъ скачки неизбежными при переходѣ количества въ качество. Если г. П. Струве хотѣлъ опровергнуть Гегеля, — а съ нимъ и правовѣрныхъ марксистовъ, — то ему надо было направлять свои критическіе удары какъ разъ въ это самое мѣсто. Ему надо было показать, что количество *не* переходитъ въ качество или, — если и переходитъ, — то никакого скачка при этомъ *не* бываетъ и быть не можетъ. А г. П. Струве ограничился тѣмъ, что сдѣлать изъ *„Критики чистаго разума“* цитату, гласящую, что невозможны скачки *при измѣненіяхъ количества*. Странная логика! Удивительный „критикъ“!

Далѣе Кантъ говоритъ, что данная величина реальности возникаетъ, проходя черезъ всѣ меньшія степени, лежащія между предѣльными моментами измѣненія. Но *какое* возникновеніе, возникновеніе *чего* имѣетъ онъ въ виду? На этотъ вопросъ онъ отвѣчаетъ категорически: возникаетъ не субстанція, количество которой въ природѣ всегда остается неизмѣннымъ, а *только новое состояніе субстанціи*.***) Хорошо.

*) Критика чистаго разума, переводъ Н. М. Соколова, С.-Петербургъ, стр. 184. Г. П. Струве цитируетъ по второму издѣнію изданію К. Кербера, въ которомъ приведенныя имъ строки выходятъ на стр. 194—195.

**) *„Если состояніе В отличается отъ состоянія А только по величинѣ, то“* и т. д. тамъ же, стр. 188 русскаго перевода г. Соколова. (Курсивъ нашъ.)

***) Тамъ же, стр. 182—183, того же перевода. Курсивъ опять нашъ.

Примемъ это къ свѣдѣнію и спросимъ себя, — развѣ возникновеніе новаго *состоянія* (субстанціи) есть единственное мыслимое возникновеніе? Развѣ не можетъ возникнуть новое *отношеніе* (между частями субстанціи)? Не только можетъ возникнуть, но и безпрестанно возникает. И не только безпрестанно возникает, но и должно безпрестанно возникать вслѣдствіе тѣхъ *самыхъ* имѣнней состоянія субстанціи, о которыхъ Кантъ собственно и говорить, т. е. *вслѣдствіе ея движенія*. Именно это возникновеніе новыхъ отношеній и есть та область, въ которой количество переходитъ въ качество, а „*непрерывное измѣненіе*“ приводитъ къ „*скачкамъ*“.

III.

Когда кислородъ соединяется съ водородомъ, то проходитъ ли вновь возникшая молекула воды черезъ „всѣ безчисленная степеня“, которая отдѣляютъ ее отъ молекулы водорода (или кислорода)? Мы не думаемъ. И не думаемъ по той простой причинѣ, что промежуточныхъ „*степеней*“ между водой и составляющими ее элементами невозможно себѣ и представить. *Такого рода непрерывность мыслима: ея не терпитъ интеллектъ*“.

Еще примѣръ. Положимъ, что въ данной странѣ существуетъ законъ, ограничивающій рабочий день девятью часами въ сутки. Но рабочіе находятъ, что ихъ трудъ все такъ слишкомъ продолжителенъ, и требуютъ сокращенія рабочего дня до восьми часовъ. Законодатель исполняетъ, наконецъ, ихъ требованіе, и вотъ съ такого-то числа, скажемъ хоть съ перваго января слѣдующаго года, восьми-часовой рабочий день становится законнымъ рабочимъ днемъ. Спрашивается, можно-ли здѣсь говорить о какихъ-то „безчисленныхъ степеняхъ“, которая отдѣляютъ новый законъ отъ стараго? Ясно, что нельзя: такихъ степеней и не было; законодатель *сразу* передвинулъ предѣлъ рабочего дня на одинъ часъ. Тутъ быть *salvus* — хотя, разумѣется, и не такой страшный, какъ социальная революція, — и если мы, „не терпя скачковъ“, заговоримъ о „*непрерывности*“, то скоро вынуждены будемъ сознаться, что *здѣсь* ея не было и что, поэтому, *здѣсь* интеллектъ ея „не терпитъ“. Выходитъ, что безъ скачковъ не обойдешься даже и въ „*социальной реформѣ*“.

А вотъ еще примѣръ, нѣсколько болѣе „*революціоннымъ*“. Двадцать четвертаго февраля 1848 года въ парижской ратушѣ была провозглашена *республика*. Пусть намъ скажетъ г. П. Струве, въ чемъ заключались, въ чемъ *могли* заключаться „безчисленные степеня“ между ивльской монархіей и второй республикой. Уже не въ томъ-ли революціонномъ движеніи возставшаго парижскаго народа, которое, постепенно подрывая силу сопротивленія войска, тѣмъ самымъ постепенно уменьшало шансы сохраненія монархіи? Но слишкомъ ужъ

было бы странно сослаться на побѣдоносное народное *возстаніе* какъ на доказательство невозможности *скачковъ*. Съ помощью такихъ ссылокъ г. П. Струве доказалъ бы какъ разъ обратное тому, что требуется доказать.

Кантъ самъ замѣчаетъ, что *измѣняются* только тѣ предметы, которые „*остаются*“, т. е. продолжаютъ существовать. Возникновеніе, — равно какъ и исчезновеніе, — *вовсе не есть измѣненіе того, что возникаетъ или исчезаетъ*.*) Но если это такъ, — а это дѣйствительно такъ, — то очевидно, что измѣненіе вообще, а слѣдовательно и постепенное, *непрерывное* измѣненіе не оъясняетъ ни *возникновенія*, ни *исчезновенія* предметовъ, то мы вообще не понимаемъ ихъ, и о нашемъ научномъ къ нимъ отношеніи не можетъ быть и рѣчи.

Непрерывность, о которой говоритъ Кантъ, есть та самая непрерывность, которую Лейбницъ еще раньше его возвелъ въ законъ подъ именемъ *loi de continuité*. Но тотъ же Лейбницъ признавалъ, что имѣя дѣло съ „*choses composées*“, мы находимъ, что иногда небольшое измѣненіе вызываетъ очень большое дѣйствіе, т. е., другими словами, причиняетъ *перерывъ постепенности, скачекъ*. Такие скачки невозможны, по словамъ Лейбница, только въ „*простыхъ вещахъ*“ („*à l'égard des principes ou des choses simples*“), потому что они противорѣчили бы божественной мудрости.**) Оставляя въ сторонѣ божественную мудрость, мы замѣтимъ, что всѣ примѣры, приведенные нами выше, взяты именно изъ области *des choses composées*. Значитъ самъ Лейбницъ не сталъ бы возражать противъ нихъ съ точки зрѣнія „закона непрерывности“. Да, что мы говоримъ: „не сталъ бы возражать“! Намъ сдается, что если бы онъ предвидѣлъ, какое употребленіе сдѣлаютъ изъ его „закона“ нѣкоторые любомудры нѣкотораго послѣдующаго времени, то онъ прибавилъ бы на ихъ счетъ какую нибудь ядовитую оговорку, если бы только не побоялся раздражить тѣхъ, всегда многочисленныхъ, консервативныхъ гусей, „интеллектъ“ которыхъ издавна не терпѣлъ „*скачковъ*“ особенно тамъ, гдѣ дѣло касалось „сложной вещи“, называемой социально-политическими отношеніями.

Замѣтимъ мимоходомъ, что и въ „*простыхъ вещахъ*“ вопросъ о скачкахъ рѣшается совсѣмъ не такъ просто, какъ это казалось Лейбницу и Канту. Возьмемъ, напримѣръ, уже знакомыя намъ разсужденія автора „*Критика чистаго разума*“.

*) „Veränderung ist eine Art zu existiren, welche auf eine andere Art zu existiren eben desselben Gegenstandes erfolgt. Daher ist alles, was sich verändert, bleibend und nur sein Zustand wechselt.“ *Kritik der reinen Vernunft*, herausgegeben von Kehrbach, 2. Auflage, S. 179.

**) Не имѣя подъ рукой сочиненія Лейбница, укажемъ хоть на „*Grundriss der Geschichte der Philosophie*“ Ибервера, Berlin 1880, III. Theil, S. 130.

Онъ говоритъ, что новая величина реальности (А—В) возникаетъ посредствомъ всѣхъ меньшихъ степеней, заключающихся между моментами А и В. Положимъ, что это такъ, и возьмемъ двѣ, непосредственно слѣдующія одна за другой степени изъ тѣхъ, которыя находятся между указанными моментами. Спрашивается, какъ возникаетъ та величина реальности, которая равняется разности между этими двумя степенями? Тутъ можно сдѣлать только два предположенія: 1. она возникаетъ *сразу*; или 2. она возникаетъ *постепенно*. Если она возникаетъ *постепенно*, то значитъ она сама проходитъ многія промежуточные степени. Но это противорѣчитъ условіямъ нашей задачи, такъ какъ мы взяли двѣ такія степени, которыя *непосредственно* идутъ одна за другою. Стало быть, остается только второе предположеніе, согласно которому разность между взятыми нами степенями возникаетъ *сразу*. А это возникновеніе *сразу* и есть одинъ изъ тѣхъ скачковъ, которые будто бы невозможны. А это значитъ, что *не скачкомъ не терпитъ интеллектъ, а именно непрерывности*.

Телесу, гласищему, что скачкомъ не бываетъ, а есть только непрерывность, съ полнымъ правомъ можно противопоставить *антителесу*, по смыслу котораго въ дѣйствительности *измѣненіе всегда совершается скачками, но только рѣдъ мелкихъ и быстро слѣдующихъ одинъ за другимъ скачкомъ сливается для насъ въ одинъ „непрерывный“ процессъ*.

Правильная теорія познанія, конечно, должна примирить этотъ *телесу* и этотъ *антителесу* въ одномъ *смыслѣ*. Мы не можемъ разсматривать здѣсь, какъ можно примирить ихъ въ области „простыхъ вещей“. Это завело бы насъ слишкомъ далеко.*) Здѣсь для насъ достаточно знать и помнить, что въ „сложныхъ вещахъ“, съ которыми намъ такъ часто приходится имѣть дѣло при изученія природы и исторіи, скачки предполагаютъ *непрерывное измѣненіе, а непрерывное измѣненіе неизбѣжно приводитъ къ скачкамъ*. Это — два необходимыхъ момента одного и того же процесса. Устраните мысленно одинъ изъ нихъ, и весь процессъ станетъ невозможнымъ и немислимымъ.**)

*) Забѣгаемъ, однако, что здѣсь прежде всего пришлось бы считаться съ *диалектической природою движенія*.

***) Гегель давно уже показалъ, какъ несостоятельны хладныя разсужденія на ту тему, что природа скачкомъ не дѣлаетъ. „Es hat sich gezeigt, — говоритъ онъ, — dass die Veränderungen des Seins überhaupt nicht nur das Uebergehen einer Grösse in eine andere Grösse, sondern Uebergang vom Qualitativen in das Quantitative und umgekehrt sind, ein Anderswerden, das ein Abbrechen des Allmählichen und ein qualitativ Anderes gegen das vorübergehende Dasein ist.“ Wissenschaft der Logik, Hegels Werke, III. Band, zweite Auflage, S. 494. Г. П. Струве вообразилъ, что цитаты, такъ неудачно перааскаанные имъ изъ разныхъ авторовъ, опровергаютъ эту мысль Гегеля. На самомъ дѣлѣ въ нихъ нѣтъ даже и намёка на ея опроверженіе. Подробности о Гегелевой теоріи скачковъ см. въ нашей брошюрѣ: „Новый законникъ самодержавія или зоре г. Тихомирова“.

IV.

Все течетъ, все измѣняется, говорилъ „темный“ эфесскій мыслитель. Все течетъ, все измѣняется, повторяли и повторяютъ сторонники диалектическаго метода. Но если все течетъ и все измѣняется, если явленія постоянно переходятъ одно въ другое, то не всегда легко бываетъ обозначить границы, отдѣляющія одно явленіе отъ другого. „Мы, напримеръ, — говоритъ Энгельсъ, — въ обыденной жизни можемъ съ увѣренностью сказать, существуетъ данное животное, или нѣтъ, но при болѣе точномъ изслѣдованіи мы убѣждаемся, что это иногда въ высшей степени запутанный вопросъ, трудности котораго прекрасно извѣстны юристамъ, тщетно пытавшимся открыть рациональную границу, за которой умерщвленіе ребенка во чревѣ матери можно считать убійствомъ. Невозможно тоже точно опредѣлить и моментъ смерти, такъ какъ физиологія показываетъ, что смерть не есть внезапный, мгновенный актъ, а очень медленно совершающійся процессъ. Всякое органическое существо въ каждое данное мгновеніе есть то же, какимъ оно было въ предыдущемъ, и вмѣстѣ не тоже. Въ каждое данное мгновеніе оно перерабатываетъ извѣстную получаемую матерію и выдѣляетъ изъ себя другую, одніи клѣточки его организма вымираютъ, другія вновь нарождаются, такъ что спустя извѣстный періодъ времени матерія данного организма вполнѣ обновляется, замѣняется другимъ составомъ атомовъ; вотъ почему каждое органическое существо всегда тоже и, однако, не тоже.**)

Г. П. Струве, которому, разумѣется, хорошо знакомы эти соображенія, хочетъ поймать правовѣрныхъ марксистовъ на словѣ. Онъ упрекаетъ ихъ въ томъ, что они ожидаютъ найти прощаль тамъ, гдѣ на самомъ дѣлѣ можетъ быть лишь ровный и почти незамѣтный переходъ. Онъ объявляетъ лишенными разумной теоретической основы ихъ толки о социальной революціи, которая означала бы собою именно рѣзокъ — въ дѣйствительности невозможное, — разграниченіе двухъ общественныхъ формаций: капиталистической и социалистической.

Но подобными доводами можно сбить съ толку развѣ лишь такого марксиста, который еще не успѣлъ свести въ своемъ міросозерцаніи концы съ концами. Марксистъ, продумавшій основныя положенія своей теоріи, знаетъ, что на самомъ дѣлѣ развитіе совершается вовсе не такъ, какъ хотѣли бы гг. „критики“. Если я вижу, что нагрѣваніе превращаетъ ледъ въ воду, а воду въ паръ, то мнѣ нужно сдѣлать много усилій надъ собою, чтобы не замѣтить скачкомъ, подготовляемыхъ здѣсь *постепеннымъ измѣненіемъ*. Конечно, такіе скачки

*) Развитіе научнаго социализма, переводъ В. И. Засуличъ, второе изданіе, Женева 1896 г., стр. 18.

имѣютъ мѣсто не повсюду. Но даже и тамъ, гдѣ ихъ не бываетъ, или тамъ, гдѣ то, что представляется намъ скачкомъ, на самомъ дѣлѣ состоитъ изъ ряда постепенныхъ, но незамѣтныхъ для насъ переходовъ, даже и въ этихъ случаяхъ мы не рѣдко имѣемъ полную возможность разграничить явления съ точностью, достаточной для преслѣдуемой нами определенной цѣли. Такъ, хотя смерть и есть болѣе или менѣе медленно совершающийся процессъ, а не внезапный актъ, мы все таки въ огромномъ большинствѣ случаевъ умѣемъ отличать живыхъ отъ мертвыхъ, и если мы видимъ, что Иванъ ударомъ топора отсѣкаетъ голову Семену, то мы можемъ, не опасаясь ошибки, сказать что онъ совершаетъ убійство, и что отсѣчение Ивановой головы топоромъ и есть то дѣйствіе, которое лишаетъ его жизни. Тоже и въ области социально-политическихъ явленій. Общественная эволюція совѣмъ не исключаетъ социальныхъ революцій, которыя являются ея моментами. Новое общество развивается „въ нѣдрахъ стараго“, но когда наступаетъ время „родовъ“, тогда медленный ходъ развитія обрывается, и тогда „старый порядокъ“, перестаетъ заключать новый въ своихъ „нѣдрахъ“, по той простой причинѣ, что онъ исчезаетъ съ лица „надровъ“. Это и есть то, что мы называемъ социальной революціей. Если г. П. Струве хочетъ имѣть наглядное представленіе о социальной революціи, то мы еще разъ отсылаемъ его къ великому социальному перевороту, положившему во Франціи конецъ существованію того самаго „ancien régime“, внутри котораго такъ долго развивалось третье сословіе. Г. П. Струве думаетъ, что капиталистическому порядку не суждено умереть такою быстрою и такою насильственной смертью. Мы не препятствуемъ ему думать, какъ ему угодно. Но если онъ хочетъ упрекать насъ въ томъ, что мы думаемъ иначе, то мы попросимъ его напередъ привести въ защиту своего мнѣнія что нибудь болѣе убѣдительное, нежели его нескладныя и неладныя соображенія о „непрерывности“.

Но если эти доводы нашего „критика“ несостоятельны въ смыслѣ логики, то они интересны въ психологическомъ отношеніи. И съ этой стороны ихъ интересно сопоставить съ нѣкоторыми доводами г. Э. Бернштейна.

Энгельсъ сказалъ, — въ своемъ сочиненіи „Людвигъ Фейербахъ“, — что міръ представляетъ собою совокупность процессовъ, въ которой вещи и ихъ умственные образы, т. е. понятія, находятся въ непрерывномъ измѣненіи. Г. Э. Бернштейнъ счелъ нужнымъ подвергнуть это положеніе Энгельса своей „критикѣ“. Онъ заявилъ, что „въ принципѣ“ (prinzipiell) онъ, „конечно“, признаетъ это положеніе правильнымъ (sicherlich richtig), но сомнѣвается насчетъ того, въ какой мѣрѣ вѣрна мысль, лежащая въ его основѣ (welche Tragweite dürfen wir dem ihm zu Grunde liegenden Gedanken beilegen)

и какъ надо понимать слова: *постоянное измѣненіе*. Чтобы пояснить, что именно показалось ему сомнительнымъ, г. Бернштейнъ привелъ такой примѣръ. По ученію физиологовъ, составныя части человѣческаго организма постоянно перемѣняются. Въ промежутокъ времени, не превышающій десяти лѣтъ, въ этомъ организмѣ происходитъ полное обновленіе всего вещества. Поэтому можно сказать, что въ каждую данную минуту каждый данный человѣкъ не совѣмъ тотъ, какимъ онъ былъ въ предыдущую минуту, а по истеченіи нѣкотораго времени онъ въ матеріальномъ отношеніи совершенно перемѣняется. Но, несмотря на это, онъ остается той же самой личностью, какою былъ и прежде. Правда, онъ старѣетъ и измѣняется. Онъ развивается; но его развитіе опредѣляется свойствами его организма, и хотя оно могло бы быть замедлено или ускорено, но оно ни въ какомъ случаѣ не могло бы привести къ тому, чтобы изъ даннаго человѣка получилось существо совѣмъ другого рода. На этомъ основаніи г. Э. Бернштейнъ думаетъ, что вышеприведенное положеніе Энгельса надо видоизмѣнить такъ: міръ представляетъ собою совокупность готовыхъ вещей и процессовъ. Мы видимъ въ немъ такіе процессы, для завершения которыхъ нужно менѣе одной секунды, но видимъ также и такіе, для которыхъ необходимы цѣлыя столѣтія или даже тысячелѣтія, и которые съ практической точки зрѣнія могутъ быть названы *вѣчными*. Ради нѣкоторыхъ опредѣленныхъ цѣлей изслѣдованія и изложенія не только можно, но и нужно бываетъ иногда отвлечься отъ нѣкоторыхъ специфическихъ признаковъ вещей. Но діалектическія формулы, — думаетъ г. Бернштейнъ, — побуждаютъ къ такому отвлеченію даже тамъ, гдѣ оно совѣмъ недопустимо или же допустимо только въ извѣстныхъ предѣлахъ. И въ этомъ заключается опасность діалектическихъ формулъ.

Мы не хотимъ касаться здѣсь вопроса о томъ, насколько *поправка*, сдѣланная г. Бернштейномъ, *поправляетъ* Энгельса. Не будемъ мы также распространяться и о поразительной, чисто институтской наивности „критическихъ“ соображеній г. Бернштейна. Главная отличительная черта его, какъ „критика“ философскихъ и социологическихъ основъ марксизма, вообще состоитъ въ непониманіи имъ критикуемаго предмета.*) Но здѣсь намъ нѣтъ до нея никакого дѣла. Намъ нужно только выяснитъ себѣ смыслъ упрека, дѣлаемаго г. Бернштейномъ діалектикамъ вообще и марксистамъ въ частности. А этотъ упрекъ сводится къ тому, что они недостаточно считаютъ со специфическими признаками вещей. Замѣтивъ это, вспомнимъ, въ чемъ упрекаетъ правоѣрныхъ марксистовъ г. П. Струве.

*) Объ его „критическихъ“ подвигахъ см. нашу статью: Сант противъ Канта или духовное завѣщаніе г. Бернштейна во № 2—3 „Лари“.

У него выходитъ, что эти люди слишкомъ сосредоточиваютъ свое вниманіе на специфическихъ признакахъ противоположныхъ понятій: капитализмъ, социализмъ и измѣняютъ диалектикѣ, забывая о постепенномъ и непрерывномъ развитіи формъ общественной жизни.*)

Такимъ образомъ мы имѣемъ передъ собою два прямо-противоположныхъ упрека. По г. Бернштейну, правовѣрные марксисты изъ-за развитія не видятъ готовыхъ вещей; по г. П. Струве, они изъ-за рѣзко-очерченныхъ понятій не видятъ развитія. По г. Бернштейну, они слишкомъ вѣрны диалектикѣ; по г. П. Струве, они недостаточно вѣрны ей.

Оба эти упрека вышли изъ одного и того же источника: изъ неправильнаго представленія о диалектикѣ.

Г. Бернштейнъ почему-то думаетъ, что диалектика не считается съ тѣмъ, что Гегель называлъ *правами разсудка*, т. е. не заботится о точномъ опредѣленіи понятій. Г. П. Струве почему-то вообразилъ, что считается съ „правами разсудка“ значить измѣнять диалектикѣ. На самомъ дѣлѣ отличительная черта людей, умѣющихъ мыслить диалектически, состоитъ въ томъ, что они свободны какъ отъ того, такъ и отъ другого недостатка: они знаютъ, что развитіе каждой данной „вещи“ ведетъ къ ея отрицанію и къ переходу ея въ другую „вещь“. Но они такъ же хорошо знаютъ, что этотъ процессъ перехода одной вещи въ другую можетъ быть для насъ понятенъ только тогда, когда мы научимся отличать ихъ одну отъ другой и не давать нашимъ понятіямъ о нихъ сливаться въ одно безразличное цѣлое: вѣдь на самомъ дѣлѣ рѣчь идетъ именно о возникновеніи различныхъ вещей, а не о постоянномъ измененіи одной и той же вещи. Выражаясь словами Гегеля, можно сказать, что остается вѣрнымъ диалектическому методу только тотъ, кто умѣетъ отдавать должное и разуму, и разсудку. Кто забываетъ о правахъ „разума“, тотъ становится *метафизикомъ*; кто упускаетъ изъ виду права „разсудка“, тотъ впадаетъ въ *скептицизмъ***).

Кто воображаетъ, что сторонники диалектического метода *пребрегаютъ* правами „разсудка“, тотъ такъ же мало понимаетъ истинную природу этого метода, какъ и тотъ, кто во *внимательномъ отношеніи* къ названнымъ правамъ видитъ измѣну диалектикѣ. Первый случай есть случай г. Бернштейна; второй — случай г. П. Струве.

А впрочемъ, какое дѣло до всего этого г. Струве и г. Бернштейну? Крайне ошибочно было бы вообразить, что такъ называемая критика марксизма стремится удовлетворить какой нибудь серьезной теоретической потребности. До тео-

риіи гг. „критикамъ“ въ сущности очень мало дѣла. Имъ нужно поборотъ или хотя бы только ослабить извѣстную практическую тенденцію: *революціонную тенденцію* передового пролетариата. Ихъ „критика“ служитъ имъ оружіемъ въ „духовной борьбѣ“ съ этой тенденціей, и ихъ аргументы имѣютъ въ ихъ глазахъ цѣну лишь постольку, поскольку они помогаютъ выставлять въ неблагоприятномъ освѣщеніи ненавистное имъ понятіе: *соціальная революція*. Эта практическая цѣль оправдываетъ всѣ теоретическія средства. И если одинъ „критикъ“ выдвигаетъ противъ правовѣрныхъ марксистовъ такое обвиненіе, которое совершенно несовмѣстимо съ обвиненіемъ, въ тоже самое время выдвигаемымъ противъ нихъ другимъ „критикомъ“, то тутъ нѣтъ *противорѣчія*, а есть только *разнообразіе въ единствѣ*. Оба „критика“ вполне согласны между собою въ томъ, что надобно разрушить Карогагенъ, т. е. понятіе: *соціальная революція*. И это обстоятельство дѣлаетъ ихъ *единомысленниками*, создаетъ взаимное сочувствіе между ними. А какой *предлогъ* слѣдуетъ выбрать для разрушенія Карогагена, это каждый изъ нихъ рѣшаетъ по своему, ни крошечки не смущаясь тѣмъ, что предлогъ, выбираемый имъ самымъ, лишаетъ всякаго смысла предлоги, выбираемые его союзниками. Не даромъ гг. „критики“ возстаютъ противъ „шаблоновъ“!

Въ теоретическомъ отношеніи защищаемая г. П. Струве теорія эволюціи имѣетъ, какъ мы видѣли, тотъ коренной недостатокъ, что въ ней есть мѣсто только для измѣненія уже возникшихъ вещей, а не для возникновенія новыхъ. Но на этотъ недостатокъ охотно закрываетъ глаза и самъ г. П. Струве, и вся та ученая и полуученая, крупная и мелкая буржуазія, которая стремится поборотъ „духовнымъ оружіемъ“ социальную-революціонныя стремленія пролетариата. Консервативный классовый инстинктъ, всегда очень зло подшучивавшій надъ идеологами высшихъ классовъ, подшучиваетъ теперь надъ буржуазными „гносеологами“. Онъ заставляетъ ихъ гордиться своими теоретическими ошибками и свысока поглядывать на людей, избѣгающихъ такихъ ошибокъ.

V.

Читатель замѣтитъ намъ, пожалуй, что говорить о *консервативномъ инстинктѣ* гг. П. Струве и Э. Бернштейна нельзя потому, что каково бы ни было ихъ отношеніе къ *соціальной революціи*, они все таки выступаютъ рѣшительными сторонниками *соціальной реформы*. Но въ томъ то и дѣло, что рѣшительное отстаиваніе соціальной реформы какъ нельзя лучше уживается въ настоящее время съ *консервативнымъ инстинктомъ современной буржуазіи*.

Вотъ, напримѣръ, послушайте г. Вернера Зомбарта

*) Archiv, S. 888.

**) См. объ этомъ „большую“ энциклопедію Гегеля, параграфъ 81-й и дополненіе къ нему. Ср. также Die Phenomenologie des Geistes, Bamberg und Würzburg 1807, стр. 134 и слѣд.

„Мысль, занимавшая в половине нынешняго вѣка самую свѣтлую голову, — говоритъ онъ, — мысль о возможности въ близкомъ будущемъ общественаго производства безъ капиталистическаго предпринимателя, — эта мысль въ наши дни живетъ только въ представлѣнiяхъ вымирающей генерации социальныхъ фантазеровъ. — Теперь мы знаемъ, что предприниматели могутъ стать излишними только путемъ медленнаго органическаго процесса... Еще на цѣлыя столѣтiя хватитъ интенсивной и экстенсивной работы капитализма... И мы съ удовольствiемъ приветствуемъ перспективу еще долго видѣть во главѣ нашего экономическаго прогресса тѣхъ людей, которые и теперь руководятъ общественною жизнью: гениальныхъ предпринимателей, имперскихъ купцовъ, директоровъ крупныхъ акционерныхъ обществъ, имѣющихъ почти столь же важное значенiе, далѣе — руководителей нашего государственнаго, городского и коммунальнаго хозяйства.“*)

Перспектива видѣть во главѣ экономическаго прогресса имперскихъ купцовъ, директоровъ акционерныхъ компаний, гениальныхъ предпринимателей и т. п. совершенно неотдѣлима отъ перспективы видѣть всю эту почтенную братiю „во главѣ“ эксплуататоровъ наемнаго труда. Человѣкъ „съ удовольствiемъ приветствующiй“ одну перспективу, съ удовольствiемъ приветствуетъ и другую. Такой человѣкъ, несомнѣнно, стоитъ на точкѣ зрѣнiя буржуазiи. Ему дороги ея интересы. Ея инстинктъ самосохраненiя говоритъ его устами. И тѣмъ не менѣе онъ горячо защищаетъ „социализмъ“.

„Но это вовсе не значитъ, — увѣряетъ онъ, — что передъ колоссальной сферой дѣятельности современнаго капитализма должны капитулировать социалистическiе идеалы: скорее наоборотъ, именно на капиталистическомъ пути они получаютъ возможность реализацiи. Это справедливо какъ въ томъ случаѣ, если мы социалистическимъ идеаломъ считаемъ плановое управление производствомъ и дикими стихийными силами рыночнаго обращенiя при помощи союза картелей, такъ и въ томъ случаѣ, когда мы на первый планъ выдвигаемъ защиту интересовъ труда противъ интересовъ собственности. Послѣднiй идеалъ достигается путемъ медленнаго преобразованiя господствующаго хозяйственнаго порядка; сюда относится фабричное законодательство, государственное страхованiе рабочихъ и вообще всѣ реформы въ законодательствѣ и управленiи, которыя на мѣсто первоначальнаго частноправоваго договора о наймѣ ставятъ публично правовое отношенiе.“**)

*) „Во что-бы то ни стало! Изъ теорiи и исторiи профессиональнаго движенiя.“ Переводъ съ нѣмецкаго, напечатанный въ приложенiи къ русскому переводу книги В. Кулемана: „Профессиональное движенiе“, С.-Петербургъ 1901, стр. 95—96.

***) Тамъ же, стр. 96. Курсивъ г. В. Зомбарта.

Что такое „интересы собственности“, т. е. интересы капиталистической собственности, собственности тѣхъ купцовъ, акционеровъ и предпринимателей, которымъ г. Вернеръ Зомбартъ съ такимъ удовольствiемъ пророчитъ такое долгое господство? Это интересы эксплуатацiи наемнаго труда. Отрадь интересы наемнаго труда противъ интересовъ этой собственности значить понизить уровень эксплуатацiи работника капиталистомъ. Спрашивается, понизился-ли этотъ уровень, благодаря тѣмъ реформамъ въ отношенiяхъ труда къ капиталу, о которыхъ намъ всѣ уши протрубили сторонники теорiи постепеннаго „опороженiя“ капитализма? Нѣтъ, до сихъ поръ этого не было! Намъ очень хорошо извѣстно, что — наоборотъ — несмотря на всѣ эти реформы, относительная доля рабочаго класса въ общественномъ доходѣ уменьшается во всѣхъ передовыхъ капиталистическихъ странахъ. Но это означаетъ повышение уровня эксплуатацiи рабочаго класса и увеличенiе его зависимости отъ капиталистовъ. Стало быть, указанныя реформы не вносятъ ровно никакихъ существенныхъ измѣненiй въ капиталистическiя отношенiя производства и ни мало не ограничиваютъ существенныхъ правъ капиталистической собственности. И если весь возможный теперь „социализмъ“ сводится къ такимъ реформамъ, то ни мало не удивительно, что „социалистическiе идеалы“ лучше всего реализуются на капиталистическомъ основѣ. Передовая промышленная буржуазiя капиталистическихъ странъ давно уже поняла, что осуществленiе такихъ „идеаловъ“ не только не вредитъ ей, но приноситъ значительную пользу. Вотъ почему она, такъ рѣшительно возстававшая прежде противъ государственнаго вмѣшательства въ отношенiя труда къ капиталу и противъ профессиональныхъ союзовъ рабочихъ, теперь сама готова требовать такого вмѣшательства и содѣйствовать возникновенiю такихъ союзовъ. Она поняла, что — какъ выражается одинъ изъ буржуазныхъ Пиндаровъ тредъ-юнионизма — „въ большой механической мастерской розничная покупка рабочей силы есть безсмыслица и цѣлѣность.“*) И вотъ ея публицисты и ея ученые выступаютъ убѣдительными проповѣдниками „социализма“ этого разбора.**)

*) Paul Bureau, le Contrat de Travail, le Rôle des syndicats professionnels, Paris 1902, p. 257.

***) Надо, притчемъ, замѣтить, что въ самое послѣднее время въ Англии отношенiе общественнаго мнѣнiя буржуазiи къ тредъ-юнионамъ начинаетъ рѣзко измѣняться. Теперь почти каждый номеръ социаль-демократической „Justice“ приноситъ намъ нѣсколько новыхъ извѣстiй о ходѣ „войны“ съ тредъ-юнионами (The war on Trade Unions). Англiйская буржуазiя какъ будто возвращается къ той мысли, что тредъ-юнионы мѣшаютъ ей успѣшно конкурировать съ другими странами на всемирномъ рынкѣ. Если эта „война“ съ тредъ-юнионами не прекратится въ скоромъ времени, то „социализмъ“ англiйской буржуазiи отойдетъ въ область преданiя, показавъ, что даже и онъ, при всей своей безобидности, могъ ужиться съ капитализмомъ лишь до поры до времени, лишь до истиннаго предела.

Въ качествѣ ученаго буржуа, очень хорошо знающаго, „гдѣ раки зимуютъ“, г. Вернеръ Зомбартъ весьма краснорѣчиво разсуждаетъ о *соціализмѣ... на капиталистической основѣ*. Но замѣйте, читатель, что этотъ будто-бы-соціализмъ и есть та пресловутая „соціальная реформа“, которую намъ такъ настойчиво рекомендуютъ и такъ старательно расписываютъ г. Э. Берштейнъ, П. Струве и tutti frutti. Мы не скажемъ, что „соціалистическіе идеалы“ г. В. Зомбарта вполне покрываютъ собою соціаль-реформаторскіе планы нашихъ „критиковъ“. Возможно, что кое въ чемъ они и разойдутся между собою. Но мы съ увѣренностью утверждаемъ, что „соціализмъ“ г. В. Зомбарта отличается отъ „соціальной реформы“ г. П. Струве никакъ не больше, чѣмъ отличается одна отъ другой двѣ разновидности одного и того же вида. *Это вариация на одну и ту же тему*. И именно поэтому г. П. Струве такъ превозноситъ г. В. Зомбарта, а г. В. Зомбартъ возлагаетъ такіа большія надежды на „неомарксизмъ“ г. П. Струве.*) Рыбакъ рыбака видитъ издалека. И оба рыбака руководствуются однимъ и тѣмъ же классовымъ инстинктомъ.

Въ своей извѣстной книгѣ г. Бердяевъ прекрасно выражаетъ то представленіе о постепенномъ реформированіи капиталистическаго общества, которое свойственно г. „критикамъ“ à la П. Струве. „Поправки создаваемыя самимъ капиталистическимъ развитіемъ, — говоритъ онъ, — до тѣхъ поръ будутъ штопать дыры существующаго общества, пока вся общественная ткань не сдѣлается сплошь новой.“**) Лучше выразиться невозможно. Бѣда только въ томъ, что удачно выразить данное представленіе еще не значитъ устранить изъ него элементы ошибки. Возникновеніе *новой „общественной ткани“*, какъ слѣдствіе усиленнаго штопанія *старой*, есть *единственный, признаваемый г. „критиками“, случай перехода количества въ качество*. Но это сомнительный случай. Если я штопаю чулки, то они останутся чулками и не превратятся въ *перчатки* даже въ томъ крайнемъ случаѣ, когда вся ихъ „ткань“ подвергнется сплошному обновленію. Тоже и со штопаніемъ дыръ капиталистическаго общества. Капиталистическій способъ производства утвердился благодаря *устраненію* феодально-цехового строя, а не благодаря его заштопыванью. И совершенно непонятно, какимъ образомъ и почему штопаніе капиталистической „ткани“ можетъ и должно привести (хотя бы и путемъ самаго медленнаго измѣненія) къ *устраненію капиталистическаго оптимистическаго производства и къ замѣнѣ ихъ социалистическими*. Употребленное г. Бердяевымъ образное выраженіе лишь съ большею яркостью

отдѣлило несостоятельность защищаемой г. „критиками“ теоріи эволюціи. Мы уже видѣли, что она можетъ объяснять только измѣненіе уже существующихъ „вещей“, а не возникновеніе новыхъ. Теперь мы съ ясностью видимъ, что она способна служить теоретическомъ руководствомъ только для *того, чѣмъ „соціалистическіе идеалы“ не идутъ дальше „непрерывнаго“ штопанья дыръ капиталистическаго общества*. Тѣмъ же, которые стремятся къ созданію новаго общественнаго порядка, она, какъ говорится, *совсѣмъ ни къ чему*. Это именно теорія буржуазной *соціальной реформы*, выставленная противъ теоріи *соціалистической революціи пролетариата*.

„Непрерывно“ штопать старье и столь же „непрерывно“ воображать при этомъ, что заштопываемое старье „непрерывно“ превращается въ иѣчто совсѣмъ новое, это значитъ „непрерывно“ вѣрить въ такое чудо, которое открыто и „непрерывно“ насмѣхается надъ всеми законами человѣческаго мышленія. И такую-то *вѣру*, являющуюся въ теоретическомъ отношеніи настоящимъ *противо-естественнымъ порокомъ*, превозносятъ теперь на счетъ якобы утопизма правѣрныхъ марксистовъ! О, „критики“!

На самомъ дѣлѣ утопистами оказываются не правѣрные марксисты, а именно теоретики „штопанья“. Но утопія этихъ теоретиковъ есть утопія совсѣмъ особаго, новаго свойства. Въ исторіи соціальныхъ ученій такой еще никогда не бывало. Вѣра въ чудодѣйственную силу „штопанья“ мирно уживается въ головахъ г. „критиковъ“ съ той несокрушимой и непреодолимой „трезвенностью“, которая благоразумно довольствуется отраднымъ сознаніемъ того, что — какъ выражается гдѣ-то Г. И. Успенскій, — въ будущемъ историческомъ періодѣ почтовые марки станутъ дешевле на цѣлую копейку. Мало того. Эта утопія такъ же немислима безъ этой трезвенности, какъ „жизнь“ немислима безъ „верха“, а положительный полкъ безъ отрицательнаго. Мѣцански трезвенный „интеллектъ“ теоретиковъ штопанья „не терпитъ“ другихъ „скачковъ“, кромѣ удешевленія почтовыхъ марокъ въ весьма отдаленномъ будущемъ. И они безусловно повинуются голосу своего интеллекта во всемъ, что касается практической дѣятельности. На практикѣ ими начата эпоха того *сознательнаго оппортунизма*, который тѣмъ болѣе доволенъ собою, чѣмъ полише и удобнѣе его требованія укладываются въ схему „штопанья“. Но чѣмъ болѣе ими овладѣваетъ гордое сознаніе своей трезвенности, тѣмъ непоколебимѣе становится ихъ убѣжденіе въ томъ, что имъ позволительно побаловать себя *мечтой*. И вотъ они благодушно разрѣшаютъ себѣ *повторить*, что заплата, помноженная на заплату, даетъ новую „общественную ткань“, а удешевленіе почтовыхъ марокъ будетъ знаменовать собою наступленіе золотого вѣка. Но и вѣра у г. „критиковъ“ не похожа на вульгарную, слѣпую вѣру обыкновенныхъ смертныхъ. Она *насквозь проник-*

*) См. третье изданіе его сочиненія: „Sozialismus und soziale Bewegung im 19. Jahrhundert“, Jena 1900, S. 126—127.

**) Субъективизмъ и индивидуализмъ, стр. 260.

нута нестремь, такъ какъ гг. „критики“ вѣрятъ въ то, что они же сами объявляютъ теоретически-несостоятельными. Это — вѣра, на которую способны только кантіанцы, которые сначала покажутъ себѣ и другихъ, что ни одинъ изъ доводовъ, приводимыхъ для доказательства бытія божія, не выдерживаетъ критики, а потомъ возьмутъ, да и „увѣруютъ“ въ бога. Психологія такихъ „увѣрующихъ“ людей нѣсколько напоминаетъ психологію гоголевскаго Подколесина. Этотъ персонажъ въ глубинѣ души прекрасно знаетъ, что у него нѣтъ ни малѣйшей охоты жениться и что онъ никогда не женится. Его нерасположенія къ брачнымъ узамъ не пересилить никакіе Кочкаревы. Но это не мѣшаетъ ему говорить: „Вотъ какъ начнешь этакъ одинъ на досугѣ подумывать, такъ видишь, что, наконецъ, точно надо жениться! Что въ самомъ дѣлѣ? Живешь, живешь, да такая, наконецъ, скверность становится... Право самому какъ-то становится совѣтно“... Разница только въ томъ, что Подколесинъ не имѣетъ того „критическаго“ образования какимъ отличаются гг. реформаторы новой школы. Подъ влияніемъ собственныхъ рѣчей Подколесинъ хоть иногда, хоть на короткое время становится женихомъ. А гг. критики рѣшительно не идутъ дальше „штопанья“, такъ какъ изъ рѣшительно никогда не покидаетъ та мысль, что *обновленіе общественной ткани есть утопія*. Если гг. „критики“ не намѣхаются надъ своими читателями, не осѣненными „критической“ благодатью; если они дѣйствительно вѣрятъ въ то, во что, по ихъ же словамъ, вѣрить невозможно, то мы имѣемъ передъ собой чрезвычайно интересный случай „двойного сознанія“.

„Каждый социалистъ, — пишетъ г. П. Струве, — исходитъ изъ социализма, какъ изъ нравственно-политическаго идеала; социализмъ есть для него регулятивная идея, съ помощью которой онъ подвергаетъ нравственно-политической оцѣнкѣ и измѣренію отдѣльные событія и дѣйствія. И не иначе обстоитъ дѣло съ цѣлымъ классомъ, который, будучи организованъ въ партію, выступаетъ... какъ единый нравственно-политическій субъектъ. Соціаль-демократическое движеніе должно подчиниться въ идеалѣ конечной цѣли — иначе оно разложится.“ Вѣра въ конечную цѣль есть религія социаль-демократіи, и эта религія — вовсе не „частное дѣло“, а важнѣйшій общественный интересъ партіи.“*)

И это при томъ теоретическомъ сознаніи, что „конечная цѣль“ — утопія! Нѣтъ, что ни говорите, а такая „религія“, невозможна безъ „двойного сознанія“. Но мы, социаль-демократы, находимся въ здоровомъ умѣ и въ твердой памяти; мы „двойнымъ сознаніемъ“ не страдаемъ, и намъ нѣтъ ни малѣйшей нужды въ „религіи“ г. П. Струве. Мы очень бла-

*) Archiv, S. 696—699.

годарны ему за его „регулятивную идею“, но и ея намъ не требуется. Мы говоримъ о своей конечной цѣли не потому, что мы считаемъ ее „массъ возвышающимъ обманомъ“, а потому, что мы твердо убѣждены въ необходимости ея осуществленія. Завѣдомо несбыточный идеалъ для насъ не идеалъ, а просто безнравственные пустяки. *Нашъ идеалъ, идеалъ революціонной социаль-демократіи, это — дѣйствительность будущаго*. За его осуществленіе ручается намъ весь ходъ современнаго общественнаго развитія, и вотъ почему наша увѣренность въ его будущемъ осуществленія имѣетъ въ нашихъ глазахъ такъ же мало родственнаго съ „религіей“, какъ и общая намъ съ гг. „критиками“ увѣренность въ томъ, что солнце, „сѣвшее“ сегодня, не погѣбится „взойти“ завтра. Это вопросъ болѣе или менѣе безошибочнаго знанія, а вовсе не болѣе или менѣе твердой „религіозной“ вѣры.

VI.

Но почему нашъ „критикъ“ такъ сильно убѣжденъ въ томъ, что наша „конечная цѣль“ можетъ быть для насъ только предметомъ „жарм“? Почему онъ намъ разрѣшаетъ говорить о ней только въ виду нашего „божественнаго права“ на порядочный кусокъ утопіи? Потому что, говоря о ней, мы покидаемъ почву реализма.

А что такое реализмъ? Это марксизмъ, пересмотрѣнный, исправленный, очищенный и дополненный г. П. Струве.

„Изложенное въ этой статьѣ реалистическое воззрѣніе также основывается на идеяхъ Маркса и особенно на коренномъ положеніи историческаго матеріализма о постоянно совершающемся приспособленіи права къ экономіи, какъ и не-реалистическое воззрѣніе, оперирующее съ теоретическимъ псевдо-понятіемъ: „соціальная революція“. Марксъ противъ Маркса.“*)

Въ первой изъ статей, посвященныхъ нами критикѣ нашихъ „критиковъ“, мы показали, какъ уродливо-плохо понималъ г. П. Струве „коренное положеніе“ историческаго матеріализма о причинной зависимости между экономіей и правомъ. Кто внимательно прочиталъ эту статью, тотъ знаетъ, что „реалистическое воззрѣніе“ г. „критика“ основывается на „коренномъ“ недоразумѣніи. А кто знаетъ это, тотъ понимаетъ, чего можно ожидать отъ „реалистической“ критики нашей „конечной цѣли“. Но не мѣшаетъ подвергнуть и эту критику подробной и внимательной критикѣ.

Г. П. Струве неправильно называетъ ученіе Маркса объ отношеніи экономіи къ праву *кореннымъ* положеніемъ историческаго матеріализма. На самомъ дѣлѣ оно является *лишь однимъ изъ коренныхъ положеній этой теории*. Рядомъ съ

*) Archiv, S. 690.

нимъ надо поставить учение Маркса объ отношеніи экономіи ко *взглядамъ и чувствамъ* людей и къ тѣмъ *цѣлямъ*, которыми задаются люди въ своемъ историческомъ движеніи.

Почему нѣкоторыя изъ этихъ *цѣлей* представляются намъ *утопическими*? Въ чемъ вообще заключается критерій „реальности“? Послушаемъ г. П. Струве.

„Движеніе есть историческій *Praxis* — говорить онъ. — Соціализмъ всегда обладаетъ реальностью въ той мѣрѣ, въ какой онъ заключается въ движеніи, порождаемомъ современнымъ хозяйственнымъ порядкомъ, — не болѣе и не менѣе.“*)

Соціализмъ заключается въ движеніи, порождаемомъ современнымъ хозяйственнымъ порядкомъ. И поскольку онъ заключается въ немъ, постольку онъ „реаленъ“. Хорошо. Но какимъ же образомъ социализмъ заключается въ указанномъ движеніи? Это можно понимать двоякимъ образомъ: 1. или социализмъ заключается въ немъ въ той мѣрѣ, въ какой онъ заключается во взглядахъ и въ чувствахъ участниковъ движенія; 2. или онъ заключается въ немъ въ той мѣрѣ, въ какой участникамъ движенія *удается въ данное время преодолѣть окружающую ихъ действительность сообразно ихъ взглядамъ и ихъ чувствамъ*. Если мы примемъ первое толкованіе, то мы придемъ къ тому выводу, что социализмъ „реаленъ“ постольку, поскольку къ нему *стремятся участники движенія*, порождаемаго нынѣшнимъ историческимъ порядкомъ, т. е. значить именно въ той мѣрѣ, въ какой онъ является ихъ *„конечною цѣлью“*. Это совершенно логичный выводъ. Но онъ лишаетъ насъ всякаго подобія права называть *утопией* конечную цѣль современной социаль-демократіи: вѣдь стремленіе къ этой цѣли несомнѣнно окрашиваетъ собою взгляды и чувства огромной части людей, примыкающихъ теперь „къ движенію, порождаемому“ и т. д.

А къ какому выводу приводитъ насъ *второе* толкованіе? Къ тому, что социализмъ реаленъ настолько, насколько онъ можетъ быть осуществленъ въ настоящій моментъ, т. е. именно въ то время, когда мы съ вами, читатель, разсуждаемъ объ его *реальности*: „не болѣе и не менѣе“. Все, что не можетъ быть осуществлено въ это время, оказывается *утопией*. Прекрасно. Но въ такомъ случаѣ къ области *утопій* приходится отнести не только *конечную цѣль современной социальной демократіи*, но и *все тѣ ея цѣли, которыя не могутъ быть осуществлены ея нынѣшними силами*. Такимъ образомъ область утопій расширяется чрезвычайно сильно, а область „реалистической“ дѣятельности, наоборотъ, чрезвычайно сильно суживается. Болѣе того. Утопизмомъ выходитъ у насъ *всякій общественный дѣятель, ставящій себѣ какую бы то ни было другую цѣль, кромѣ цѣли быть беззаботнымъ на счетъ какихъ*

бы то ни было другихъ цѣлей. Всякая другая цѣль непременно *приурочивается къ будущему*; всякая другая цѣль неизбежно *предполагаетъ недовольство настоящимъ* и, слѣдовательно, уже тотъ фактъ, что ее ставитъ себѣ данный индивидуумъ, ясно показываетъ, что этотъ индивидуумъ не удовлетворяется тѣмъ, что *происходитъ въ настоящее время, благодаря существующему теперь соотношенію общественныхъ силъ*; всякая другая цѣль означаетъ желаніе измѣнить это соотношеніе въ ту или въ другую сторону; всякая другая цѣль выходитъ такимъ образомъ, изъ границъ „реальности“. Это тоже вполне логичный выводъ. Но его не дѣлаютъ г. П. Струве и его „критическіе“ единомышленники. Хотя они придерживаются именно того взгляда на „коренное“ условіе „реальности“ социализма, изъ котораго этотъ выводъ неизбежно вытекаетъ, но они не додумываютъ своей мысли до конца; они останавливаются на пол-дорогѣ и признаютъ „реальнымъ“ тотъ „социализмъ“, который хотя и не довольствуется существующимъ порядкомъ вещей, но въ своихъ „реформаторскихъ“ стремленіяхъ не отваживается идти дальше *„ископанна дырѣ“*. При этомъ *утопическими* естественно оказываются всѣ тѣ задачи, для рѣшенія которыхъ необходимо *устранить капиталистическія отношенія производства*.

Теперь, когда мы узнали, въ чемъ состоитъ искомый нами критерій „реальности“, у насъ возникаетъ другой и еще болѣе „проклятый“ вопросъ о томъ, можно-ли согласить этотъ критерій съ *подлиннымъ*, — не искаженнымъ „критикой“, — ученіемъ Маркса о *цѣляхъ въ историческомъ движеніи человечества*.

На этотъ вопросъ мы принуждены отвѣтить отрицательно. Г. П. Струве преподноситъ намъ, въ нѣсколько измѣненномъ видѣ, ту мнимо-реалистическую путаницу понятій, которая наиболѣе яркимъ образомъ выразилась въ печальной памяти „Stefo“ и которая сводится къ повторенію на разные лады (но всегда „съ ученымъ видомъ знатока“) той мысли, что конечная цѣль социальной демократіи перестанетъ быть утопией только тогда, — точнѣе: только въ томъ случаѣ, *если* — весь рабочий классъ, процессомъ самобытнаго развитія, безъ всякаго участія въ этомъ процессѣ „революціонной бациллы“, будетъ приведенъ къ тому убѣжденію, что его интересы требуютъ немедленнаго осуществленія этой цѣли.

Эта путаница понятій, нѣсколько лѣтъ тому назадъ обивавшая у насъ довольно многихъ*) могла бы быть принята за злѣйшую пародію на знаменитое предисловіе къ „Zur Kritik der politischen Oekonomie“, если бы люди, ей предающіеся, не сохраняли самой невозмутимой и самой неподдѣльной серьезности.

*) Archiv, S. 698.

*) См. шагъ Vademesum для редакціи „Рабочаго Дѣла“, Женева 1900.

VII.

Источникомъ ихъ заблужденія послужило слѣдующее мѣсто изъ упомянутого предисловія: „Ни одна общественная формація не погибаетъ раньше, чѣмъ разовьются всѣ производительныя силы, для которыхъ она даетъ достаточно простора, и новыя, высшія производственныя отношенія никогда не появляются на свѣтъ раньше, чѣмъ созрѣютъ матеріальныя условия ихъ существованія въ нѣдрахъ стараго общества. Поэтому человѣчество ставитъ себѣ всегда только такія задачи, которыя оно можетъ рѣшить, такъ какъ при ближайшемъ разсмотрѣніи всегда окажется, что сама задача только тогда выдвигается, когда существуютъ уже матеріальныя условия, необходимыя для ея разрѣшенія или когда они, по крайней мѣрѣ, находятся въ процессѣ возникновенія.“

Человѣчество ставитъ себѣ только такія задачи, которыя оно можетъ разрѣшить. Слѣдовательно, если оно еще не поставило себѣ той или другой задачи, — скажемъ задачи полного устраненія капиталистическихъ отношеній производства, — то значить эта задача еще не можетъ быть разрѣшена. Ну, а стремиться къ разрѣшенію задачъ, неразрѣшимыхъ для настоящаго времени, можетъ только тотъ, кто покидаетъ *реальную* почву и пускается въ область *утопии*.

Такъ разсуждаютъ многіе „критики“, а разъ утвердившись на этой точкѣ зрѣнія, они уже безъ большого труда отдѣляютъ въ программѣ социаль-демократіи „реалистическій“ элементъ отъ „утопическаго“. Представителемъ передовыхъ стремленій современнаго человѣчества въ дѣлѣ преобразованія экономическихъ отношеній является теперь, какъ извѣстно, рабочій классъ. Въ чемъ же состоятъ тѣ практическія задачи, рѣшеніемъ которыхъ занять онъ въ настоящее время? Онѣ состоятъ въ сокращеніи рабочаго дня, въ улучшеніи санитарныхъ условий труда, въ организаціи профессиональныхъ союзовъ, кооперативныхъ товариществъ и т. д. и т. д. Устраненіе капиталистическихъ производственныхъ отношеній еще не занесено пролетаріатомъ въ число *практическихъ* вопросовъ дня. Это именно и показываетъ, что еще не готовы матеріальныя условия, необходимыя для рѣшенія этой задачи. Правда, въ пролетаріатѣ есть слой, стремящійся къ обобществленію средствъ производства и обращенія продуктовъ и ставящій его во главу всей своей программы. Этотъ слой состоитъ изъ *социаль-демократовъ*. Онъ надѣется увлечь за собою *весь* пролетаріатъ. Можетъ быть, эта надежда когда нибудь и осуществится, но пока она не осуществилась, обобществленіе средствъ производства и обращенія продуктовъ останется *утопическимъ* элементомъ социаль-демократической программы. Реальны только тѣ задачи, для рѣшенія которыхъ *уже* имѣются средства.

Особенность этой цѣпи силлогизмовъ составляетъ ея *метафизическій характеръ*. Люди, ее придумавшіе, мыслятъ

такъ, какъ мыслятъ всѣ метафизики: „да — да, нѣтъ — нѣтъ, что сверхъ того, то отъ лукаваго“. У нихъ матеріальныя условия рѣшенія данной общественной задачи или существуютъ, или *не* существуютъ. Слова Маркса о томъ, что эти условия могутъ находиться въ *процессѣ своего возникновенія*, не производятъ на нихъ никакого впечатлѣнія или, по крайней мѣрѣ, нисколько не помогаютъ имъ опредѣлить, гдѣ кончается „реальный“ социализмъ и гдѣ начинается — *утопическій*.

Процессъ возникновенія матеріальныхъ условий, необходимыхъ для рѣшенія данной общественной задачи, не можетъ быть полмѣченъ одновременно *всѣмъ* тѣмъ „человѣчествомъ“, которому современемъ придется рѣшать эту задачу. Это „человѣчество“ состоитъ изъ слоевъ и изъ отдѣльныхъ лицъ, отличающихся неодинаковой степенью развитія (слоя) или даже неодинаковыми природными дарованіями (отдѣльныя лица). То, что уже понято одними, какъ историческая необходимость, часто еще даже и не подозрѣвается другими. Въ группѣ людей, идущихъ по одной дорогѣ почти всегда найдутся *дальнозоркіе*, видящіе предметы на большомъ разстояніи, и *близорукіе*, различающіе эти самые предметы только вблизи. Значить ли это, что дальнозоркихъ надо отнести къ „утопистамъ“, а „реалистамъ“ можно признать только близорукихъ? Кажется, что — не значить. Кажется, что дальнозоркіе лучше другихъ различаютъ направленіе общаго пути, и что, поэтому, ихъ сужденія о немъ ближе къ *дѣйствительности*, чѣмъ сужденія близорукихъ. Иные захотятъ, можетъ быть, упрекнуть дальнозоркихъ въ томъ, что они слишкомъ рано поднимаютъ разговоръ о тѣхъ предметахъ, мимо которыхъ придется современемъ проходить всей компаніи. Но, во-первыхъ, слишкомъ рано заговорить о *реальныхъ предметахъ* еще не значить покинуть *реальную почву*. А кромѣ того, — какъ судить о томъ, время или не время поднимать тотъ или другой разговоръ? Представьте себѣ, что чѣмъ раньше дальнозоркіе люди заговорятъ, положимъ, о томъ дѣлѣ, который стоитъ на пути и въ которомъ путниковъ ожидаетъ необходимый имъ отдыхъ, тѣмъ скорѣе они къ нему приблизятся, потому что тѣмъ болѣе они станутъ торопиться. Въ такомъ случаѣ дальнозоркіе *не могутъ заговорить слишкомъ рано*, если только путники хоть немного дорожатъ своимъ временемъ. А вѣдь роль дальнозоркихъ въ этомъ случаѣ очень походила бы на ту роль, которую играютъ социаль-демократы въ общемъ движеніи рабочаго класса.

„Коммунисты отличаются отъ другихъ рабочихъ партій только тѣмъ, что съ одной стороны въ движеніи пролетаріевъ различныхъ націй они видѣляютъ и отстаиваютъ общіе, независимые отъ національности интересы всего пролетаріата; съ другой стороны — тѣмъ, что на различныхъ стадіяхъ

развитія, черезъ которая проходитъ борьба пролетаріевъ противъ буржуазіи, они всегда защищаютъ общіе интересы движенія въ его цѣломъ. — Такимъ образомъ, коммунисты на практикѣ представляютъ собою самую рѣшительную, всегда впередъ стремящуюся часть рабочихъ партій всѣхъ странъ, а въ теоретическомъ отношеніи они имѣютъ передъ остальной массой пролетаріата то преимущество, что понимаютъ условія, ходъ и общіе результаты рабочаго движенія... Они борются во имя ближайшихъ цѣлей и интересовъ рабочаго класса, но въ то же время отстаиваютъ и будущность движенія.*)

То, что Марксъ и Энгельсъ говорятъ здѣсь о коммунистахъ сороковыхъ годовъ, вполне примѣнимо къ революціонной социаль-демократіи нашего времени. Она борется за ближайшія цѣли рабочаго класса, но она отстаиваетъ также и будущность движенія. Отстаивать будущность движенія это и значитъ бороться за его „конечную цѣль“ и бороться именно теперь, — сегодня, завтра, послѣ-завтра, въ каждую данную минуту. Если будущность движенія понята правильно, — а ее правильно понимаютъ тѣ, которые сумѣли выяснить себѣ ходъ современнаго экономическаго развитія — то въ отстаиваніи конечной цѣли нѣтъ рѣшительно ни одного атома утопіи. Говорить объ утопіи въ этомъ случаѣ значитъ придавать словамъ совершенно произвольный смыслъ. „Конечная цѣль“ здѣсь также „реально“, какъ реально современное экономическое развитіе.

Революціонная социаль-демократія на практикѣ представляетъ собою самую рѣшительную, всегда впередъ стремящуюся часть пролетаріата всѣхъ цивилизованныхъ странъ. Она относится къ остальной части пролетаріата почти такъ, какъ дальновзоркіе относятся въ нашемъ примѣрѣ къ близорукимъ.**) Она уже видитъ то, чего еще не видятъ другіе пролетаріи, и, — разъясняя имъ, куда имъ предстоитъ направиться въ будущемъ, — она осмысливаетъ ихъ движеніе и ускоряетъ его. Скажите, ради бога, гдѣ же здѣсь „утопія“? И почему это не „реально“?

Тотъ фактъ, что революціонная социаль-демократія разъясняетъ пролетаріату будущность его собственнаго движенія — его „конечную цѣль“ — доказываетъ, что матеріальныя условія, необходимыя для достиженія этой цѣли, уже находятся въ процессѣ своего возникновенія и что этотъ процессъ уже можетъ быть замѣченъ болѣе зоркими глазами. Такъ представляется дѣло съ точки зрѣнія исторической

*) Манифестъ Коммунистической Партіи, Женева 1900, стр. 16—17 и 37.

**) Съ тою разницей, что между тѣмъ какъ дальновзоркіе на близкомъ разстояніи видятъ хуже близорукихъ, революціонная социаль-демократія даже и ближайшіе интересы рабочихъ понимаетъ обыкновенно лучше, чѣмъ люди, не признающіе „конечной цѣли“.

теоріи Маркса. А наши „критики“ повяли эту теорію такъ нелѣпо, что у нихъ оказывается утопіей всякая попытка людей, обладающихъ острымъ зрѣніемъ, приглядѣться къ названному процессу и опредѣлить его послѣдній результатъ. Ахъ, господа, господа, слова-то вы и не замѣтили!

VIII.

А можетъ быть гг. „критики“ à la Струве все таки еще не сообразили, въ какомъ именно мѣстѣ они „даютъ ошибку“? Побесѣдуемъ еще немного съ этими догадливыми „реалистами“. Будемъ держаться того элементарнаго, но иногда совершенно неизбѣжнаго педагогическаго приѣма, который такъ часто и съ такимъ успѣхомъ практиковалъ великій русскій просвѣтитель Н. Г. Чернышевскій. Станемъ объяснять по складамъ: буки азъ — ба, буки азъ — ба, баба и т. д.

Экономическія отношенія опредѣляютъ собою взгляды людей и ихъ дѣйствія. Но люди не всегда понимаютъ характеръ своихъ собственныхъ экономическихъ отношеній, и не всегда ихъ взгляды развиваются такъ же быстро, какъ совершается развитіе ихъ экономическихъ отношеній. Чаше бываетъ такъ, что взгляды болѣе или менѣе значительно отстаютъ въ своемъ развитіи отъ экономики. Новые экономическія отношенія лишь съ теченіемъ времени, лишь мало по малу расшатываютъ старыя взгляды и порождаютъ новыя. Причина возникаетъ раньше своего слѣдствія. Благодаря этому безспорному обстоятельству, лица или группы лицъ, одаренныя проницательностью, получаютъ возможность принимать дѣятельное участіе въ поступательномъ движеніи человѣчества. Понявъ смыслъ существующихъ экономическихъ отношеній, они выясняютъ его другимъ, менѣе проницательнымъ, и тѣмъ влияют на ихъ взгляды, а черезъ посредство ихъ взглядовъ и на ихъ дѣйствія, которыя въ свою очередь способствуютъ дальнѣйшему развитію даннаго экономическаго порядка.**) Но все течетъ, все измѣняется. Появъ то, что измѣняется, значитъ выяснить себѣ, къ чему придетъ оно на послѣдней ступени своего развитія. Иначе нѣтъ полнаго пониманія, какъ это извѣстно еще со временъ Аристотеля. Стремленіе опредѣлить послѣднюю стадію, окончательный исходъ даннаго процесса развитія не только вполне законно, но прямо обязательно для всѣхъ тѣхъ, которые хотятъ придти къ его пониманію. Поэтому люди, желающіе понять экономическія отношенія современныхъ цивилизованныхъ обществъ, должны употребить все силы своего разума на то, чтобы узнать, куда идетъ развитіе этихъ отношеній и чѣмъ закончится процессъ ихъ развитія. Если эти люди

*) Въ действительности историческій процессъ выясненія и измѣненія взглядовъ людей не ограничивается выясненіемъ и измѣненіемъ однихъ только экономическихъ взглядовъ. Но мы упростили ходъ дѣла для болѣе нагляднаго его изображенія.

убѣдились въ томъ, что онъ закончится устраненіемъ капиталистическаго отношенія производства и занятій изъ социалистическими, и если они, по своимъ симпатіямъ или по своему классовому положенію, имѣютъ основаніе радоваться такому исходу, то они станутъ указывать на него другимъ людямъ и будутъ побуждать ихъ содѣйствовать ему всеми средствами. Онъ сдѣлается конечной цѣлью всѣхъ ихъ усилій, онъ ляжетъ въ основу всей ихъ программы. И если они не заблуждаются на его счетъ, если „ходъ вещей“ въ самомъ дѣлѣ направляется въ сторону ихъ конечной цѣли, то они могутъ смѣло сказать, что подъ ними есть твердая реальная почва, и что *утописты не они, а это тѣ, которые считаютъ утопіей изъ конечную цѣль.*

Конечная цѣль революціонной социаль-демократіи представляетъ собою не болѣе, какъ сознательное выраженіе безсознательной тенденціи, свойственной развитію нынѣшняго общества. Современный социализмъ, — подъ знаменемъ котораго идетъ революціонная социаль-демократія, — только потому и имѣетъ право называться научнымъ, что онъ рѣшилъ, наконецъ, ту въ высшей степени важную теоретическую задачу, которую еще Шеллингъ ставилъ общественной наукѣ въ своемъ, — столь богатымъ содержаніемъ, — сочиненіи „System des transcendentalen Idealismus“: объяснить, какимъ образомъ сознательная („свободная“) дѣятельность людей въ исторіи не только не исключаетъ того, что называется исторической необходимостью, но предполагаетъ ее, какъ свое необходимое условіе. Социалисты-утописты исходили изъ того или другого отвлеченнаго принципа и опирались на его силу. Послѣдователи научнаго социализма исходятъ изъ сознанія исторической необходимости и опираются на ее силу. „Конечная цѣль“ есть у однихъ, какъ была она и у другихъ; но „конечная цѣль“ утопистовъ относилась къ дѣйствительности совсѣмъ иначе, чѣмъ относится къ ней „конечная цѣль“ послѣдователей научнаго социализма. Вотъ почему между тѣми и другими лежитъ цѣлая пропасть. И вотъ почему послѣдователямъ научнаго социализма такъ трудно помириться съ утопическими элементами, не рѣдко и теперь еще встрѣчающимися въ программахъ социалистовъ „широкаго“ образа мыслей. Они не выносятъ утопіи, а ихъ величаютъ за это сектантами, догматиками и прочими ласкательными прозвищами.

Чтобы вліять на историческое движеніе, надо повѣять существующій экономическій порядокъ. Повѣять существующій экономическій порядокъ значитъ выяснитъ себѣ процессъ его развитія вплоть до его окончательнаго исхода включительно. Будучи выясненъ, этотъ исходъ неизбежно становится нашей „конечной цѣлью“ при первой же нашей попыткѣ положительнаго участія въ историческомъ движеніи. Выталкивайте „ко-

нечную цѣль“ въ дверь, она ворвется въ окно, если только вы не закроете окна ставнями, преграждающими доступъ всякому поповозовенію *попытать* данный процессъ общественнаго развитія и всякому искушенію *дѣйствовать* сообразно съ достигнутымъ вами пониманіемъ.

Для того, чтобы „конечная цѣль“ стала для социалиста болѣе или менѣе благочестивой утопіей, неосуществимость которой ясна для него при свѣтѣ сознанія, необходимо, чтобы онъ предварительнѣе убѣдилъ себя въ томъ, что никакого окончательнаго исхода развитія нынѣшняго экономическаго порядка имѣть не будетъ и не можетъ по самому своему существу. Разъ такой исходъ признанъ невозможнымъ, то тѣмъ самымъ признано теоретически несостоятельнымъ и стремленіе расположить всю свою дѣятельность такъ, чтобы она ускорила его приближеніе. Невозможность окончательнаго исхода лишаетъ „конечную цѣль“ реальной основы. Но что же означаетъ собою это признаніе невозможности окончательнаго исхода? Оно означаетъ убѣжденіе въ томъ, что процессъ развитія капитализма будетъ продолжаться постоянно, т. е. другими словами, что капитализмъ будетъ существовать всегда или, по крайней мѣрѣ такъ необходимо-долго, что нецѣлымъ и задумываться объ его устраненіи. Это, какъ видите, есть уже извѣстное намъ убѣжденіе г. В. Зомбарта, сообщившаго намъ ту великую и отрадную новость, что социализмъ не исключаетъ капитализма, т. е. что даже развитіе социализма не положитъ конца капиталистическому способу производства. Это есть также убѣжденіе г. П. Струве и другихъ „критиковъ“*) Разъ у социалиста возникло такое убѣжденіе, ему въ самомъ дѣлѣ не остается ничего другого, какъ положить „конечную цѣль“ своей партіи на боковую благочестивыхъ утопій и признать *штопаные дыры* единственной общественной дѣятельностью, имѣющей подъ собою реальную почву. Но вѣдь это значитъ, что „конечная цѣль“ дѣлается для социалиста утопіей только тогда, когда онъ перестаетъ быть социалистомъ.

Г. П. Струве самъ чувствуетъ, что убѣжденіе въ практической-безконечной прочности и „приспособляемости“ капиталистическаго способа производства является необходимымъ предварительнымъ условіемъ того отношенія къ „конечной цѣли“, которое онъ рекомендуетъ, какъ единственное достойное мышлящаго человѣка. Именно для того, чтобы вселить насъ это убѣжденіе, онъ и принялся „критиковать“ понятіе: социальная

*) Единственное, что позволяетъ намъ утверждать данныя науки, — утверждаетъ г. С. Булгаковъ, — это то, что настоящее экономическое развитіе ведетъ къ постепенному отмиранию самыхъ тяжелыхъ и грубыхъ формъ эксплуатаціи человѣка человѣкомъ. „Капитализмъ и Земледѣліе“, т. II, стр. 456.

революция съ помощью тѣхъ глубокихъ „гносеологическихъ“ соображеній, которыя должны были обнаружить предъ нами полную несостоятельность этого „псевдо-понятія“, и которыя превосходно резюмируются въ знаменитомъ вопросѣ Козьмы Пруткова: „Гдѣ начало того конца, которымъ оканчивается начало?“ А для того, чтобы подготовить насъ къ принятію указанного убѣжденія, онъ сталъ увѣрять насъ въ томъ, что общественныя противорѣчія постепенно „притупляются“, и что если мы взглянемъ на дѣло безъ предразсудковъ, привитыхъ намъ правовѣрнымъ марксизмомъ, то сами увидимъ, что прибавочная цѣнность, воплощенная въ прибавочномъ продуктѣ, есть функція всего общественного капитала.*) При столь „реалистическомъ воззрѣніи“ понятіе объ эксплуатаціи работника капиталистомъ облекается такимъ густымъ туманомъ „критики“, что мы совсѣмъ перестаемъ понимать, за тѣмъ же и кому же — кромѣ „утопистовъ“, „эпигоновъ“, „догматиковъ“ и т. д. — нужно устраненіе капитализма, и тогда вопросъ о „конечной цѣли“ социалистовъ рѣшается самъ собой: въ лучшемъ случаѣ мы третируемъ эту цѣль какъ „насъ возвышающій обманъ“. „Критика“ г. П. Струве полна ошибокъ и недоразумѣній. Но она имѣетъ то несомнѣнное достоинство, что она отъ начала до конца остается вѣрной своей собственной „конечной цѣли“.

Господа, придерживающіеся „реалистическаго воззрѣнія“ г. П. Струве, — а имъ у насъ имя легионъ, — безпрестанно говорятъ о „критикѣ“. Безъ „критики“ они не дѣлаютъ ни одного шагу, „критическій“ демонъ искушаетъ ихъ деио и ноцно. Но очень страннымъ представляется на первый, невнимательный взглядъ, что та критика, которой предаются наши „критики“, чрезвычайно предрасполагаетъ ихъ къ совершенно некритическому усвоенію ученыхъ повѣствованій представителей буржуазной экономіи до какого нибудь Бемъ-Баверка — этого Бастіа нашихъ дней — включительно. И чѣмъ усерднѣе работаетъ оружіе „критики“, тѣмъ полнѣе и прочнѣе становится *единомыслие* между нашими „критиками“ съ одной стороны и профессиональными защитниками буржуазіи съ другой. Искушающій гг. „критиковъ“ демонъ „критики“ оказывается „домовымъ“ современной буржуазіи.

Это странно именно только на первый, невнимательный взглядъ. При ближайшемъ же разсмотрѣніи все дѣло оказывается какъ нельзя болѣе простымъ и понятнымъ.

Историческая миссія нашихъ „критиковъ“ заключается въ „пересмотрѣ“ Маркса для устраненія изъ его теоріи всего ея социально-революціоннаго содержанія. Марксъ, имя котораго съ увлеченіемъ повторяется теперь революціоннымъ

пролетариатомъ всѣхъ цивилизованныхъ странъ; Марксъ, который призывалъ рабочий классъ къ насильственному низверженію нынѣшняго общественного порядка; Марксъ, который, — по прекрасному выраженію Либкнехта — былъ революціонеромъ и по чувству, и по логикѣ; этотъ Марксъ очень несимпатиченъ нашей образованной мелкой буржуазіи, идеологами которой являются гг. „критики“. Ее отталкиваютъ его крайніе выводы; ее пугаетъ его революціонная страсть. Но „по нынѣшнимъ временамъ“ трудно обойтись и совсѣмъ безъ Маркса: его критическое оружіе незамѣнимо въ борьбѣ съ охранителями всѣхъ реакціонныхъ цвѣтовъ и съ утопистами разныхъ народническихъ отгѣнковъ. Поэтому надо очистить теорію Маркса отъ революціонныхъ плевелъ; надо противопоставить Марксу-революционеру Маркса-реформатора, Маркса-„реалиста“. „Марксъ противъ Маркса“! И вотъ начинается работа „критики“. Изъ теоріи Маркса выбрасываются одно за другимъ всѣ тѣ положенія, которыя могутъ послужить пролетариату духовнымъ оружіемъ въ его революціонной борьбѣ съ буржуазіей. Дialeктика; матеріализмъ; ученіе объ общественныхъ противорѣчіяхъ, какъ о стимулѣ общественного прогресса; теорія стоимости вообще и теорія прибавочной стоимости въ частности; социальная революція; диктатура пролетариата, — всѣ эти необходимыя составныя части Марксова научнаго социализма, безъ которыхъ онъ утрачиваетъ все свое существенное содержаніе, объявляются второстепенными частностями, несоответствующими нынѣшнему состоянію науки, тенденціозными, утопичными и потому подлежащими ампутаціи въ интересахъ безпрепятственнаго развитія основныхъ положеній того же мыслителя. „Марксъ противъ Маркса“! „Критическая“ работа „непрерывно“ продолжается. И мало по малу изъ горнила „критики“ выходитъ такой Марксъ, который, мастерски доказывая намъ историческую необходимость *возникновенія капиталистическаго способа производства*, обнаруживаетъ очень большой скептицизмъ во всемъ томъ, что кажется замѣны капитализма социализмомъ. Изъ *Маркса-революционера* „критика“ ухищрается сдѣлать *Маркса-почти-консерватора*. И все это будто бы съ помощью его же собственныхъ положеній. Но истинѣ можно сказать, что подобныя этому превращенія пришлось пережить только Аристотелю, котораго средне-вѣковые схоластики изъ языческаго философа сдѣлали чѣмъ-то въ родѣ отца христіанской церкви.

„Въ своемъ мистифицированномъ видѣ дialeктика сдѣлалась вѣчной модой, — говоритъ Марксъ, — такъ какъ казалось, что она служила для прославленія существующаго порядка. Въ своемъ рациональномъ видѣ она огорчаетъ и раздражаетъ буржуазію и ея теоретическихъ выразителей, потому что, давая положительное объясненіе существующему, она въ то же время объясняетъ его отрицаніе, его неизбѣжное

*) Эта послѣдняя мысль высказана была имъ въ статьѣ „Основная ошибка теоріи трудовой цѣнности“, Жизнь, февраль 1900 г.

падение; потому что она рассматривает каждую возникшую форму въ потокѣ ея движенья, а слѣдовательно съ ея переходящей стороны; потому что она ни передъ тѣмъ не останавливается, будучи критической и революціонной по своему существу.*)

Настоящій Марксъ до конца своихъ дней оставался вѣренъ революціонному духу *диалектики*. Но именно это обстоятельство и не нравилось г. „критикамъ“. Они „пересмотрѣли“ теорію Маркса съ точки зрѣнія „реализма“, и въ результатѣ ихъ „пересмотра“ получилась такая доктрина, которая, давая „положительное объясненіе“ капитализму, въ то же время отказывается объяснить его „неизбѣжное паденіе“, анализировать его съ его „предыдущей стороны“. Съ этой стороны „пересмотрѣны“ нашими „критиками“ Марксъ анализируетъ только старыя, до-капиталистическія способы производства и вырастающія на ихъ основѣ политическія формы. Такимъ образомъ нашъ „нео-марксизмъ“ является самымъ надежнымъ оружіемъ русской буржуазіи въ борьбѣ ея за духовное господство въ нашей странѣ.**)

Г. П. Струве стоитъ за „соціальную реформу“. Мы уже знаемъ, что эта пресловутая реформа не идетъ дальше штопанья буржуазной общественной „ткани“. Въ томъ видѣ, какой придается ей въ теоріи г. П. Струве, она не только не угрожаетъ господству буржуазіи, но напротивъ, обѣщаетъ поддерживать его, содѣйствуя упроченію „соціального мира“. И если наша крупная буржуазія до сихъ поръ и слышать не хочетъ объ этой „реформѣ“, то это не мѣшаетъ нашему „нео-марксизму“ быть лучшимъ и самымъ передовымъ выраженіемъ общихъ соціально-политическихъ интересовъ буржуазнаго класса какъ цѣлаго. Теоретики нашей мелкой буржуазіи видятъ дальше и судятъ лучше, чѣмъ дѣльцы-вожаки крупной. Поэтому ясно, что именно теоретикамъ нашей мелкой буржуазіи будетъ принадлежать руководящая роль въ освободительномъ движеніи нашего „средняго“ класса. Мы несколько не удивимся, если тотъ или другой изъ нашихъ „критиковъ“ дойдетъ въ этомъ смыслѣ до степеней весьма „известныхъ“ и „стаетъ, напримеръ, во главу нашихъ либераловъ“.

Довольно много дѣтъ тому назадъ мы въ нашемъ журналѣ „Соціалъ-Демократъ“ высказали ту мысль, что народническая теорія окончательно отжила свое время и что нашей буржуазной интеллигенціи необходимо, раздѣлавшись съ на-

родничествомъ, европеизировать свои взгляды.*) Теперь эта европеизація уже въ значительной степени совершилась, но совершилась въ неожиданной для насъ формѣ. Когда мы указывали на ея необходимость, мы не думали, что она совершится подъ знаменемъ хотя бы и „пересмотрѣннаго“ марксизма. „Вѣкъ живи, вѣкъ учись“, справедливо говорить русская пословица. . .

Теперь, когда мы знаемъ не только ошибки г. П. Струве, но также и гайоп d'être его ошибокъ; теперь, когда мы поняли его не только со стороны путаницы его понятій, но и со стороны его историческаго призванія; теперь мы можемъ разстаться съ нимъ, пожелавъ ему всяческаго благополучія. Теперь насъ ждетъ другая задача. Мы видѣли, какъ вообще несостоятельна придуманная г. П. Струве „критика“ Марксовой теоріи соціального развитія. Мы видѣли, въ частности, какъ неудачна его попытка показать невозможность „скачковъ“ въ области мысли и въ области жизни. Намъ надо показать теперь, какъ понимали основатели научнаго социализма тѣ „скачки“, которые называются *соціальными революціями*, и какъ они представляли себѣ будущую *соціальную революцію пролетариата*. Это мы сдѣлаемъ въ слѣдующей статьѣ, которая послужитъ началомъ второй части нашей „Критики нашихъ критиковъ“.

Г. Плехановъ.

*) См. внутреннее обозрѣніе второй книжки „Соціалъ-Демократа“ (Женева, 1890).

*) См. предисловіе ко второму пѣмечному изданію перваго тома „Капитала“, стр. XIX.

**) Психологія западно-европейскихъ „критиковъ“ Маркса отличается отъ русскихъ „критиковъ“ лишь въ той мѣрѣ, въ какой западная буржуазія старше русской. Но существеннаго различія здѣсь нѣтъ, не было и быть не можетъ: та же буржуазная погудка, хотя немного и на другой задъ.